

Хроники
Нинзя
3

Бесславный

ШЕРРИЛИН
КЕНЬОН

«Ходи в школу. Получай хорошие оценки. Держись подальше от неприятностей». Эти правила существуют для большинства детей. Но Ник Готье не обычный подросток. Он мальчик с предназначением, которое он и сам еще не понимает полностью. И его первое правило – выжить, когда все, включая его отца, пытаются убить его. Он научился уничтожать зомби и поднимать мертвых, научился предсказанию и ясновидению. Так почему же так чертовски тяжело учиться вождению и пытаться удержать девушку? Но вовсе не это он должен освоить, а выживание. И для того, чтобы выжить, он должен сделать так, чтобы все выглядели убого по сравнению с ним. Он на грани того, чтобы стать самым величайшим героем из известных человечеству. Или стать тем, кто уничтожит мир. Его старые и новые враги собирают силы, и ему придется использовать все свои возможности, чтобы бороться и не потерять всех близких. Или даже себя.

Аннотация

«Ходи в школу. Получай хорошие оценки. Держись подальше от неприятностей». Эти правила существуют для большинства детей. Но Ник Готье не обычный подросток. Он мальчик с предназначением, которое он и сам еще не понимает полностью. И его первое правило – выжить, когда все, включая его отца, пытаются убить его.

Он научился уничтожать зомби и поднимать мертвых, научился предсказанию и ясновидению. Так почему же так чертовски тяжело учиться вождению и пытаться удержать девушку? Но вовсе не это он должен освоить, а выживание.

И для того, чтобы выжить, он должен сделать так, чтобы все выглядели убого по сравнению с ним. Он на грани того, чтобы стать самым величайшим героем из известных человечеству.

Или стать тем, кто уничтожит мир. Его старые и новые враги собирают силы, и ему придется использовать все свои возможности, чтобы бороться и не потерять всех близких.

Или даже себя.

Шеррилин Кеньон
Бесславный

Посвящение

Моим мальчикам: вы те, кто всегда вдохновляет меня и наполняет мою жизнь любовью и смехом. Моему мужу: за все то прекрасное, что ты делаешь. Моник, Метью, Джону и АМТ, Холли и чудесным работникам SMP, воплотившим мои мечты.

Киму, Лизе, Тиш, Лоретте, Джексам и всем моим друзьям, помогающим не сойти с ума.

И всем тем, кто достаточно зрел для того, чтобы понимать, что некоторых вещей делать не стоит, но достаточно молод для того, чтобы все равно их делать.

Ну и конечно для тебя, читатель.

Спасибо, что путешествуешь со мной и Ником.

Мы надеемся, что тебе понравится, и ты возьмешься за следующую книгу.

Пролог

Не каждый день узнаешь, что ты сын свирепого демона, а твое предназначение — разрушить мир. И человек, которого ты считал своим измотанным жизнью дядюшкой, оказывается тобой из будущего, пытающимся остановить не только твою смерть, но и смерть всех остальных...

В буквальном смысле.

Но, в общем-то, для своих четырнадцати лет Ник справлялся весьма неплохо.

Ну, не совсем. Застыв в молчании, что, кстати, случалось очень редко, Ник задыхался от удара жестокой реальности. Сильного. Безжалостного.

Пришла боль. И вовсе не физическая. Ощущение было такое, словно его втоптали в землю. Голова закружилась, подкатила тошнота.

Пытаясь прийти в себя, Ник сжал в руке обломок крыльца своего нового дома на улице Бурбон, у которого он сидел. Амброуз — будущий он, стоял слева, жесткое выражение застыло на его лице.

Как он может быть Амброузом?

Или скорее, как он может им стать...

Как может он, обычный подросток, слоняющийся по закоулкам Нового Орлеана, оказаться абсолютным злом? Ник вообще себя злом не ощущал. Большую часть своей жизни он вообще ничего не чувствовал, кроме стресса от учебы и усталости от маминого ворчания по мелочам: начиная с гардероба Ника, длины волос и заканчивая его поздним отходом ко сну. Такое ощущение, что иногда она просто искала причину придрататься к сыну.

Господи, да если бы она только знала! Упрекам не было бы конца. Наверное, она заперла бы Ника дома, пока ему не исполнилось бы три-четыре тысячи лет. Это мысль казалась ему нелепой до тех пор, пока он не посмотрел на Амброуза — сильного плохого парня, стоящего по левую руку от него.

Амброуза, которым он станет в будущем...

Он оглядел часть улицы Бурбон, на которой располагался их дом. Все было как обычно. Дорожки из поломанного камня — из них состоял весь Французский Квартал. Машины припаркованные в ряд, по обе стороны улицы. Ряд домов с анфиладой, ведущей к магазинам и ресторанам...

Но в то же время, все было иначе.

В основном, потому что ему уже не стать прежним.

«Я — демон. Нет, нет, нет», — повторял Ник, пытаясь найти какое-нибудь объяснение. Такое, чтобы в нем было побольше логики, и в котором ему не приходилось бы становиться орудием тьмы Вселенной.

К сожалению, ничего путного не нашлось. Ни один из вариантов не был разумным. Когда ты размышляешь о таком, в голову лезет только всякая ерунда.

Он, Николас Амброусиус Готье — болтливый ребенок, выросший на улицах. Обычный подросток. Геймер. Помешанный на манге и аниме, теряющийся в присутствии девчонок своего возраста.

Чистое зло.

Черт, а ведь его директор был прав...

Он действительно был сыном демона. Жаль, что демоны сожрали Питерса прежде, чем он выяснил правду о родителях Ника. Старая отрыжка был бы рад узнать, что его догадки оказались верными.

Судьбой Ника было тотальное разрушение.

И он не мог этого отрицать, как бы ему ни хотелось. У Амброуза были такие же голубые глаза и темные волосы, как и у него. Та же презрительная улыбка, которая появлялась на лице Ника, когда вещи его раздражали, улыбка, заметив которую, которую мама сажала его под домашний арест. Более того, у Амброуза был такой же шрам на ладони, полученный после того, как Ксенон разрезал ее ради крови. Шрам, которого не было на ладони Амброуза в прошлый раз.

«Я — герой чертова эпизода «Сумеречной зоны[1]»».

Бесспорно, они — один и тот же человек. Только это было логичным.

«Так где же голос за кадром, сообщающий аудитории, что герой облажался и свернул не на ту улицу в пригороде или тому подобную чепуху? Ну же, Род Стерлинг. Не подводи меня. Мне нужно, чтобы ты появился и сказал, что это ночной кошмар. Скажи мне, что я попал в новое измерение».

Но паузы не было. Реальность была искажена.

А он оказался самым ненавистным сыном демона, на которого все охотились...

— Я зло, — Ник пытался принять это и не мог.

Если это было правдой, то как он мог постоянно посещать мессы с мамой? Разве он не должен был загореться от прикосновения святой воды? Почувствовать жжение, когда крестился? И кстати, он многие годы был служкой при алтаре.

Но Ник никогда не чувствовал даже легкого дискомфорта. Самое худшее, что случилось с ним в церкви — это когда священник уснул во время его исповеди, а это, скорее, говорит о том, что жизнь Ника настолько скучна, что не выдержал даже святой отец.

Ну хорошо, как-то раз он споткнулся, спускаясь к алтарю, и расплескал ладан. Но причиной этому было вовсе не проклятие, если конечно не считать проклятием его неуклюжесть, а то, что дешевые ботинки оказались Нику не по ноге.

— Я зло, — снова повторил Ник.

Амброуз переминался с ноги на ногу, сохраняя на лице то же хмурое выражение.

— Нет, Ник. Ты не зло. Нас родили для того, чтобы служить темным силам, — спокойно сказал он, словно сообщал что-то вроде: «Эй, солнце светит. Смотри, соседская собака снова роется в нашем мусоре. Чувак, на тебе уродливая рубашка. И, кстати, ты демон в человеческом облики».

М-да...

Это не шло Нику, так же, как и его безвкусная гавайская рубашка.

— Тогда зачем ты пытаешься мне помочь? — спросил он Амброуза.

Тот фыркнул.

— Я каждый день задаю себе этот вопрос и не нахожу ответа. Часть меня хочет сказать: воспользуйся правом рождения и следуй своему пути. Позволь злу одержать верх и отправь своих врагов в Нижний Мир, как они того и заслуживают. Господь знает, что борьба с предназначением никогда не давала мне мира и успокоения. Никогда. Это как язва. Хочешь горькую правду? Забота о других с самого начала превратила мою жизнь в полный отстой. Когда тебе плевать на все и на всех, ничто не может тебя ранить. Когда ты...

Враги держат тебя за жабы. Он уже выучил этот урок.

Но все же...

— Ты не ответил на мой вопрос.

Амброуз вздохнул.

— Потому что, парень, у меня нет ответа. Что бы ты ни думал, мы — крысы, заплутавшие в лабиринте. Никто не знает, как отыскать выход. По какой-то причине ты идешь влево, но ты не знаешь, верное ли это направление, ударит ли тебя током или ты найдешь сыр. И когда ты узнаешь, что там, уже поздно поворачивать. Ты либо умер, либо тебя покормили. Третьего не дано.

— Скажу, что предпочитаю второе.

Амброуз горько рассмеялся.

— Как и я. По крайней мере, большую часть времени, — он взглянул на небо, будто ожидая божественного совета. — Я очень надеюсь, что не совершаю очередную ошибку.

Он потер лоб руками, словно испытывая боль, затем посмотрел на Ника.

— Ладно. Скажу тебе правду. Всю. К лучшему или худшему. Давай выложим карты на стол и посмотрим, где мы напортачили на этот раз.

Ник не мог разобраться, хорошо это или плохо. Но в любом случае он хотел знать, что происходит и с чем ему уже приходилось сталкиваться.

Взгляды их встретились.

— Это не первая моя попытка, но точно последняя. Ты, Ник, — моя последняя надежда. Я уже пытался трижды, и с каждым разом выходило все хуже и хуже. Когда я начал изменять наши жизни, во мне было больше человечности. Я ее почти растерял. Во время последней попытки что-то во мне словно перегорело, и честно, это пугает. А я не испытываю страха. Никогда. Особенно после того, через что прошел. Но грань, за которой меня перестанет волновать что-либо вообще, тонка. Иногда я хочу, чтобы все закончилось. Потому что когда это случится, боль исчезнет и во мне установится какое-то подобие покоя. Насовсем. И никому от этого не поздоровится. А, как я уже сказал, меня почти ничего уже не волнует. Моя человечность держится на невероятно тоненькой ниточке, которая, думаю, в один день оборвется. И да поможет нам тогда Господь.

По спине Ника побежали мурашки. Он не хотел сурового, одинокого будущего, описанного Амброузом. Более того, он не хотел становиться Амброузом. Хотя он был достаточно циничен и подозрителен по натуре, часть его все еще сохраняла честность и верила в доброту и порядочность людей. Во всяком случае большинства.

Он глядел на Амброуза, обдумывая услышанное.

— Тогда зачем мне слушать то, что ты мне рассказываешь? Как я понимаю, ты связался со мной, чтобы обрести покой и положить конец нашему миру... И что значит — ты пытался три раза? Как?

— Я и забыл о своем синдроме дефицита внимания, — Амброуз покачал головой, — не удивительно, что Кириан иногда был резок со мной.

Прежде чем ответить на вопрос Ника, он глубоко вздохнул.

— Я уже руководил тремя Никами прежде. Четырьмя, если считать мое собственное детство.

— Со-обственное? — он произнес это слово, словно проигрывая его в голове.

Амброуз горько засмеялся.

— Моя жизнь слегка отличалась от твоей. Ненамного. Парой мелочей. Но эти мелочи создали большую разницу в последующих событиях.

Да, об этом он и подозревал. И это по-настоящему пугало его.

Никогда недооценивай способность людей испортить даже самые тщательно выстроенные планы — одно из любимых выражений его друга.

— Например? — спросил Ник.

— В первой попытке корректировки прошлого я заставил Ника рассказать нашей матери о мире Темных Охотников, как только он попал в него, — Амброуз сморщился, словно ему было невыносимо больно от воспоминаний. — Я действительно думал, что это лучшее решение. Правда. Все эти годы я повторял себе, что если б она знала о сверхъестественном, если бы она была предупреждена и не...

Он выругался. Затем повернулся к Нику.

— Но она не приняла это и не поверила... Это была катастрофа. Она решила, что это умственный дефект, наследственность отца, шизофрения, если быть точным. Первый Ник окончил свою жизнь в психиатрической лечебнице, где никто не защищал его от врагов. Я все еще напуган тем, что с ним сделали. И, что хуже, без нас мама продолжила работать в клубе и ее застрелили во время ограбления.

От одной мысли Ника затошнило.

— Серьезно?

Амброуз кивнул.

— Нет ничего хуже, чем наблюдать за последствиями своих же поступков, происходящими на твоих же глазах. Они навсегда остаются в твоей памяти. Понимаю, почему Савитар сидит на своем острове, подальше от всех.

Кто? Ник никогда об этом человеке не слышал.

— *Савитар*?

— Создание, с которым ты однажды встретишься. Сейчас это не важно. Просто помни, ты ни о чем подобном не должен разговаривать с матерью. Она не хочет этого знать и никогда не примет того факта, что у нее сын от демона.

Кто бы винил ее за это? Лично он считал, что ни одну женщину не обрадует подобная новость. Эй, милая, знаешь что? Сын, которого ты носила в своем теле девять месяцев, ради которого ты жертвовала своей жизнью и достоинством, должен принести конец свету. Разве ты не гордишься?

Да, это уж точно не сработает.

Так что он не откроет матери правды о себе, отце или его боссе Темном Охотнике Кириане. Если честно, Нику хотелось рассказать ей, почему Кириан не такой как все, почему он работает поздно ночью и не появляется днем. Но каждый раз, когда он думал об этом, нутро подсказывало, что лучше молчать.

Плюс одно очко нутру. Плохо, что мозг не настолько разумен.

Он боялся ее реакции, как раз по озвученной Амброузом причине. Иногда казалось, что мать искала способ отправить его на лечение в психушку. Словно она так сильно боялась, что он станет подобием отца, что искала знак, подтверждающий его внутреннюю жестокость и мерзость — чтобы запереть сына прежде, чем станет слишком поздно и он натворит бед

— А следующие две попытки?

— Следующего меня в семнадцать лет засосало в Нижний Мир, где.... — голос Амброуза замер, и он сморщился, словно эти воспоминания были еще хуже предыдущих. — Что бы ты ни делал, парень, держись подальше от Асмодея. Не верь демонам, которые

болтают о том, как там замечательно. Потому что для тебя это не так, я не могу выразить, насколько. Что бы ты ни делал, избегай созданий по имени Азура и Нойр. Тебя там ждет лишь рабство. Настолько ужасное, что ты и представить не можешь. Даже Квентин Тарантино от одной мысли не спал бы по ночам.

Мысль впечатляла, и Ник принял к сведению предупреждение Амброуза.

— Никогда не слышал об этом месте, но я добавлю это в свой список «не делать никогда».

Например, не есть брокколи, не стирать, не кормить «пса» Марка, который на самом деле был вовсе не псом, а тринадцатифутовым аллигатором с отвратительным поведением и пристрастием к каджунам.

— А следующий Ник?

Амброуз медленно выдохнул.

— Хватит того, что там тоже ничего не вышло.

— Почему?

Он с иронией взглянул на Ника.

— Я – это ты, Ник. Поверь мне, я не хочу ворошить это, и давай забудем. Есть такие воспоминания, которые не нужны никому. Я бы отдал все, чтобы стереть их.

— Ну да, но если ты знаешь меня, то ты знаешь...

— Ник!

Блин, он ненавидел этот раздраженный тон у взрослых.

Ладно. Плевать. Он не будет настаивать. У него есть еще куча вопросов. Следующего Ник страшился, но он должен был знать.

— А я? Я имею в виду, как все идет по сравнению с остальными?

«Пожалуйста, не добавляй меня к списку кошмаров».

Он хотел, чтобы его жизнь была лучше, а не хуже.

— В этот раз тоже иначе. В своем роде. Некоторые вещи такие же, а некоторые...

— Назови несколько, — попросил Ник, когда тот не стал продолжать.

Амброуз замер у крыльца.

— Ты уже знаешь о Темных Охотниках и Оруженосцах. Я об этом не знал, пока не окончил школу. Ты встретил Сими в четырнадцать. В моем настоящем прошлом я встретил ее перед тем, как стал Темным Охотником.

От этой новости Ник резко вдохнул.

— Я стану Темным Охотником, как Кириан?

Амброуз кивнул.

А это плохо. В голове закружились мысли. Темные Охотники были бессмертными войнами, защищающими человечество от сверхъестественного зла. Несмотря на то, что каждый Темный Охотник был порождением разных времен и культур, одно было общим – всех Охотников объединяло нечто ужасное, произошедшее с ними в прошлом. Нечто настолько плохое, что они продали души богине Артемиде за Отмщение тем, кто навредил им.

Ник не был уверен, что хочет узнать, что же такое ужасное подтолкнуло его к этому поступку, раз уж он не мог этого предвидеть.

Или остановить.

— Тебя подстрелили в ночь, когда ты встретил Кириана?

Амброуз кивнул.

— Здесь ничего не изменилось. Это сработало с тобой так же, как и со мной, и с остальными. По какой-то причине это — главное событие, и оно никогда не изменяется. Но то, что случается потом, каждый раз происходит иначе.

Ник прокрутил в голове эту мысль. Что может быть хуже, чем быть подстреленным другом?

«Ну, да, я хотел бы отомстить Алану и Тайри, но не стал бы продавать за это свою душу».

Значит, умрет не он. О ком же будет болеть его сердце в течение последующих лет?

Девушка?

Жена? Он будет к тому времени женат?

Вполне возможно. Предательство жены сделало Кириана Темным Охотником. Талон стал Темным Охотником после смерти жены и убийства сестры.

«Кого же я потеряю?»

Не желая думать об этом сейчас, он возобновил расспросы.

— А что еще отличается?

— Ты уже встретил Табиту Деверо, — в уголках губ Амброуза заплесала улыбка, и Ник задумался над тем, что же ее вызвало. — Я встретил ее, когда закончил школу и работал у Кириана. Но самое главное различие между нами — мой отец умер, когда мне было десять.

Ник нахмурился.

— Мой отец все еще в тюрьме. И как мне сказали — жив.

— Ага. Это случается в первый раз. Знал бы я еще, почему. Он уже должен быть мертв. Иначе это позволит врагам найти тебя раньше, чем они могли бы.

Нику определенно это не нравилось.

— Что это значит?

— Это значит, что сейчас в Новом Орлеане своими силами пользуются два Малачая — ты и твой отец, но к этому времени должен был остаться только один. Как только новорожденный Малачай достигает половой зрелости, другой умирает, обычно ужасной смертью, так что...

— Ты мне сейчас объясняешь, что если у меня когда-нибудь будет ребенок, то он вырастет и убьет меня?

На губах Амброуза появилась жестокая улыбка.

— Ты можешь завести детей. Но это — как сыграть в русскую рулетку. Если дети не унаследуют твоих сил, то их человеческая часть не сможет вынести демоническую кровь Малачаев, и они умрут до десяти лет. Тот, что доживет до десяти и выживет... заменит тебя.

Это отлично объяснило отношение отца к Нику. Неудивительно, что он его так ненавидит.

— Значит, я умру, когда им исполнится десять?

Амброуз издевательски ущипнул себя за нос, это означало, что Ник прав.

— Раньше так было всегда. Один приятный момент для нас... Пока мы не используем наши силы, мы невидимы для богов и большинства сверхъестественных существ. Если они попытаются разглядеть наше будущее, то увидят лишь будущее человека. Детей, внуков, полный набор. Им никак не узнать, кто мы, пока мы не разовьем свои силы. Но неизменной всегда оставалась одна вещь — одновременно лишь один Малачай может обладать полной силой.

— Почему?

— Это было условие перемирия, заключенного после Примиус Беллум – первой главной войны богов. От обеих сторон потребовали... приструнить солдат.

Ник сморщился, когда до него дошло истинное значение выражения.

— Ты имеешь в виду, убить их?

Амброуз кивнул.

— Но в живых остались командиры обеих армий. Один Малачай. Один Сефирот. Существует баланс, и пока действует соглашение, в их роду не может быть больше одного.

— Так что изменилось?

— Не знаю. Видимо, как всегда, не повезло, и когда я возвращался в прошлое в качестве Малачая, я разбил чашу, которую уже не склеить. Это единственное, что приходит мне в голову. Но раз уж ты еще не получил силы, думаю, что это не будет проблемой. Что бы ни вызвало этот сбой, никто не знает причину. Мы точно знаем лишь одно – твои силы у Адариана. Пока жив твой отец, над твоей головой сгущаются чернейшие тучи.

— Почему?

— Тот, кто убьет тебя, получит твои силы в качестве бонуса. Так что ты в самой худшей из вообразимых ситуаций. Никто, кроме тебя, не может убить Адариана, так что никто и не станет пытаться.

И значит, сезон охоты на Ника открыт.

— Если я умру, мой отец сможет завести другого ребенка?

— Тебе не нужно для этого умирать. Он в любой момент может завести себе другого, но только один из вас способен обрести силы Малачаев, и только один сможет дожить до зрелого возраста. Хотя все это только в теории. Однако ты не должен бояться смерти, парень. Есть вещи гораздо хуже, и они уже рядом с тобой. Ты никому не можешь доверять... кроме меня. Я единственный, кто действительно прикрывает тебе спину.

— А раньше ты говорил, что я могу доверять Кириану.

— Можешь. Он хороший человек, но он не обладает достаточной силой для битвы, в которую ты скоро вступишь. Никто не обладает, кроме тебя.

Ник разозлился, когда вспомнил о том, что Амброуз, этот придурок, уже бросал его один на один с демоном, когда мог бы и помочь.

— А ты мне не собираешься помочь?

— Я не могу.

— Ну точно. Поправь меня, если я ошибаюсь, но ты уже и так нарушаешь закон Вселенной, находясь здесь?

— Дело не в законе Вселенной. Дело в выживании. Нашем общем выживании и спасении людей, которых мы любим больше себя.

— Тогда помоги мне.

— Я и помогаю.

Ника возмутил его простой ответ. Рассиживаясь на скамейке, многого не исправишь. Амброузу нужен союзник, а не мальчик на побегушках.

— Ничего не делая?

— Точно. Если я применю свои силы в битве, то уже три Малачая будут использовать их в одном месте. Даже ты знаешь, что это означает.

Ага, треугольник. В пределах трех вершин можно разместить все, что угодно.

Амброуз посмотрел на него, как на дурачка.

— Ты точно не хочешь, чтобы я сделал это. Поверь.

Так и есть, но это еще не значит, что ему надо проходить через все это в одиночестве. Ник учился недостаточно быстро. Более того, все это означало, что у него на спине нарисована гигантская мишень.

— Чувак, это отстой.

— Добро пожаловать в нашу жизнь, — горько сказал Амброуз.

— Ну, без обид, можешь засунуть это куда подальше, — огрызнулся Ник, оценив все, что сказал ему Амброуз. — И откуда мне знать, что ты вообще не врешь? Ты говоришь, что я должен верить тебе, но доверие нужно заслужить, а не требовать, и я думаю, что пока не могу этого тебе дать.

Амброуз схватил его за воротник рубашки и рывком сдернул с крыльца.

— Слушай меня, мелкий уродец! — прорычал он в лицо Нику. — Я ненавижу тебя. Понимаешь? Жар моей ненависти горячее самой жаркой звезды во Вселенной. Если бы я мог, я бы вырвал тебе глотку и покончил бы со всем здесь и сейчас. Но я знаю одно: если мы умрем, наше место займет нечто похуже, и те немногие люди, которых я люблю, будут страдать в невообразимой агонии. Я не могу позволить этому случиться. Даже если это означает потерпеть тебя еще немного. Мы были рождены стать концом мира или его единственной надеждой на спасение.

Ник пытался вырваться, но это было невозможно.

— Чушь какая-то.

Амброуз швырнул его обратно на ступени.

— Ты мне еще об этом порасказывай. Но это так. Я могу направлять тебя и советовать. И все. Я могу сказать, где и как я облажался, и где неверно поступили другие Ники, но тебе придется прожить эту жизнь и...

— Я так запутался. Как мне все это запомнить? Мои действия не влияют на тебя?

Амброуз рассмеялся.

— Мои силы безграничны и превосходят любые твои ожидания. Иногда даже мои. Но то, что помогает мне приходить сюда и разговаривать с тобой, я одолжил. И мне придется много за это заплатить. Демон дал мне три возможности исправить будущее. Когда у меня не вышло и он пришел за мной, я убил его и взял его кровь. Это и позволяет мне помогать тебе сейчас. Когда его кровь закончится, и именно поэтому я не могу приходить и спасать твою задницу каждый раз, ты останешься сам по себе, и я забуду все о попытках изменить будущее. То, что ты сделаешь, станет моим последним воспоминанием, а остальные исчезнут навсегда.

— Приятель, это отстой. Ты пьешь кровь?

Амброуз раздраженно посмотрел на него.

— И после всего, что я рассказал, ты можешь сказать только это?

— Нет, но это так противно. Как ты можешь пить чью-то кровь? — Ника передернуло. — Фу, не могу поверить, что когда-нибудь сделаю такую гадость.

— Сынок, тебе предстоит сделать вещи и похуже.

Амброуз выругался. Выражение его лица говорило о том, что он с удовольствием бы сжал шею Ника в своих руках и наблюдал бы за тем, как его глаза закатываются, когда жизнь покидает тело.

— Не могу поверить, что моя судьба в твоих руках.

А вот это было грубо и по-настоящему разозлило его.

— Ну, как я уже сказал, сам-то ты не лучше справляешься. Я не могу поверить, что у

меня будет твоя уродливая задница. Кстати, говоря о разочарованиях. Знаешь, а у меня есть планы. Я собирался стать адвокатом. Сделать что-нибудь хорошее для мира. А не стать... — он ткнул в Амброуза пальцем, — каким-то самовлюбленным уродом.

Выражение его лица стало еще холоднее.

— Если бы я был самовлюбленным, то не оказался бы здесь. Тебе легко судить меня. Тебя не предавали... Пока.

— Неправда. В меня выстрелил лучший друг.

— Алан, Тайри и банда... это не предательство. В глубине души ты знал, кто они такие. Знал, кем был, когда проводил время с ними. Чего ждать. Ты не можешь винить змею за укус, ведь это природа чудовища заставляет ее так поступать.

Глаза Амброуза сузились.

— Нет, Ник. Я говорю о настоящем предательстве. Которого не ожидаешь. Таком, что сбивает тебя с ног и выбивает тебе зубы, и навсегда разрушает твою жизнь. О том, что остается с тобой десятилетиями. Когда ты окончишь школу, то поймешь, что Алан сделал тебе одолжение. Ты покинул улицы как раз вовремя, пошел по неверному пути и осуществил мечту своей матери.

Его матери.

Когда Ник осознал смысл этих слов, ему стало плохо. Еще одна мысль ударила ниже пояса.

Хотя Амброуз выглядел усталым, но он не был стар. Наверное, не старше его друга Марка, и точно не старше матери, которой было двадцать восемь.

«Меньше, чем через десять лет я стану Темным Охотником».

Только одно могло бы стать причиной такой перемены.

— Мама умрет, да? Поэтому я стану Темным Охотником?

В это мгновение глаза Амброуза изменились от голубого к темному, как у Кириана, цвету. Ветер раздул полы его темного плаща и его волосы. Двойной лук и стрелы — знак Темных Охотников, появился на его щеке, и клыки сверкнули в свете исчезающего дня.

Темные Охотники умирают от дневного света.

Но не Амброуз...

Как он может находиться на улице, когда по идее, не должен? Как он может скрывать метку Темных Охотников?

По спине Ника пробежал холодок, то же он чувствовал и в душе.

— Из-за тебя, — Амброуз прорычал эти слова, — и твоей глупости твоя мать, Бабба, Марк и другие близкие тебе люди умрут ужасной смертью. Эту картину мы и пытаемся перерисовать. И если ты снова провалишься, то все кончено. Для всех нас.

Глава 1

Говорят, что если биться головой о кирпичную стену, то сжигается сто пятьдесят калорий в час. Если это правда, то Ник уже должен быть истощен, потому что за последние два дня он бился ей так сильно, что сейчас у него должно быть сотрясение.

— Мама, пожалуйста...

— Нет, значит нет. Ты слишком молод, чтобы встречаться с кем-нибудь.

В пятнадцать? Правда? С каких это пор рано встречаться в пятнадцать? Если бы он не был уверен в противоположном, то сказал бы, что она была из средневековья. Черт, да по

сравнению с ней Кириан мыслил более свободно, а уж он был из каменного века или железного века, или одного из этих скучных веков, которыми они старались напичкать его в школе.

Этот человек ездил на свидания на колеснице...

Ник собирался закатить глаза, но остановил себя. Когда мама была в таком настроении, это было, как поднести сильное пламя к газу, при этом надев одежду, пропитанную керосином.

Я достаточно взрослый, чтобы биться насмерть с демонами и зомби, останавливать апокалипсис, сотрудничать со Смертью и работать на двух работах, но не могу сводить свою девушку в кино...

Да где логика в этом мире?

Он раздраженно вздохнул.

— Я старше, чем ты была, когда я появился.

Она сузила свои маленькие голубые глазки и приподняла подбородок, чтобы посмотреть на него. Он все еще не привык смотреть на маму сверху вниз, ведь теперь она доставала ему лишь до середины груди.

В голове не укладывалось, что кто-то настолько крошечный пугал его лишь приподнятой бровью. Но, не смотря на споры и разницу во взглядах, он любил свою мать и не сделал бы ничего, чтобы ранить ее или ее чувства.

Именно поэтому она и пугала его одним лишь взглядом.

«Я тряпка».

— Поясню тебе мое мнение, Ник. Разве не видишь, во что ты можешь вляпаться? Ты хочешь стать отцом в пятнадцать? Думаю, что нет. Ты даже не вспомнишь, что тебе надо вынести мусор, если я тебе три раза за день не напомню. И, к твоему сведению, именно столько раз требуется кормить ребенка.

Дело было не в том, что ему нужно было напоминать, а в том, что он ненавидел это делать и надеялся, что она забудет. Но лучше об этом не упоминать. Тогда проблем не оберешься. Поэтому он пошел в атаку на ее первый аргумент.

— Технически, если девушка забеременеет сейчас, то мне будет шестнадцать, когда родится ребенок.

Собрав свои светлые волосы в хвостик, она уставилась на него.

— Не смешно, Ник. Даже не смей шутить о таком. Меня это не радует.

— Лично я считаю, что ты хорошо справилась со мной, ма. И это без какой-либо помощи. Не знаю, почему ты жалуешься.

Она уперла руки в боки и ее взгляд стал яростным.

— А ты пытаешься отвлечь меня лестью. Не получится. Ты не сможешь ходить на свидания, пока не научишься водить, и точка.

Это был еще один больной вопрос для него.

— Я тебе все время умоляю научить меня.

— Не на моей модной прекрасной новенькой машине. Это первая новая машина, которой я владею, и единственная машина, которая есть у нас. Если ты сломаешь ее, то нам не на чем будет эвакуироваться в сезон ураганов.

Ник глухо зарычал. У него было достаточно накопленных денег, чтобы купить машину, но из-за его возраста он не мог стать собственником, а мать отказывалась сделать это за него.

«Деньги на колледж, а не на машину, которая тебе не нужна. Нет такого места, куда тебе нужно пойти, до которого нельзя добраться пешком или на трамвае».

Уф! Его мать так часто разочаровывала его.

Он надул губы.

— Получается, я никогда не научусь водить и никогда не смогу встречаться с девушкой.

Она гордо улыбнулась и, развернувшись, ушла в спальню за обувью.

— Вот теперь ты все понял, страшилка.

Он начал ее передразнивать. Она резко развернулась, чтобы посмотреть на него, словно она знала, чем он занимался.

Ник одарил ее самой очаровательной улыбкой.

— Ну же, ма. Все в моем классе ходят на свидания, даже Мадуг.

— И если...

— Все прыгнут в Пончартрейн[2], ты прыгнешь тоже?— спросил он фальцетом, прежде чем она успела продолжить.

За что заслужил еще один враждебный взгляд.

— Не передразнивай меня, мальчик.

— Прости, мне жаль.

Она стала надевать туфли.

— Нет, тебе не жаль. Но если ты так сделаешь снова, то пожалеешь, — она выпрямилась. — А теперь мне пора на работу. Вернусь примерно в полночь. Ты пойдешь в дом с приведениями, который в честь Хэллоуина сняла твоя школа?

Ник фыркнул.

— О да, мам. Именно это я и хочу сделать. Обмочить штаны на глазах одноклассников и кричать, как девчонка. Это еще одна попытка сделать так, чтобы я точно ни с кем не встречался до конца жизни?

По ее сжатым губам он видел, что она не хотела смеяться. В конце концов, она проиграла битву и рассмеялась.

— Ты невозможен,— она потрепала его волосы. — Будь хорошим мальчиком, скоро увидимся.

Она открыла дверь и завизжала.

Ник приготовился бороться с кем бы то ни было.

Пока его мама не отступила, смеясь.

— Господи, Мистер Грим, я от страха потеряла десять лет жизни. Ник не сказал мне, что его учитель придет сегодня, — она обвиняюще посмотрела на Ника, который был как и она удивлен появлением Грима. Но раз уж они имели дело со Смертью, то отвечать он не стал. Как обычно, Смерть приходил неожиданно... когда ему хотелось. — В следующий раз, Страшилка, предупреждай меня о гостях.

Улыбнувшись, она обошла Грима.

— Хорошего вам вечера. Извините, мне нужно поспешить, я опаздываю на работу.

Грим прикрыл за ней дверь. Для Ника он выглядел, как обычный молодой человек, едва вышедший из подросткового возраста, примерно двадцати лет, со взъерошенными русыми волосами и серыми глазами, одетый в черную толстовку с черепом и перекрещенными костями на спине. Но Грим Жнец мог принять любую форму для остальных, так что мать Ника видела его тридцатилетним. Вызывающим доверие.

Она бы буквально умерла, если бы знала, что пустила Грима Жнеца к себе в дом.

Засмеявшись, Грим повернулся к Нику.

— Твоя мама такая предсказуемая, что это убивает меня. Это мне в ней и нравится. Большинство людей, хотя и не способны увидеть мою истинную форму, все же чувствуют что-то в моем присутствии. Но не твоя мама. Она искренне верит, что я человек. Забавно.

— Ага, — это его больше всего и беспокоило. У нее не было вообще никаких способностей чувствовать сверхъестественное. — Она все еще считает Кириана торговцем наркотиками. Ты не представляешь, как она пилит меня за то, что я работаю на него.

Смерть скривил рот.

— Не упоминай своего босса при мне. Люди, обманувшие смерть, бесят меня. Ненавижу трюк Артемиды с возвращением из мертвых. Правда, не должно быть никаких лазеек.

Ник не стал упоминать о том, что однажды и он обманет Грима. Этот день обещает быть интересным, учитывая их отношения.

— Так как Артемида делает это?

Грим нахмурился.

— Как будто я такой тупица, чтобы рассказывать это Малачаю? Ты видишь татуировку «дурак» у меня на лбу?

Зная, что ответить на этот вопрос — лишь глупо умничать перед Смертью, и поэтому Ник просто почесал шею.

Грим, который страдал от ОКР[3] и не выносил чужеродных бактерий, засунул руки в карманы и сократил расстояние между ними.

— И как мой самый нелюбимый ученик?

— Еще не умер.

— К сожалению, я в курсе, — Грим тяжело вздохнул. — Как жаль. Я все надеюсь, что что-нибудь схватит тебя и уже не отпустит, но что-то не везет... пока.

— Я тебя тоже люблю, Грим. Я с таким нетерпением жду наших воссоединений.

— Уверен, ты их жаждешь также как и я.

Ага, одинаково приятно, как и походы к стоматологу или ампутация конечностей. Не комментируя, Ник пошел за коробкой «игрушек» для их урока, но Грим остановил его.

— Мы пока отдохнем от предсказаний. Думаю, ты уже освоил почти все.

Ник поспорил бы с этим. В прошлый раз, когда он попытался использовать маятник, тот раскрутился и едва не выбил ему глаз. Переносица после того все еще заживала, а ведь случилось это неделю назад.

Все остальное получалось без какой-либо логики и причины. Но он всегда был рад научиться новому.

— Тогда что мы будем делать.

— Шелковую речь.

Ник приподнял бровь, показывая, что не понимает.

— Я собираюсь научиться разговаривать с тканью? Ух ты. Отличная способность, Грим. Всегда такую хотел. Жду не дождусь начать урок. Показывай мне шарфик.

В ответ на сарказм Ника Грим раздраженно зарычал.

— Как меня бесит, что я не могу убить тебя.

— Ну, что я могу сказать? Не каждый может раздражать Смерть и при этом оставаться в живых. Я разбавляю твой мир.

Грим пробормотал нечто, похожее на угрозу.

— Шелковая речь — это способность влиять и контролировать.

Наконец-то ценная способность.

— Влиять?

— Способность заставлять людей верить в то, что тебе хочется, или делать, что тебе хочется.

— Вроде контроля над разумом?

— И да и нет. Контроль над разумом не работает на по-настоящему упертых. Ну знаешь... Созданий вроде тебя.

Ну, если это срабатывает не всегда...

— Тогда что в этом хорошего?

— Ладно, — Грим направился к двери. — Если ты не хочешь учиться...

— Подожди, подожди, подожди. Я этого не говорил. Я хочу влиять на других, — особенно, если это изменит отношение мамы к свиданиям, вождению и домашней рутине...

Да, открывается куча возможностей. Если повезет, то ему возможно больше никогда не придется выносить мусор!

Грим медленно повернулся.

— Мудрый совет, мелкий умник, будь осторожен, используя эту силу. Как и у всех остальных, у нее есть ряд побочных эффектов.

— Например?

— Это может довести человека до самоубийства. Изменить его судьбу. Повлиять так, что ты не будешь знать, пока не станет поздно.

Вот блин. Еще одна сила, на которую он не мог рассчитывать. То, что нужно.

В таком случае он вообще не понимал, зачем его учили. Это как давать орехи беззубой белке.

Ник тяжело вздохнул.

— Из всех этих способностей только одна работает нормально — способность призвать помощь, и то, если только Кaleb не моется или не с женщиной. Ну почему бы одной...хотя бы одной способности не работать, как положено?

Выражение лица Грима было злым и холодным.

— Ну вообще-то, они так и делают. Проблема в том, что все люди разные и по-разному реагируют на раздражители. Именно поэтому ты не можешь на них рассчитывать, и поэтому твои способности дают осечку. Прежде чем использовать их, ты должен какое-то время изучать цель.

Ник нахмурился.

— Я не понимаю.

— Все ты понимаешь. Инстинктивно, и именно поэтому некоторые люди тебя притягивают, а от некоторых ты бежишь, — Грим взял фарфоровую куклу, которые коллекционировала его мама, и рассматривал ее, продолжая беседу. — Рассмотрим слово «деревенщина». Некоторые люди гордятся, когда их так называют. А для некоторых это величайшее оскорбление.

Он вернул куклу на полку.

— Изначально, это слово ассоциировалось с другим и имело совершенно иное значение. Когда-то, деревенщинами называли рабочих угольных шахт в Пенсильвании, Севера Вирджинии и Запада Кентукки, что далеко от центра Юга, где, как все считают и проживают деревенщины. Они были разных рас и вероисповеданий, и с гордостью носили красную бандану вокруг шеи, чтобы отличаться от остальных, в знак солидарности с

рабочими, противостоящими большим корпорациям, эксплуатирующих их. Короче говоря, они были народными героями и их уважали.

Глаза Ника расширились. Грим и Кириан рассказывали об истории очень интересно. А его учитель в школе усыплял.

— Правда?

Грим кивнул.

— Через декады термин стал оскорбительным. Такое часто случается с языками. Когда-то слово war – война, означало необходимость быть осторожным, от слова warning – предостережение. Precocious – не по годам развитый, изначально обозначало «глупый». Но я отвлекся. Дело в том, Тощенький, что у людей есть спусковые крючки. Слова или картины, которые дают толчок, и они начинают испытывать волну негативных эмоций. Если я назову Баббу деревенщиной, он рассмеется и согласится. Если я так назову твоего друга Марка, то он очень обидится, и возможно, по собственной глупости, попытается ударить меня. Когда ты пытаешься воспользоваться Шелковой речью, то должен понимать, какой негативный эффект она может оказать. Если ты случайно нажмешь на чей-то спусковой крючок, то в итоге можешь получить негатив взамен позитива. И наоборот.

Ник кивнул, слушая урок Грима. Это он проворачивал годами, особенно с придурками и драчунами вроде Стоуна из школы.

— Значит, ты объясняешь, что я должен узнать, на какие кнопки нажимать.

— Точно.

— Это же базовая психология, Грим. Как это может быть силой?

Его глаза покраснели, а затем потемнели.

— Ты сможешь делать это, не произнося ни слова. Лишь одной мыслью ты сможешь нажимать эти кнопки.

О, а это круто.

— Значит, я буду как Оби Ван Кеноби[4] с его Джедайской силой мысли, — он поднял руки вверх и начал вращать ими, словно призывая Силу. — Здесь нет никаких дроидов.

Грим раздраженно вздохнул и посмотрел на потолок.

— Это как тренировать кота с синдромом дефицита внимания на машинной фабрике.

— Эй, да я сосредоточен, — особенно если сравнивать, как он вел себя на настоящих уроках в кабинете.

Грим усмехнулся.

— Только в двадцати процентах проведенного с тобой времени у меня есть тридцать процентов твоего внимания. Остальная часть твоего мозга занята обдумыванием стратегий игр, скудно одетыми женщинами и всеми вещами, которыми ты собираешься заняться, когда вырастешь и станешь самостоятельным.

Ну ладно, Смерть говорил разумные вещи. Но что в этом плохого? Ник чувствовал, будто ему на шею накинута удавка. Он уже вырос физически и умственно, но все по-прежнему относились к нему, как к ребенку. Если честно, то его уже начало это раздражать. В его возрасте у его мамы уже был ребенок. Кириан уже был ветераном войн в Греции и боролся против оккупации римлян. И кто знает кем был Грим в его возрасте.

Но его мама вела себя так, словно у него был умственный дефект и он не мог даже шнурки на ботинках завязать, а ведь он заботился о ней всю свою жизнь. Помогал оплачивать счета. Делал домашнюю работу. Присматривал за ней. Помогал Меньяре с ее машиной.

За последний год в него стреляли, и он боролся со сверхъестественными врагами, которые прятались за каждым углом. Единственные, кто не относился к нему, как к пятилетнему, были Кириан и Ашерон.

И Грим.

«Если хочешь, чтобы тебя уважали, начни уважать сам» , — ему вспомнились мамины слова. Очнувшись, он коротко кивнул Гриму.

— Ладно. Я весь во внимании.

— Это продлится три секунды, — выдохнул Грим. — Честно, если б я не был так уверен, то поклялся бы, что ты не Малачай. Меня поражает, что кто-то бесполезный вроде тебя может вообще обладать хоть какими-то силами. Ты был рожден белым мусором, им и останешься навсегда.

Он скривил губы.

— Ты ничто.

Гнев затуманил глаза Ника. Кровь побежала по его венам так быстро, что его тело нагрелось до температуры раскаленной лавы.

— Мальчик, я не ничто. Ты скоро узнаешь, на что я способен.

Грим рассмеялся.

— Вот так. Я наконец-то привлек твоё внимание. И ты выучил свой первый урок по влиянию. Ты используешь свои способности к предсказанию и ясновидению для того, чтобы пощекотать нервы человека, которым пытаешься манипулировать. Можно влиять даже на таких сильных, как ты. Не разумом, а словами и действиями. Я не могу управлять тобой, но могу вывести из себя и заставить тебя дать мне нужный эмоциональный отклик. К этой силе ни у кого нет иммунитета.

Ник нахмурился, пытаясь понять нюансы урока Грима.

— То есть ты не думаешь так, как сказал?

— О, ещё как. Но я использовал твой спусковой крючок, чтобы добиться того, что хотел. Однако то, что я сделал, не было хитростью. Хитрость тебе необходимо освоить и именно это сделает тебя по-настоящему опасным. Самое лучшее влияние — то, которое не распознать. Когда твоё цель считает, что это была его идея.

— Это кажется невозможным.

— Ты так считаешь, но это вовсе не так. Люди очень просты, и ты удивишься, как легко их контролировать, и не важно, кто они такие и откуда.

Нику не понравилось как легко Грим рассердил его. Кириан, Меньяра и его мама были правы. Он на свою беду слишком легко терял голову.

— А можно как-нибудь узнать, что кто-то применяет это на мне?

Грим кивнул.

— Тогда научи меня, о Великий Мастер. Я не хочу быть ничьей сучкой.

В жутких глазах Грима заплясали темные огоньки.

— Ах, малыш Ники, в этом-то вся проблема. Рано или поздно мы все становимся чьими-то сучками. И силы, которые охотятся на тебя, собираются проверить каждую твою часть. Кто-нибудь, кого ты не увидишь, придет, прижмет тебя к стене и выпустит твои кишки. Радостный для меня день, да?

Ник сморщился, когда Стоун Блейкмор врезался своим чересчур мускулистым плечом в плечо Ника в холле его школы. Боль охватила руку, и он захотел бить это чудовище своим рюкзаком, весом в двести фунтов, пока Стоун не взмолится о прощении.

— Смотри, куда идешь, голь перекатная, — огрызнулся Стоун, оттолкнул Ника и пошел дальше к своему шкафчику.

Толпа вездесущих идиотов Стоуна последовала за ним, смеясь. Ну ладно, будто то, что ты врезался в парня в холле, стоило улюлюканий. Везет же людям с интеллектом неандертальцев, которых удивляют такие обычные вещи, как ковыряние в пупке...

Ник развернулся, чтобы ответить на оскорбление, но эта мысль испарилась, когда перед ним появилась Никода и отрезала от толпы. Она была одета в обтягивающий бежевый свитер и джинсы, а ее каштановые волосы были собраны в косички. От ее вида захватывало дыхание, и неожиданно исчезли все мысли о Стоуне.

По сравнению с его силами, ее силы впечатляли. Она могла превратить мозги парня в пюре лишь простой улыбкой. Одно прикосновение, и он становился совершенно беспомощным. Простое ее присутствие поглощало весь его интеллект и он становился придурком, пускающим слюни, следующим за ней и отчаянно желающим выполнить все, что она попросит...даже нести ее блестящую розовую сумочку.

— Привет, красавчик. Где ты был прошлой ночью?

Там, где ему не хотелось быть. Это точно. Он бы лучше подержался с ней за руки в темном кинозале, чем слушал, как Грим говорил, какой он идиотский придурок.

Господи, он мог вечность смотреть в зеленые глаза Коди, особенно когда она смотрела на него, как сейчас. Будто он был важен для нее.

— Мама не пустила. Прости.

Она нахмурилась.

— Почему?

Закидывая рюкзак на плечо, на котором не было синяка от Стоуна, Ник вздохнул.

— Она считает все, что мы с тобой делаем свиданиями, а для них она считает меня слишком молодым, — затем он промямлил. — Не дает мне даже попробовать.

Она нахмурилась еще сильнее.

— Не понимаю. Мы с тобой много чего делали вместе. Почему она к кино привязалась?

Он глупо улыбнулся.

— Она просто не знает о тех вещах. Я ей просто не говорил, что я с тобой для этого встречался.

Она цыкнула на него.

— Ложь во спасение все равно ложь, Ник.

— Знаю, Коди. Знаю, — Но сказать маме, что за ним гоняются демоны, чтобы убить и эта шикарная девочка из школы помогает бороться с ними, это не то, что он хотел бы сделать. Особенно после ужасного предупреждения Амброуза месяц назад. — Не ругайся на меня, ладно? Я итак об этом думаю весь день.

Ее виноватое выражение лица заставило его почувствовать себя намного лучше.

— Этим утром на тебя что-нибудь нападало?

Никода и Калевб — два единственных человека, которые знали, кем и чем он был на самом деле. Калевб был его демоническим охранником от всего смертельного, сверхъестественного, а вот кем была Коди Ник все еще не был уверен. Она не говорила, и ему приходилось гадать.

Кстати говоря о лжи во спасение...

Но они оба проливали кровь за него. И пока они как-нибудь не навредят ему, он будет верить им безоговорочно.

— Мама-чудовище вонзила клыки в мою шкуру за все, начиная с не вынесенного вечером мусора и до не причесанных этим утром волос, — он не стал упоминать, что «стульчак унитаза снова не опущен» и «нижнее белье оставлено на полу». Ему не нужно пугать свою девушку такими личными подробностями. — Я все еще страдаю от этого.

Ее улыбка заставила его желудок подпрыгнуть.

— Поняла, — она потянула его за воротничок, его уродливой оранжевой гавайской рубашки, на который были бутылки табаско огромного размера. Ее заставляла его носить мама, потому что ошибочно полагала, что это выглядит респектабельно и... приготовьтесь... «богато». — Новая рубашка?

Ник зарычал в ответ.

Рассмеявшись, Коди привстала на цыпочки и быстро поцеловала его в щеку, наплевав на запрещение «демонстрации чувств на публике», установленным в Св. Ричардсе.

— Здесь зона свободная от наблюдения, плюс в этой вульгарной рубашке ты выглядишь шикарно, как никто другой. Только ты можешь быть таким секси в такой ужасной одежде. Но ты должен поторопиться, иначе тебя снова оставят после занятий.

И через мгновение зазвенел звонок.

Ник проклял свою удачу и помчался вниз по холлу за Коди в их кабинет. Залетев в двери их мрачной тюрьмы бежевого цвета, Коди потянула его за рубашку, чтобы остановить.

Мисс Ричардсон, самый гадкий тролль по эту сторону от Нижнего Мира, прищелкнула на них языком. Она постучала по дешевым часам на запястье с усмешкой на ее уродливом лице.

— Вижу, что вы оба снова опоздали. Что опять? Это ваше третье предупреждение, Мистер Готье? Вы знаете, что это значит.

О да. Оставят после уроков. И значит, придется провести еще больше времени с Ричардсон. Именно это он и хотел добавить в Рождественский список, как раз сразу после расстройства кишечника.

Ну почему сейчас не появится демон и не выпустит ему кишки? Не утянет его в какую-нибудь ужасную адову пасть...Он бы обрадовался. Черт, до сегодняшнего утра, он бы, наверное, даже сопротивляться не стал.

Прикрыв глаза, он призвал свою способность к Шелковой речи, чтобы проверить ее работу.

— Так звонок еще не прозвенел.

Ричардсон на секунду замерла. Затем моргнула.

— Увидимся в три часа.

Дерьмо. Не сработало. Удивительно. И это в очередной раз доказывает, что Ричардсон не человек.

Раздраженный, он вырвал листок из ее руки, пока она уставилась на Никоду.

— И вы, Мисс Кеннеди. Еще одно предупреждение и вы присоединитесь к Мистеру Готие после уроков.

— Произносится Го-тье, — сказал Ник, поправляя ее «Готиieee». Он ненавидел, когда люди неправильно произносили его фамилию.

— Ну, конечно, — как ее тон может быть таким злобным? — Как я могла забыть, что

каджуны из глуши так испортили и оскорбили прекрасный французский язык.

И она презирала каджунов изо всех сил. Об этом она сообщала каждому, и возникал вопрос, почему эта женщина жила в Новом Орлеане – доме каджунов. Видимо один из его предков переехал ее кошку, когда она была ребенком...судя по ней девятьсот лет назад.

По крайней мере то, что она носила было в моде тогда.

Не смотря на то, что он знал, что позже ему придется заплатить, Ник одарил ее самой чарующей улыбкой.

— Что еще, дорогуша? – Насладимся жизнью! Девиз Нового Орлеана и его персональное кредо.

Он подмигнул ей. Пока он шел, чтобы усесться рядом с Калемом, который закатил глаза, Ричардсон дымилась.

Ник поставил тяжелый рюкзак на пол, и не смог удержаться от последней провокации.

— Без обид, дорогуша. Я и моя красопетка собираемся оторваться на обеде. Это не повод тебе зуб точить на меня. Я принес колбасень и свежей выпечки. Вкусняха![5]

Кажется, гримасу отвращения на своем лице она скопировала у горгулий.

— Хватит, Мистер Го— тьер. Я добавляю к вашему наказанию еще день.

«Не вздумай. Сядь и заткнись» — сказал Калем в его голове.

Но Ник не мог остановиться.

— Го—тье, — поправил он произношение снова.

— Что это было? – надменно спросила Ричардсон. – О, я знаю.

Она сузила свои мышинные глазки за очками, с затемненными стеклами.

— Так звучит дополнительный день наказаний. Я так рада, что кто-то сможет убраться у меня в кабинете завтра.

Ох, как он хотел запихать эту самодовольную улыбку ей в глотку.

Сжав зубы, он сел.

«А я тебе говорил. Так ведь?»

Он посмотрел на Калеба.

Прежде чем пойти на свое место в противоположной стороне кабинета, Коди похлопала его по плечу. Стоун развернулся на своем месте, чтобы поддразнить Ника беззвучным смехом.

Однажды, мелкий извращенец, я получу силы, чтобы послать в тебя разряд электричества, и буду наблюдать, как ты потеряешь контроль над своей формой. Это будет забавно. Стоун лежит на полу, меняя туда-обратно человеческую форму на волчью. И если повезет, Ричардсон хватит сердечный приступ.

Прямо как покупка два в одном...

Ник в ответ посмотрел на Стоуна. Хотя физически Стоун выглядел пятнадцатилетним, но он был оборотнем, то есть почти тридцатилетним. Раса Стоуна относились к возрасту иначе, чем люди, и прежде чем послать своих в школу, их долго держали дома, чтобы научить жить с людьми. Но не смотря на годы дополнительных тренировок дома, Стоун не был более зрелым, чем человеческий подросток.

Погодите. Что он сказал? Уровень развития Стоуна застыл на пяти годах.

Стоун из-за денег отца, и того, что играл в футбол, баскетбол и бейсбол, думал, что он выше всех и каждый должен кланяться ему. На самом деле он и остальные животные, бегающие с ним, считали Ника волком-омегой, которого надо преследовать и унижать. И все из-за того, что Ник, пока не начал работать на Кириана, был бедным студентом со

стипендией. Однако позже, враждебность Стоуна возросла еще больше, из-за того, что его девушка Кейси Вудс, с которой он то расходился, то сходилась, стала отдавать предпочтение Нику.

Но Ник никогда не был добровольной жертвой Стоуна, его гены не позволяли ему прогибаться ни перед кем и ни перед чем. В результате, их драки стали легендой среди учеников и преподавателей.

Как только Ричардсон завела шарманку, открылась дверь и появились двое незнакомых учеников с директором Мистером Хэдом. Подведя их к столу Ричардсон, директор заговорил низким голосом, пока мальчик и девочка нервно оглядывали комнату.

— Похоже, свежее мясо, — громко прошептал Стоун своему другу Мейсону.

Мейсон кивнул.

— Он так себе, а девочка вполне ничего.

— Мейсон! — Кейси повернулась, скорчила рожицу и огрызнулась. — Прекрати! Ты отвратителен. Вы оба.

Она притормозила, чтобы послать горячий взгляд Нику, кто-то из всех сил постарался не реагировать и не дать Коди заметить его.

Слишком поздно. Он получил что-ты-делаешь-Ник взгляд от Коди, как раз перед тем как она послала Кейси девочка-я-вырву-все-твои -волосы-если-не-оставишь-моего-парня-в-покое усмешку Кейси.

Кейси закатила глаза, прежде чем Коди развернулась на стуле и перекинула волосы через плечо.

Оооо, он не советовал бы ей это делать, ведь его девочка не сомневалась, отрезая голову тому, кого считала угрозой.

Плохо, что Кейси этого не знала.

Он все еще не знал, что за игру затеяла с ним Кейси. Она была лидером чирлидеров и сходилась и расходилась со Стоуном в течении трех лет. Но в течении последнего года, каждый раз, когда Ник оборачивался, она заглядывала ему в лицо и старалась привлечь внимание.

— Класс! — Ричардсон похлопала в ладоши, чтобы привлечь внимание. — У нас двое новых учеников. Они брат и сестра и их перевели сюда. Джоуи и Джилл Бекер.

Она поправила очки на кривом носе.

— Присаживайтесь, дети.

Джоуи схватил стул напротив стола Ричардс, бедный парень. Он скоро все поймет. Джилл какое-то время скользила взглядом по комнате, прежде чем улыбнулась Нику и не прошла к пустой парте слева от него.

Коди вопросительно посмотрела на него.

Ник поднял руки, защищаясь.

«Я не при чем», — послал он ей мысль.

Ее лицо выражало, что она не поверила.

«Как я во все это умудряюсь влезать,» — и что более важно, как ему из этого выпутаться?

Что уж поделать, если он такой привлекательный для противоположного пола. Ну ладно, это была шутка. Он знал, в чем причина, но как мужчина в такой вульгарной рубашке, с его подростковой неуклюжестью и постоянно растущим телом, мог привлечь кого-то кроме мух и комаров.

Джилл протянула ему руку.

— Привет, я Джилл.

Чувствуя, как Коди мечет ему в спину кинжалы, Ник нехотя пожал ее руку.

— Ник, — затем он быстро отвернулся.

— Ты не мог бы проводить меня на следующий урок, Ник?

«Помоги мне. Ну где же, ну где же ты, товарищ с острым языком? Почему ты покинул меня в часы отчаяния? Быстро открывай свой рот и вытащи меня отсюда».

Калеб повернулся к ней лицом.

— Буду рад показать. Я, кстати, Калеб.

— Мистер Малфас, — раздраженно рявкнула Ричардсон. — Ты хочешь чем-то поделиться с классом?

Калеб улыбнулся этой высокомерной мегере.

— Нет, Мисс Ричардсон. Я просто предлагал помощь новой ученице, чтобы она не заблудилась по пути на следующий урок.

— Мило с твоей стороны, но води себя потише.

— Да, мадам.

Блин, как это наверное бесит Калеба. Ему было тысячи лет, и он был самым сильным из всех, кого Ник встречал, не считая Ашерона. Он не сомневался, что демон мог бы поджарить Ричардсон на месте.

И так, для размышления, когда-то он завидовал голливудской внешности Калеба, его прекрасному телу, отличному гардеробу и деньгам. Пока не узнал о нем правду. Теперь Ник знал, что нет таких денег во вселенной, чтобы компенсировать Калебу то, через что ему приходится проходить и за то, что постоянно приходится выручать хилую задницу Ника. Хотя демон не очень-то любил делиться своим прошлым, но нельзя было не заметить тени в его глазах, когда он думал, что никто на него не смотрел.

И Ник задумывался, может и его шрамы были так же видны, не смотря на возведенную защиту.

Прозвенел звонок, хотя и недостаточно скоро, освобождая его от нудения Ричардсон. Слава богу, она больше не ведет у него английский. Прошлый год был самым долгим в его жизни.

Ник закидывал рюкзак на плечо, когда Джилл уверенно встала перед ним. Он послал нервный взгляд Калебу, потом Коди, которая казалась более чем недовольной вниманием Джилл к нему.

— Мой следующий урок в кабинете 214. Не мог бы ты помочь найти его?

Ник сделал шаг назад, чтобы Калеб мог проскользнуть мимо него.

— Я буду более чем рад показать тебе, — сказал Калеб своим самым сексуальным тоном.

Джилл нахмурилась.

— Если ты не возражаешь, то я бы предпочла, чтобы Ник проводил меня.

Выражение на лице Калеба было бесценным. С его модными ухоженными черными волосами и взглядом темных глаз, он не привык тратить больше секунды на привлечение женского внимания.

Коди взяла Ника под ручку, и потрепала его темно-каштановые волосы.

— Уверена, Калеб не возражает. Однако, у меня с этим небольшая проблема. Я, Коди. Девушка Ника. Приятно познакомиться, — и она буквально потащила его из кабинета.

Из-за ее жесткой хватки и нежелания обидеть ее, Ник задержался в холле перед следующим уроком.

— Тише, Коди. Я же не делал ничего плохого.

Она ослабила хватку.

— Я знаю, что не делал. Но не смотря на то, что ты думаешь, ты такой невероятно привлекательный. Этот твой демонический шарм притягивает к тебе всех особ противоположного пола.

Еще одно доказательство, что Ричардсон не была женщиной.

— Чем старше ты становишься, чем больше ты овладеваешь своими силами, тем сильнее это становится. Хотела бы я как-нибудь выключить это.

— Ага, но ведь и у Калеба они тоже есть?

— К сожалению, нет. Он чудовище другого типа. Его растили, чтобы драться, а не служить.

«Служить» — вежливый способ назвать рабство демона. То, на что был обречен его отец тысячи лет, пока он не убедил или заставил обманом, или то и другое, своего хозяина освободить себя. Никто не знает, как Адариану удалось выбраться из Нижнего Мира, ведь каждому, кто совершал ошибку и спрашивал, тому вскрывали живот.

И даже Калеб, демон не из класса «слуга», сейчас служил Нику, хотя тот и не знает как и почему. Калеб не очень то любил делиться личным, как и его отец.

Ник притормозил в коридоре около шкафчика Коди, чтобы та могла оставить свитер.

— Ты все еще должна рассказать мне откуда ты знаешь так много обо мне и моих силах.

— Знаю, она нагнулась, чтобы открыть дверцу.

Ага...за год ему пора бы уже привыкнуть, что она увиливает от вопросов о себе, своих силах и откуда она знает его так хорошо.

Ник отвлекся, заметив тень, которая пробежала по стене и просочилась в щель двери в туалет.

— Ты это видела?

Коди немедленно встала.

— Что?

Ник повернул голову и попытался использовать силы, чтобы почувствовать то, что там было. Но он не ощущал ничего.

— Наверное, мое воображение.

Закрывая замок, Коди сузила глаза.

— В прошлый раз, когда ты так сказал, нас едва не поубивали мортенты.

Правда, и у него внутри формировалось сильное чувство, которое обычно говорило о том, что нечто демоническое находится рядом.

Его взгляд переместился на что-то розовое, приближающееся к ним. Это была Брайнна Аддамс, одна из первых друзей Ника в Св.Ричардсе и большая душка.

Улыбаясь, она тронула Коди за руку.

— Привет, милая, я тут подумала, не могу ли я тебя одолжить после школы? Меня и Лашонду заставили делать украшения к Осенним Танцам, и мне бы точно не помешала помощь, — она умоляюще посмотрела на Ника. — И ты тоже, Готье. Не поможешь девушке?

— Я бы с радостью, но сегодня мне нужно работать. Мне нужно собрать кое-какие сведения для Кириана и помочь Лизе с разгрузкой товара.

Брайнна скорчила недовольную рожицу и повернулась к Никоде.

— Пожалуйста, Коди.

Она сомневалась, но затем кивнула.

— Конечно.

Пискнув, Брайнна обняла ее.

— Ты лучшая! — она быстро исчезла, растворившись в толпе.

Ник рассмеялся.

— Слаба богу, что она заполучила тебя. Я больше не хочу заниматься этой ерундой.

— Еще не все потеряно, приятель.

Ник вздохнул.

— Вот так всегда.

Зазвенел предупреждающий звонок.

— Тебе лучше идти, — сказала Коди. — Я не хочу, чтобы ты получил еще одно наказание.

— А? В этом случае, я просто должен туда пойти. Скажи, ну почему ее не могли съесть зомби? — Ник замолчал, обдумывая, как помочь этому случиться. Ведь еще не поздно.

— Я тут подумал, а не завалилось ли у Мадуга несколько копий игры.

Коди побледнела.

— Даже не вздумай шутить об этом. А теперь иди.

Отсалютовав ей, он пошел на следующий урок, где Калев уже поджидал его за компьютерным столом в лаборатории.

Калев или Коди были с ним на каждом уроке, на этом они оба настаивали. После того, что случилось в прошлом году с тренером, продавшим душу за победу (буквально), который угрозами заставлял Ника помочь ему выкрасть вещи, чтобы он мог с помощью них убить учеников, оба стали параноиками и боялись, что что-нибудь схватит Ника посреди дня, когда их не будет рядом.

Дом Ника считался в безопасной зоне, с тех пор, как они установили там охранные символы и опечатали его. Однако, школа была общественным зданием, с тысячей людей внутри, включая некоторых сверхъестественных существ, которые не должны были причинить ему вреда. И ее невозможно было обезопасить, не закрыв доступ для таких учеников.

Как только Ник уселся, Калев пнул его по ноге.

— Что-то не так?

Калев сузил глаза и медленно покрутился на стуле, осматривая каждый угол класса.

— Здесь что-то есть. Ты чувствуешь?

— Я видел тень в коридоре несколько минут назад.

Глаза Калева полыхнули оранжевым.

Ник огляделся, чтобы убедиться, что никто не заметил, как тот сделал это.

— Эй, Ди, что за страшные штучки с глазами? Ты нас сдашь, приятель. Сиди спокойно, а то раскроются твои крылья, и мы оба кончим в научной лаборатории под микроскопом.

— Малфас? — рявкнул учитель. — Ты не можешь найти, где сесть?

Калев повернулся, чтобы ответить на вопрос Мистера Тендайка.

— Нет, сэр, — он уселся рядом с Ником.

Прозвенел звонок.

Закрыв дверь и приглушив свет в кабинете, Тендаик включил проектор, который отображал его стол, чтобы всем в классе было видно. Ник резко вдохнул, а остальная часть

класса погрузилась в хаос.

Вместо скучных иконок, обычно расположенных на зеленом рабочем столе, цвета рвотных масс, обои рабочего стола Тендайк были смонтированным изображением Брайнны Адамс делающей непристойные вещи.

Попытавшись выключить свой компьютер, Тендайк едва его не сломал.

— Кто за это в ответе? — потребовал он.

В ответ мертвая тишина.

Пока Стоун не рассмеялся снова.

— Похоже, Брайнна Адамс. Кто же знал, что скрывается за этими рубашками, застегнутыми на все пуговички и свитерами?

Рассмеявшись, Мейсон дал ему пять.

Развернулся ад, потому что каждый хотел сделать грязный или отвратительный комментарий. Все, кроме Ника и Калеба. Ник был напуган возможной реакцией Брайнны, когда она об этом узнает. И он был уверен, что какая-нибудь сволочь доложит ей. Школьные кретины ничто так не любили, как распространять плохие новости, особенно, тому, кого это касалось. Похоже, им нравилось наблюдать за отчаянием из первых рядов.

Он повернулся к Калебу.

— Это ведь не Брайнна?

Кaleb покачал головой.

— Это чья-то больная шутка.

Говоря о болезни, Ника уже тошнило от этого. Его желудок сжимался, от жалости к ней.

— Можешь сказать кто?

Он странно закивал головой, будто прислушиваясь к песне, которую мог слышать только он.

— Нет. Но это было точно сделано специально.

— Брайнна умрет, когда узнает.

— Я знаю, — челюсть Калеба напряглась. — Чувствуешь неприязнь за всем этим?

— Да, после того как ты сказал...неприятные мурашки пробежали по моему позвоночнику.

Калеб кивнул.

Ник тяжело вздохнул. По крайней мере теперь он знал, что вызывает подобные ощущения.

— Связано с демонами?

— Нет. Это человеческое зло. Демоническая злоба идет с определенным запахом.

— Ну, это тоже воняет, — Ник отказывался верить, что кто-то мог сделать такое зло такому доброму человеку. Зачем кому-то причинять вред Брайнне? За все эти годы, что он знал ее, он никогда не слышал, чтобы Брайнна говорила плохое о ком-либо.

Даже о нем.

— Все вы! — рявкнул Тендайк. — Построились в коридоре и тихо. Стоун, я хочу, чтобы ты сходил в офис и сказал Мистеру Хэду, что я хочу его видеть немедленно.

Засмеявшись, Стоун подчинился.

Ник потянулся за рюкзаком.

— Оставь, Готье, — рявкнул Тендайк, — Никто отсюда ничего не берет.

Ник засомневался. Его гримуар и маятник были в рюкзаке, вместе с кинжалом Малачаев. Если его сумку обыщут, и они наткнутся на них...

Будет не хорошо, учитывая, что его гримуар был написан кровью. И конечно же его кровью. Но взрослые не относятся терпимее к тому, что дети поливают вещи кровью во время занятий.

«Я замаскирую их», — сказал Калев у него в голове.

Облегченно выдохнув, Ник последовал за остальными.

Когда они выстроились в ряд напротив стены с ярко-красными железными шкафчиками, Калев скрестил руки на груди.

— Ты знаешь, что может быть хуже, чем злобный демон?

— Моя мама, когда она обоснованно злится на меня.

Калев фыркнул.

— Нет, Ник. Человеческая жестокость. За все века, что я прожил, никогда не понимал ее. Вместо того, чтобы объединиться, твой вид похоже старается уничтожить друг друга. И для чего? Из зависти? Не понимаю.

И это о многом говорит, учитывая, что произнес это демон.

— Ты ведь шутишь, говоря, что демоны не жестокие?

— Некоторые из них. Но ты их знаешь, и знаешь, когда они приближаются. Ты их можешь учуять за несколько дней. Люди же коварны. Ты не заметишь их приближение, пока они не воткнут тебе нож в спину и пронзят сердце.

Ник нахмурился.

— Что ты пытаешься сказать, Кей?

— Не могу сказать, кто это сделал, но могу — почему. Все ради того, чтобы опозорить Брайну и как можно сильнее ранить ее.

И как только эти слова сорвались с губ Калева, Ник начал обращать внимание на разговоры вокруг.

— Я же говорила что Брайна — шлюха. И моя мама сказала, что ее мама была такой же.

— Я всегда знала, что она лишь изображала из себя святошу.

— Господи, ну почему я раньше не знал, что она этим занимается. Как думаешь, она занята в субботу вечером?

Ника передернула от их уродливого поведения.

— Это не Брайна, — сказал он в ее защиту.

Мейсон усмехнулся.

— Ты идиот, Готье.

— Ага, — согласился другой ученик. — Ты разве там ничего не видел?

— И с домашними животными! О господи, я так взволнована.

— Ты? А представь, как себя чувствовала лошадь?

Они заржали.

Ник решил было ответить, но Калев остановил его.

— Забудь.

Легче сказать, чем сделать.

— Брайна мой друг.

Прежде чем Калев смог прокомментировать, мимо них в кабинет прошел директор. Ник встал на носочки, чтобы через окно на двери кабинета видеть, как Тендаик показывает директору ужасный монтаж.

Его карман завибрировал. Ник достал свой Нокia 9000, раскрыл его и увидел новый емейл. В нем содержался текст о Брайне и фотографиях. Эта грязь точно просочилась не

только в их кабинет.

И чуть позже внизу с грохотом распахнулась дверь. Выбежала истерично рыдающая Брайнна. Смех из ее комнаты, заполнивший холл мешался со смехом придурков вокруг него. Он разбавлялся лишь тупоголовыми, предлагавшими ей разные гадости.

Его сердце защемило и он пошел за ней, чтобы успокоить ее.

Калев поймал его за руку и ухватился посильнее.

— Не знаю как донести до тебя мысль, что тебе нужно держаться подальше от всего этого.

— Почему?

— Используй свои силы, Ник. Посмотри, что скоро случится.

Он огляделся вокруг, чтобы найти, что можно использовать в качестве магического кристалла...серебряную полосу на фонтане с водой. Она была не очень большой, но на ней можно было сосредоточиться.

И в этой маленькой, двухдюймовой полоске, он увидел весь ужас, который произойдет с жизнью Брайнны из-за этого жестокого поступка.

В этот момент он был полностью не согласен с Калевом.

— Ей нужен друг.

— Нужен, но сейчас администрация ищет, кого бы в этом обвинить. Уйдешь отсюда слишком рано, и это повяжут на тебя. Поверь.

Ну да, с его-то везучестью.

Хотя Ник и отрицал бы это, но следовало учитывать, что у Калеба было побольше опыта, как выпутываться из передраг. Ты не будешь спорить о цветах с Пикассо. О машинах с Ричардом Петти[6]. И уж точно не следует обсуждать человеческое поведение с Калевом.

Ник неожиданно снова почувствовал странное ощущение. Пускай Калев и убеждал его, что это дело рук людей, но он не был так уверен.

Что-то здесь было еще. Что-то темное. Холодное.

Смертоносное.

И это был не Калев.

Глава 3

Адариан замер от чувства, которого не испытывал уже тысячу лет. Целую минуту он стоял, не шевелясь, пытаясь его понять. Если бы он не был уверен в обратном, то сказал бы, что оно было вызвано главным стражником Нойра. Но, сбегаая от лорда Нижнего Мира, Адариан убедился, что единственное существо, которое может найти его, будет так наказано, что не сможет за ним последовать.

Нет, это не мог быть Сет. Сета все еще пытали. Нойр не стал бы посылать того за ним.

Должно быть, кто-то другой.

Где же ты?

И что важнее, кто же ты?

Он почувствовал, что создание ускользнуло, прежде чем он успел определить его точное местонахождение. Почувствовало его? Адариана это всегда очень беспокоило. Раз уж он сам не мог защищаться открыто, то каждый должен был ожидать от него нападения исподтишка. И они даже и не узнали бы, кто их неувловимый преследователь.

— Малачай! У тебя посетитель.

Желудок сжался. Это его он почувствовал? Или это был кто-то или что-то другое? Адариан собрал все свои силы и позволил охраннику заковать его в наручники, чтобы пройти в зал для посетителей.

Его всегда охраняли, как самого опасного и страшного заключенного в Анголе, и никогда не позволяли приблизиться к мирным гражданам, не будучи полностью скованным. Адариан находил это глупым, ведь единственным, что его тут держало, был он сам. Не было таких стен, построенных человеком, которые он не стер бы одним лишь шепотом. Не было таких цепей, которых он не мог бы расплавить.

Но Адариан по нескольким причинам решил жить здесь. Ведь человеческая подлость, заключенная в этой клоаке, скрывала его присутствие от тех, кто искал его. Негатив и враждебность заключенных также подпитывали его силы. Поток силы, исходящий от этих добровольных хищников и жертв, для него никогда не иссякал. Адариан всегда находил того, от кого мог покормиться.

— Это был настоящий рай для демона.

Охранник открыл дверь и отошел в сторону, чтобы Адариан мог пройти в маленькую кабинку. Когда он сел, свет стал ярче, и он смог увидеть посетителя по другую сторону стекла.

Адариан уставился на светловолосого мужчину, лениво стучащего пальцами по крышке стола.

— Что ты тут делаешь?

— Ты сказал: держать тебя в курсе, — резкий голос звучал на уровне, не различаемом ни одним человеком, лишь демоном.

Адариан, хотя и хотел узнать новости о сыне, не предполагал, что Калев будет приносить их ночью в его камеру. Не так открыто, как сейчас. Последнее, чего он хотел, это чтобы кто-то распознал создание, сидящее сейчас напротив.

— Тогда быстро рассказывай.

Посетитель приподнял бровь. Слегка подвинувшись на стуле, он расстегнул пару пуговицы своей черной рубашки, показав татуировку уродливого черепа в центре груди. Его темные глаза полыхнули злостью.

— А ты мне не приказывай, Адариан. Я не твой раб. Я твой хозяин.

— Нет, — исправил Адариан. — Ты мой партнер.

— Ты заключил со мной сделку, — напомнил тот Адариану.

— Верно, и, как ты уже заметил, это делает нас равными. Ты помогаешь мне, я помогаю тебе. Обмен услугами делает нас партнерами.

Казалось, Гриму было на это плевать. Но Смерть и так считал себя выше всех и вся. Однажды он узнает правду. Ничто не вечно, даже Смерть.

Грим зарычал.

— Теперь ясно, от кого твой сын унаследовал самые раздражающие качества.

Адариан никак это не прокомментировал.

— Как идут тренировки?

— Медленно. Он тяжело сосредотачивается. И, кроме того, что бы ни блокировало его силы, это отлично работает. Разблокировать их не так просто, как должно было быть. Частично потому, что он никогда по-настоящему не испытывал боли. Пока. Его мать окружила его любовью так сильно, что через нее тяжело пробиться. Парню нужна трагедия в жизни. Без этого невозможно разбудить его ненависть и заставить ее влиять на него. Ему

нужен кто-то, чтобы ненавидеть его изо всех сил.

Адариан скривил губы. Он не мог позволить сыну долго раскачиваться. Чем скорее Ник научится ненавидеть, тем скорее научится убивать, и тем скорее Адариан сможет покинуть это место и получить свободу, которой жаждал с момента своего рождения.

В отличие от сына он всегда знал, кем и чем является. Его мама специально убедила его уничтожить собственного отца и купить свободу у темных древних богов, которым она служила. С момента рождения его напивали ядом, укрепляли жгучую ненависть ко всем и всему. Как только силы проявились, и Адариан убил отца, мать продала его в рабство Нойру и богу-садисту, который хотел уничтожить врагов и захватить человеческую реальность.

Адариан все еще видел кошмары об этом странном времени. Если в нем и была хоть капля человечности и сострадания, пребывание в Азмодеа уничтожило это.

Вечность, проведенная там, заставила его вспороть живот своей матери, как только Адариан сбежал из-под контроля Нойра. И поэтому он больше не позволит себя поработать. Никому.

Даже Гриму.

Но Грим хотел видеть Апокалипсис, для которого был создан. И, как и Адариан, он не желал остаться на вторых ролях, когда наступит конец света. Он хотел быть лидером. Адриан это уважал.

Однако Грим его не очень то волновал. Он был не способен думать о ком-то.

Или, возможно, Адариан просто себе лгал.

— Ты хочешь свой Апокалипсис, я хочу отомстить. Тренируй моего мальчика и возвращай его силы. Они нужны мне.

Грим кивнул.

— Если бы ты позволил мне убить его мать...

— Нет! – прорычал Адариан. – Навредишь ей, и я обрушу на себя ад. Ты себе это даже представить не можешь!

Глаза Грима полыхнули огнем ярости, которую он сдерживал, потому что знал, что лучше ее Адариану не показывать. Даже Гриму это с рук не сойдет.

— Отлично. Но тебе лучше помнить, что я сотворил для тебя это маленькое чудо. Я хочу получить часть сил Ника, когда все закончится.

— Получишь. А теперь иди, и впредь не появляйся здесь, — Адариан встал и покинул комнату. Изначально он хотел использовать сына, чтобы заново собрать армию. Но в последний год, когда силы Ника возросли, он почувствовал, как его собственные начали таять. И не мог позволить, чтобы кто-то об этом узнал.

Не может быть двух Малачаев. Это запрещено. Но, если он сможет разблокировать силы Ника и позволить Смерти убить сына, прежде, чем потеряет свои... Адариан сможет съесть сердце Ника и впитать его силы. Это даст ему силы двух Малачаев.

Тогда никто не сможет победить его. Ему не придется бояться Нойра или кого бы то ни было еще.

Ради этого он жил. Тогда он сможет отыскать того, кто проклял само его существование и разрушить проклятие навсегда.

Но сначала Ник должен умереть.

* * *

Когда, наконец, наказание закончилось, Ник захотел выследить того, кто так унизил Брайнну, и бить его до тех пор, пока тот не замолит о пощаде. Никогда в своей жизни он не был так зол.

С тяжелым сердцем он пошел в спортзал, где должен был встретиться с Коди, Мадугом, Калемом и Лашондой. Сын двух ученых, Мадуг был самым умным человеком из всех, кого он встречал. Этот парень знал обо всем. И, как и Ник, чувствовал себя невидимкой ровно до тех пор, пока местным хулиганам не взбрело в голову кого-нибудь ударить или запихать в шкафчик. Мадуг был чуть ниже шести футов и обладал светлыми кудрявыми волосами и яркими голубыми глазами. Он всегда был в очках и предпочитал носить худы поверх остальной одежды.

— Это все? — спросил Ник, бросая рюкзак рядом с рюкзаком Калеба.

Глаза Лашонды яростно заблестели.

— Все остальные сбежали. Они не хотели быть в комитете со шлюхой Брайнной, — она скривила губы. — И мне не хочется повторять то, что сказали некоторые из них. Фу, люди разочаровывают меня.

— Это так нелепо, что даже говорить не хочется, — Ник выдохнул, затем хмуро посмотрел на Мадуга. — Эй, мальчик-гений? Может, ты прольешь свет на то, кто сотворил с ней это дерьмо?

— Хотел бы я, но они сразу же удалили все с компьютера Тендайка и затерли жесткий диск. Испугались правосудия, ведь это считается детским порно. Хэд надеется, что сможет выбить из кого-нибудь признание.

— Ага, потому что с хулиганами это всегда срабатывает, — фыркнула Лашонда. — Не знаю как вы, а я без Брайнны не хочу этим заниматься. Плевать на танцы. Пусть придурки выплясывают в пустом спортзале. Они это заслужили. Я хочу пойти домой и убедиться, что с ней все хорошо. Я звонила ей, но она не берет трубку.

Коди скрестила руки на груди.

— Думаю, мы все хотим узнать об этом.

Ник согласился.

— Я прокручивал все в голове тысячи раз, но не могу понять, кто и зачем сотворил такое с ней. Шон? Есть идеи?

— Нет. Она не наживала себе врагов, знаешь ли. Мы же говорим о Брайнне. Разве есть кто-то милее ее?

Ник сказал бы, что его мама, но не хотел, чтобы его дразнили.

Лашонда проверила телефон.

— Давайте отложим все до понедельника. Надеюсь, Брайн к этому времени вернется.

Ник кивнул.

— Похоже на план. Ты сразу поедешь к Брайнне.

— Ага.

— Позвони и скажи мне, чем она занимается.

Лашонда похлопала его по руке.

— Хорошо. Увидимся с вами позже.

Мадуг закинул рюкзак на плечо.

— Жаль, что я не видел этих фото.

Калем в ответ на его комментарий приподнял бровь.

— Не по этой причине, — огрызнулся Мадуг, когда понял, о чем подумал Калем. — Я не

хочу увидеть подобные изображения, но я могу понять, когда фотографии обработали в фотошопе. Если бы у меня была копия, я бы доказал это.

Ник нахмурился.

— Они были такими грязными, что тебе их лучше не видеть. У меня психическая травма.

Мадуг поправил очки на кончике носа.

— Знаешь, я пытался изобрести очиститель для глаз, когда был ребенком. Хотя и не вышло. Но я не сдался. Однажды я найду способ стирать текущие воспоминания, пока они не переместились в долговременную память.

Подобное заявление от кого-то другого можно было бы посчитать шуткой.

Но от Мадуга...

С этим следовало считаться.

Мадуг поправил свое худи.

— Увидимся завтра.

Ник молчал, пока не остался наедине с Коди и Каледом.

— Вы точно не можете применить свой ахалай-махалай сим-салабим, чтобы выяснить, кто за этим стоит?

Калед фыркнул.

— Классно выразился, Доктор Сьюз[7]. И извини. Я никак не могу это отследить.

Коди согласилась с мнением Калеба и его комментарием.

Ник посмотрел на часы.

— Ладно. Мне все равно пора идти к Кириану на работу.

Калед взялся за рюкзак.

— Я провожу тебя.

Ник терпеть не мог мысли о том, что его провожают, как какого-то недееспособного.

— Я не твоя пара на выпускной, Кей. Да и не хотел бы ей быть.

— Не бойся. Ты слишком волосатый на мой вкус, Готье. И без обид, ты недостаточно привлекательный или сексуальный, чтобы изменить его.

Ник раскрыл рот:

— А вот это было больно и подло. Милый, ты хочешь ударить по больному месту? Не позволяй внешности обманывать тебя. У меня ведь тоже есть чувства.

Коди рассмеялась.

— Клянусь, иногда кажется, что вы двое встречаетесь. Я чувствую себя пятым колесом.

— Ах, малышка, — сказал Ник с усмешкой. — Ты же знаешь. Ты для меня единственная. Куда Калебу с тобой тягаться.

Калед швырнул Нику его рюкзак.

— Убирайся, пока я не съездил тебе.

Засмеявшись, Ник открыл дверь, которая вела к черному входу, но замер, увидев маленькую группу учеников, собравшихся вокруг граффити, которое кто-то нарисовал поверх нескольких шкафчиков.

Спенсер Секстон – гей! И, как будто этого могло оказаться недостаточно, несколько фотографий Спенсера с другим парнем были приклеены вокруг слов.

Что за...

— Ученики! – рявкнул Мистер Хэд, врываясь в их группу. – Вон отсюда. Немедленно! Испаритесь!

Когда Ник покинул здание, Спенсер схватил его и прижал к стене, подальше от камер и взглядов людей. Хотя Спенсеру было только пятнадцать, его рост уже составлял шесть футов, а тело было мускулистым, и люди считали, что он старше.

Кaleb пошел было к ним, но Ник подал знак, что все нормально. Он мог разобраться со Спенсером без помощи, и он прекрасно знал, чего тот от него хочет. И последнее, чего бы Спенсер хотел – зрителей.

— Кому ты рассказал? — прорычал Спенсер ему в ухо.

— Никому.

Он уставился на Ника.

— Ты — единственный, кто знал обо мне, Готье. — Однажды ночью, случайно, Ник наткнулся на Спенсера с его парнем в пустом кинотеатре.

— Когда я говорил тебе, Спенсер, что унесу все с собой в могилу, я это и имел в виду. Я никому и слова не сказал. Даже во сне. Уверен, что не твой парень выболтал?

Ник увидел в глазах Спенсера сомнение. Но не знал, касалось ли оно его или парня.

— Да я ни за что бы так с тобой не поступил, Спенсер. Нет. Я знаю, как это, когда тебя преследуют за вещи, которые ты не можешь изменить. Я бы так с другим не поступил.

Наконец Спенсер отпустил его. Провел дрожащей рукой по волосам. Боль в его глазах вызвала сочувствие у Ника.

— На этих фото не я. Откуда они их взяли?

— Не знаю, — Ник оглянулся на Коди и Калеба, который стояли достаточно близко, чтобы наблюдать за ними, но не настолько близко, чтобы слышать разговор. — Кто-то пытается испортить людям жизнь по неизвестной причине. Мы знаем, что насчет Брайнны это тоже неправда. Может, то же самое они делают и с тобой. Может, они даже и не подозревают, что ты на самом деле гей.

Но подобные слухи были вокруг Спенсера с начальной школы. Хотя все подозревали правду, но ни у кого не было доказательств. У Спенсера даже была девушка, с которой тот «встречался» больше года. Спенсер не хотел, чтобы его оскорбляли или на него нападали за то, что он отличается от других.

Кaleb и Коди медленно приблизились к ним.

— Ты нормально, Спенсер? — спросила Коди.

Его глаза были полны слез, и Спенсер покачал головой.

— Нет, чувствую, будто меня изнасиловали на публике. Но я собираюсь найти, кто это сделал, и тогда... — он твердо посмотрел на Ника. — Ты будешь рад, что ты — это не он.

— Я уже.

— Секстон! — прокричал Мистер Хэд из двери. — Ты мне нужен здесь, немедленно.

Вздохнув, Спенсер удалился.

Ник подпрыгнул, когда его телефон снова зазвонил. Достав его из кармана, он увидел новое текстовое сообщение с неизвестного номера.

«Хотите узнать еще грязных фактов об одноклассниках? Посетите мой сайт: theothersideofStRichards.com»

— Попался, бесполезный свин, — Ник заулыбался.

Коди нахмурилась.

— Кто попался?

Ник победоносно протянул ей свой телефон.

— Кто бы то ни был, но он ошибся, заявляя о своей глупости. Я иду к Баббе. Вы со

мной?

Коди кивнула.

— Конечно.

— Веди.

Зажав телефон в руке, Ник прошел несколько кварталов к улице Роял, где находился магазин Баббы «Тройное Б». Единственное сочетание компьютерного и оружейного магазина в мире, о котором знал Ник. В нем была самая большая секция с оружием и компьютерами в штате Луизиана. И это говорило о владельце. Бабба не был похож ни на кого из знакомых Ника. Он танцевал под свою мелодию, и плевал на тех, кто его в этот момент видит. А еще Бабба был ходячей загадкой. Некоторые считали его полной деревенщиной, но это как сказать, что океан «просто мокрый». Бабба говорил с сильным раскатистым акцентом жителя Теннесси, и являлся был лучшим выпускником Массачусетского Института Технологий. У него было несколько ученых степеней, включая степень доктора наук в теоретической и практической ядерной физике. Ник даже не знал, что это, но был под впечатлением.

И этот мужчина знал о фильмах ужасов столько, сколько никто в этой жизни. Обычно Бабба носил черную футболку с ужасным принтом, комбинируя ее с фланелевой рубашкой. Даже в летнюю жару.

Вообще, в серверной Баббы в «Тройном Б» всегда должна была быть низкая температура. И раз уж Бабба проводил там большую часть дня, то Ник понимал, почему тот хочет что-нибудь потеплее футболки.

Но все же, Боженка даровал всем худи. Плохо, что Бабба не смог найти этот отдел в магазине.

Ник зашел и встал как вкопанный, заметив Баббу за стеклом кассы в дорогом черном костюме, синей рубашке и синем галстуке в полоску. И, что шокировало еще больше — на Баббе были очки, а его густая борода превратилась в модную эспаньолку.

Святые угодники. Этот парень выглядел почти нормальным. Он по-прежнему был очень высок для человека, и вокруг него витала аура «я-надеру-тебе-зад-если-ты-засмеешься-надомной», но...

«Только не говори мне, что ты наконец убил Марка...»

— Кто-то умер? — спросил Ник.

Бабба посмотрел на него как на дурачка.

— Я скоро поеду за мамой в аэропорт, и знаю, что захочет она остановиться у церкви, когда мы заедем в город, чтобы поблагодарить Господа за то, что самолет не рухнул.

Это запутало Ника еще больше.

— Я видел тебя в церкви...м-много раз... но ты никогда так не одевался.

— Это потому что моей мамы там не было. Если я пойду с ней в церковь в джинсах, она избьет меня до полусмерти. Эта женщина из тех, кто не надевает брюки на мессу. Она говорит, что это неуважение к священнику и Господу, — он выставил перед собой руку. — Не спрашивай. Я пытался вразумить ее, но она меня не слушает.

Ника поразило, что кто-то может быть еще более странным, чем Бабба. Этот человек невероятен, даже невероятнее, чем сама жизнь. Кроме того...

— Ага, но ведь ты уже старый.

Бабба приподнял бровь, словно его обидели слова Ника.

— Я не настолько стар. Мне едва перевалило за тридцать. И для мамы это не важно,

мальчик. Черт, да она в День Благодарения, прежде, чем передать мне тарелку с мясом, нарезает его. Мне еще везет, что она не кормит меня пюре с ложечки на высоком стульчике.

Калев и Ник рассмеялись, представив эту нелепую картину.

Коди издала раздраженный звук.

— А я считаю это милым.

Бабба благодарно кивнул ей.

— Спасибо, мисс Коди. Так что я могу для всех вас сделать?

Ник подошел, чтобы передать Баббе телефон.

— Кто-то издевается над детьми в школе, выставляя на всеобщее обозрение всякие гадости о них, и этот кто-то только что прислал мне название своего сайта. Поможешь выяснить, кто это?

Бабба зарычал.

— Я могу. И ты это знаешь. Но я не могу опоздать в аэропорт за мамой. Она половину персонала усыновит, если я оставлю ее без присмотра. Марк! — он заорал так неожиданно, что все трое подпрыгнули.

Через несколько секунд Фингермен выглянул из-за штор, которые разделяли магазин и подсобку. Марку было примерно двадцать пять, у него были лохматые каштановые волосы и ярко-зеленые глаза. Он носил бесформенную бежевую футболку, выдавшую лучшие времена, и, похоже, он не брился несколько дней.

Вот куда делась борода Баббы.

Марк работал на Баббу многие годы. Более того, они были лучшими друзьями, и Марк был таким же чокнутым, как и Бабба.

Погодите, а ведь он был даже более сумасшедшим. Бабба не имел привычки поливать себя мочой утки, чтобы отпугнуть зомби. Слава богу, Марк сегодня не использовал ее, потому что она воняла с большой буквы В.

— Блин, Бабба, сколько раз тебе говорить, чтобы ты так не делал? Ты своим воплем перепугал меня так, что я чуть не обделался. Он мощнее ультразвука. Однажды я наложу кучку и не стану убирать. Все из-за тебя — тебе и убирать.

Бабба что-то пробормотал, похоже на латыни.

— Я не тряпка, — сказал Марк защищаясь. — И не твоя собачонка. Не твякай на меня, мальчик. Иначе когда-нибудь я тебя укушу.

Ник покашлял, напоминая этим двоим, что они были не одни.

— Хм, ребята? Мой телефон. Злобный сумасшедший в школе. Мама в аэропорту.

Это переключило внимание Баббы на Ника. Он протянул телефон Марку.

— Мне нужно, чтобы ты отследил IP и узнал, на кого зарегистрирован домен.

— Ладно. Справлюсь.

— Знаю. Поэтому я тебя и позвал.

Марк сжал зубы. Ник знал, что так он воздерживается от комментариев. Через несколько секунд он указал на дверь.

— Тебе за мамой не пора? Из Бакснорта в Новый Орлеан путь неблизкий, и, прости Господи эту добрую женщину, с ней постоянно что-то случается.

— Иду, — Бабба проверил внутренний карман и убедился, что взял кошелек. Он похлопал по карманам брюк и нахмурился.

Ник взял ключи с кассы и протянул ему.

Облегченно вздохнув, Бабба забрал их.

— Спасибо.

Марк не произнес ни слова, пока Бабба не ушел из магазина.

— Клянусь, я люблю его маму, но ненавижу, когда она приезжает в город. Парень теряет способность рассуждать здраво.

Калев фыркнул.

— А я и не знал, что он может рассуждать здраво.

Марк рассмеялся.

— Верно. Ладно, пошли я выясню для вас информацию.

Они завернули за угол и прошли за шторы. Коди уселась на длинный стол, заставленный различными деталями компьютеров. Когда она потянулась за материнской платой, Марк ухватил ее за руку.

— Убедись, что заземлилась, прежде чем трогать что-либо, — он выделил последнее слово.

Она нахмурилась.

— Заземлилась? Я же не парю по округе? — из уст другого это бы звучало как шутка, но раз уж Коди на самом деле умела летать...

Марк положил ее ладонь на металлический корпус компьютера.

— Статическое электричество компьютера — твой худший враг, особенно когда заправляешь машину.

Калев и Ник обменялись изумленными улыбками. Зная Марка, они могли предположить, что эта история хороша. Марк, единственный из знакомых Ника, мог поджечь свой джип, просто отвечая на телефонный звонок.

— Заправляешь машину?

— Ага, однажды я случайно взорвал мотоцикл дяди и сжег свои любимые джинсы. Конечно, было бы намного хуже, если бы я сделал это умышленно. В общем, я встал с пластикового стула и дотронулся до топливораздаточного крана без заземления. Искра воспламенила выхлопные газы, и все. Вы удивитесь, сколько людей взрывают себя за год. Верите или нет, я не единственный... Хотя не уверен в том, как я себя из-за этого чувствую. Рад, что не единственный, но все же...

Марк уселся на скамейку и притянул к себе клавиатуру.

— Знаете, что зафиксировано более двухсот раз, когда люди поджигали себя и машины, дотронувшись до сопла без заземления? Это правда. Многие женщины, когда начинают заправлять машину, возвращаются в нее, затем выходят, дотрагиваются до крана — и ба-бах. Должен сказать, я не горжусь тем, что я один из немногих мужчин сделавших то же самое. Как-то неприятно, но если я смогу одного из вас уберечь от подобной ошибки, это будет уже не так унижительно. Я рад, что Бабба этого не видел и не дразнит меня за это.

Ник засмеялся.

— Вот это я в тебе и люблю, Марк.

— Что?

— Вся твоя жизнь служит предупреждением другим.

Рассмеявшись вместе с ним, Марк начал печатать.

— Грустно, но это правда, парень. Грустно, но правда. А теперь, давайте посмотрим, что мы сможем найти.

Они тихо ждали, пока Марк работал.

Телефон Ника зазвонил. Не переставая бить по клавишам, Марк протянул его Нику. И

это впечатляло.

Но Марк был мастером скоростного печатанья одной рукой. Этот навык он развил, когда работал или искал информацию в интернете, постоянно запуская вторую руку в пакет с чипсами.

Нажав на ответ, Ник поднес телефон к уху.

— Алло?

— Ты умер?

Слушая глубокий акцент Кириана, Ник засомневался.

— Нет, но звучит, будто моя смерть не за горами. Почему?

— Ты знаешь, который сейчас час?

Ник посмотрела на часы на стене и сморщился. Было уже за пять.

— Прости, босс. Я забыл о времени.

— Ага, и ты не позвонил маме, и она позвонила мне, ужасно беспокоясь за тебя.

Ник нахмурился.

— А почему она мне не позвонила?

— Она попыталась, ты не ответил. Она попыталась снова и попала прямиком на голосовую почту. Теперь она думает, что ты умер в канаве.

Отлично. Домашний арест. То, чего он и хотел.

— Я ей позвоню.

— И... Я должен был позвонить тебе и сказать, что опоздаю на работу. Мне правда жаль, Кириан. Правда. У меня в школе кое-что произошло, и я работаю над этим с того самого момента, как закончилось мое наказание. И я просто забыл о времени. Такое не повторится снова, босс, обещаю.

— Ничего страшного, Ник. Но лишь потому, что это не свойственно тебе. Поэтому мы и разволновались. Ты всегда на связи, и когда мы потеряли тебя, то переполошились.

Ник сморщился. Он ненавидел расстраивать маму.

— Прости. Я сейчас выхожу и...

— Не волнуйся. Сейчас нет таких дел, которые не могли бы подождать до завтра. Повидайся с мамой, чтобы она знала, что с тобой все нормально.

— Ладно. Уверен, что я тебе не нужен?

— Ты узнал у Келла, где мой новый меч?

— Да, я отследил его. Завтра утром он будет доставлен. Они по ошибке отослали его в Кливленд. А еще я забросил твои вещи в прачечную по дороге в школу, а завтра в обед их заберу. В обед я забронировал обслуживание в автомастерской для «ламборджини» на пятницу, а мистер Пуатье согласился отвезти и привезти его обратно. Я написал и-мейл Ашерону о Хэллоуине, и он сказал передать тебе и Талону, что присоединятся еще два человека. Некто по имени Галлахер и Вулф. Они приедут двадцать восьмого. Я уже написал Талону об этом и собирался рассказать тебе, когда мы увидимся. И наконец, я позвонил Лизе, и она сказала, что твой подарок Розе на день рождения готов и упакован. Я заберу его по дороге домой и передам Розе завтра вместе с открыткой, которую ты оставил на столе. Что-нибудь еще?

— Нет. Ты молодец и я это ценю. Ты по-настоящему впечатляешь меня, Ник. Ты — хороший парнишка.

Лицо Ника запылало. Он не привык получать похвалы, и это его смутило.

— Я просто делаю свою работу, босс. — Нет, дело было не только в этом. Он задолжал

Кириану счет, который никогда не оплатить. Этот человек спас жизнь Нику, когда его подстрелили в прошлом году. Кириан не только не позволил другу убить его, но отвез Ника в больницу и оплатил его лечение.

Именно это вынудило Ника подрабатывать у него, чтобы оплатить счета из больницы.

— Ладно, — сказал Кириан мягко. — Увидимся завтра.

— Ладно. Если понадобится что-то еще...

Кириан засмеялся.

— Пока, Ник.

Ник положил трубку, а затем набрал мамин рабочий номер. Так как у нее не было собственного мобильного, приходилось звонить в ресторан.

— «Убежище» на улице Урсулинок. Чем могу вам помочь?

Он знал этот сладкий голос с капелькой французского акцента. Он принадлежал высокой красивой блондинке с длинными ногами и отличными формами.

— Привет, Эйми, это Ник. Ты не можешь позвать маму к телефону на секундочку?

— Мальчик... — она так выделила это слово, что у него внутри все сжалось. — Твоя шкура такая дубленая, что я могу сделать из нее туфли. Подожди на линии, я схожу за ней.

Ник перепугался, так как знал, что его ждет.

И, конечно же, он услышал слезы в голосе матери.

— Ник, малыш? С тобой все хорошо?

«Я такой придурок».

Как он мог забыть ей позвонить? Она так сильно волновалась за Ника с того момента, как в него стреляли. С той ночи, когда он едва не умер, она была в шаге от сумасшествия насчет всего того, что касалось благополучия сына.

— Прости, мам. Я не хотел волновать тебя.

— Но ты в порядке?

— Все хорошо.

Эти два слова вызвали слезы. И это же изменило ее настроение в сторону злости, заставив желудок сжаться.

— Как ты смеешь меня так пугать? Ты себя представляешь, как я волновалась? Почему ты не отвечал на телефон? Где ты был? Почему ты не на работе? Клянусь, если ты опять слоняешься с этими малолетними преступниками, я запру тебя дома до самой старости! Слышишь меня? Почему не отвечаешь, Ник?

— Потому что ты всегда орешь на меня, когда я перебиваю тебя.

— Ты сейчас умничаешь?

— Нет, мадам, — это было бы глупо, учитывая ее нынешнее настроение.

Она издала на редкость раздраженный звук.

— Ты наказан на неделю. Слышал меня?

— Но, мам...

— Не мамкай мне. С меня хватит твоей безответственности. И ты считаешь, что достаточно взрослый, чтобы водить и ходить на свидания? Уверен, Ник? Ты не помнишь, что нужно позвонить, вынести мусор, опустить крышку унитаза и убрать нижнее белье с пола. Но при этом ты считаешь, что сможешь управлять автомобилем в Новом Орлеане? Я так не думаю. Тебе еще далеко до того, чтобы стать мужчиной, каковым ты себя считаешь. Слышал?

Он от всей души ненавидел это последнее слово, которое она вставляла после каждого

предложения, когда орала на него. Он сжал зубы, чтобы не начать спорить.

— А теперь мне пора возвращаться на работу. Не знаю где ты, но чтобы через пятнадцать минут был здесь. Если ты слишком далеко отсюда, то ты наказан на месяц. Слышал?

— Да, мадам.

— Часы тикают, приятель. Тебе лучше бежать, — она повесила трубку.

Вздыхнув, Ник посмотрел сначала на Коди, а затем на Калеба.

— Мы слышали, — сказал Марк. — Я думаю, что даже народ в городке Слайдхелл слышал это. Тебе лучше поспешить.

— Иду, — он протянул телефон Марку.

— Я уже увидел все, что мне нужно. Отзвонюсь, когда все разузнаю.

— Ладно, спасибо.

— Хочешь, чтобы мы пошли с тобой? — спросила Коди.

Ага, именно это ему и нужно. Не описать, в какую ярость впадет мама, если узнает, что он был с Коди вместо того, чтобы работать.

— Нет, она итак уже думает, что я маюсь фигней, вместо того, чтобы работать. Ребята, если она вас увидит, то вообще сойдет с ума. Увидимся позже.

Ник поднял рюкзак с пола, перекинул его через больное плечо и со всех ног побежал в сторону улицы Урсулинок. К счастью, магазин Баббы был недалеко от «Убежища». Но он все равно не торопился. Чем скорее Ник придет, тем счастливее будет его мама.

Он не снизил темпа, пока не добежал до двери трехэтажного кирпичного здания, в котором находился один из самых знаменитых гриль-баров Нового Орлеана. Посетителей у двери приветствовал огромный медведеподобный мужчина. Пускай большинство и не придаст этому значения, но Ник знал, что он стоял для того, чтобы оценить степень угрозы сверхъестественных клиентов, входящих в здание. И, неизвестно по какой причине, охранник всегда подавал сигнал включить «Sweet Home Alabama» на музыкальном автомате, когда появлялся Ашерон. Нику еще столько предстояло узнать об «Убежище».

Со своими длинными светлыми волосами и огромными ручищами охранник казался диким и угрожающим. Потом он распознал Ника и одарил его широкой нахальной ухмылкой.

Ник облегченно выдохнул. Господи, это Дев. Он был одним из четырех идентичных близнецов, всегда легкий на подъем и веселый. Хотя братья Дева Шериф и Куинн были достаточно милыми, четвертый, Реми, пугал его. Раз уж Нику предстояло встретиться с мамой в таком настроении, то он обрадовался, что на смене был Дев. Он единственный, кто может удержать маму от его убийства.

— Привет, Дев.

Дев щелкнул языком.

— Ники, Ники, Ник... Не завидую тебе, мальчик мой. Мама собирается отрезать кусок твоей шкуры и повесить на стену.

От этого желудок сжался еще сильнее. Видимо, позже он сможет найти бриллианты в унитазе.

— Ага, я сам себе не завидую. Хочешь поменяться?

Дев засмеялся.

— Ну уж нет. Поверь мне, ты не хочешь увидеть мою маман, когда она злится. Ты нравишься маман. А вот я в основном нет. Поверь мне, у нее медвежий характер.

Ник фыркнул, услышав игру слов Дева. Дев шутил над тем фактом, что вся его семья была оборотнями. Их второй ипостасью был медведь.

Покачав головой, он вошел вовнутрь. Через минуту глаза привыкли к слабому освещению.

Сестра Дева Эйми за баром забирала напитки.

— Ну и где же вы были, мистер?

Он подпрыгнул от злого голоса мамы, прозвучавшего рядом с его ухом. Как она к нему подкралась? Черт, ее можно нанимать в качестве ниндзя.

— В школе. Отбывал наказание. — Продолжай, Ник. Поднеси спичку к баллону с газом...

— За что? — прорычала она.

— Опоздал.

Она сузила свои голубые глаза.

— И почему же ты опоздал?

— Стоун в меня врезался...

Она поднял руку, приказывая замолчать.

— Даже не начинай. Ты сам отвечаешь за свои поступки. Слышал? Так почему ты опоздал?

Ник сжал зубы, стараясь не показывать свою злость. Но он уже по-настоящему устал от того, что к нему относились как к идиоту, не способному завязать шнурки на собственных ботинках.

— Я не успел в класс до звонка, — и это была правда.

— Николас Амбросиус, не испытывай мое терпение. Не сегодня. Я не в настроении выслушивать это дерьмо.

«Слышал?» — передразнил он мысленно. Потому что не был дураком, чтобы сделать это вслух.

Он заставил себя говорить спокойным тоном.

— Я не знаю, что тебе сказать, мам. Я поступил неправильно, не позвонив тебе, и мне очень жаль. В школе был тяжелый день, и двое моих друзей под прицелом. Я просто пытался помочь им и не думал о себе.

Она нахмурилась.

— Что значит «под прицелом»?

— Кто-то начал их публично оскорблять, распространяя гнусные фотографии и клевету.

Когда Ник задел больное место, о котором упоминал Грим, в ее глазах полыхнула злость. Больше всего его мать не выносила, когда кто-то сплетничал о других. Она достаточно натерпелась этого, когда забеременела им.

— Кто?

— Ты не знаешь Спенсера, но знакомая тебе Брайнна тоже пострадала.

— Аддамс? — спросила она недоверчиво.

Он кивнул.

Его мама выглядела так же плохо, как он себя чувствовал.

— Но кому нужно нападать на Брайнну?

— Я не знаю. Вот это я и пытался выяснить. Она выбежала из школы в слезах, и я просто хотел помочь ей, понимаешь?

Наконец мама обняла его.

— Хорошо, Страшилка. Ты прощен, но все еще наказан.

Ну конечно.

Она мягко подтолкнула его к маленькой кабинке, в которой он обычно делал уроки.

— Я принесу тебе еду. А ты начни делать домашнюю работу.

Ник подчинился, чтобы не навлечь на себя еще больше неприятностей, хотя вовсе не был этому рад. Он сел и начал рыться в рюкзаке. Доставая учебник математики, он увидел, как тень снова скользнула по стене.

Повернув голову, Ник попытался отыскать ее. Но она пролетела так быстро, да и он не был уверен, что в сумраке глаза не подведут его.

Неожиданно гримуар под его рукой нагрелся. Зашипев, Ник отдернул руку. Подул на ладонь, а затем другой рукой открыл книгу.

— Ладно, что ты пытаешься мне сказать? — достав маятник, он уколол кончик пальца. Повторив заклинания, чтобы активировать его, Ник капнул три капли крови на страницу. Пару мгновений ничего не происходило. Затем кровь завертелась на странице, формируя слова.

Ужас. Страх. Кошмары. Сны вместе свяжутся.

Не все вещи такие, как кажутся.

Вражда. Раздор. Позор и Боль.

Встретить в каждой жизни изволь.

Но не ранит так сильно их рука

Как врага, что ты не видел пока.

Он все еще пытался расшифровать это, когда его взгляд наткнулся на подставку для салфеток. На блестящей металлической поверхности Ник увидел будущее.

Это была Брайнна, повесившаяся в своей спальне.

Глава 4

Ник вскочил и потянулся за телефоном. Он должен был связаться с Брайнной, прежде чем ее раненые чувства возобладают над рассудком. У каждого сложная жизнь, но боль мимолетна, и, в конце концов, она уйдет. Он знал это хорошо, как никто, ведь его постоянно кормили с ложечки позором, унижениями и мучениями, с момента его рождения.

Лишь Смерть вечна. Ее уже было не изменить. Можно лишь в том случае, если знаешь, как призвать Артемиду, и то не факт, что она примет тебя.

Его руки тряслись от паники, пока он набирал номер Брайнны и ждал.

Она не ответила.

Когда он отменил вызов, вернулась его мама с гамбургером и картошкой фри. От волнения она нахмурилась.

— Что случилось?

— Мам-ам, мне нужно идти.

От гнева ее голубые глаза метали в него молнии.

— Опустим свой зад. Ты наказан.

— Я знаю, но...

— Никаких но, — огрызнулась она. — Сядь и берись за домашнюю работу. Немедленно!

Он покачал головой.

— Тебе придется добавить мне дней к домашнему аресту. Я должен проведать Брайнну.

У меня плохое предчувствие, и она не берет трубку. Я должен убедиться, что с ней все хорошо.

Она сделала шаг назад и уставилась на него с подозрением.

— Ты собрался сделать именно это?

— Клянусь, мам, — он нарисовал маленький крест по центру его грудной клетки. Он так поступал, когда говорил правду.

— Ладно. Иди, проверь ее. Я не стану за это наказывать. Хочешь взять с собой бургер?

Ник ухватил его с подноса и поцеловал ее в щеку.

— Можно я оставлю книги тут? Я вернусь, как только буду знать, что она не наделает глупостей.

— Конечно.

Откусив кусок от гамбургера, он направился к двери.

— Эй, Ник.

Он остановился, посмотрел на маму и проглотил еду.

— Да, мадам.

— Ты отличный ребенок. Гораздо лучше, чем я заслуживаю. Я просто хочу, чтобы ты знал, что когда я жестко обхожусь с тобой, то все равно знаю, что ты замечательный. Я действительно горжусь тобой.

Ее слова обогрели его.

— Спасибо, ма. Я тебя тоже люблю, — улыбнувшись ей, он поспешил на трамвай, чтобы как можно быстрее добраться до Брайнны.

«Было бы намного проще, если бы у меня была машина».

Или Амброуз или Смерть научили бы его телепортироваться. Вот эту силу он бы с удовольствием освоил. Конечно, учитывая его везучесть, он бы телепортировался в плохое место, вроде Северного полярного круга, в одном нижнем белье.

Или совершенно голым в школу посреди выступления в поддержку футбольной команды. Что было бы намного хуже, чем отморозить гениталии во льдах. Пусть уж лучше на него тычут пальцем и смеются пингвины, чем девчонки из его класса.

Он на полном ходу завернул за угол Французского рынка. В этот раз удача была на его стороне. Трамвай подъехал в тот момент, когда он добежал до остановки.

И он очень быстро добрался до дома Брайнны. По сравнению с этим огромным, темно-серым, довоенным особняком, его дом выглядел карликом. Хотя он и чувствовал себя некомфортно в таком красивом и элегантном месте, но все же любил сюда приходить. Когда мама Брайнны была в городе, на стеклянной поверхности их кухонной столешницы всегда стояло свежее печенье или пирожные. И ее отец никогда не смотрел на него, как на отброса, или говорил, что Ник не подходит к кругу друзей его дочери. Все Аддамсы были очень милыми.

И это он глубоко уважал.

Ник открыл кованые ворота и быстро пробежал через маленький дворик к лестнице у парадного входа. Он позвонил.

Через несколько секунд, маленький брат Брайнны Джек открыл дверь и уставился на него.

— Че?

— Брайнна дома?

Джек пожал плечами.

— Не знаю. Мне пофиг.

«Слава богу, что я единственный ребенок...» — Ник вздохнул и попробовал снова. — Папа тут?

— Бегаешь по делам, вернется позже.

— Могу я войти и проверить, вдруг Брайнна в комнате у себя?

Джек сузил глаза.

— Никакой мальчик, который не является нашим родственником, не может находиться в ее комнате. Никогда.

— А я не буду входить. Можешь пойти со мной и убедиться, что я останусь в коридоре. Пожалуйста. Я не надолго. Я просто хочу убедиться, что с ней все хорошо.

— Ладно. Я слышал, как она плакала. Думаю, из-за какой-нибудь глупости. Она все равно вечно плачет. Когда счастлива, когда злится, когда грустит. Когда ломает ноготь или ей нужно выпить лекарство. Девчонки такие странные. Я стараюсь не обращать на них внимание, — Джек отошел, чтобы Ник мог войти в дом.

Ник пошел к лестнице.

— Где ее комната?

— Первая налево, — но Джек за ним не пошел. Вместо этого он, миновав лестницу, направился на кухню.

Он бежал, перепрыгивая через ступеньки, и остановился лишь у ее двери. Пусть все будет хорошо. Пусть... Напуганный тем, что мог обнаружить, он постучал.

-Эй, Брайн, это я, Ник. Ты там?

— Уходи, — в ее голосе звучали слезы.

— Не могу. Пока не удостоверюсь, что ты в порядке, — Ник прижался головой к светлomu дереву и желал хоть как-то помочь ей. Он ненавидел, когда кого-то заставляли так переживать, и из-за чего? Подлости? Зависти? Правда? Зачем кому-то с душой, так поступать с другим? Разве они могли почувствовать удовлетворение или радость так жестоко втыкая нож в спину?

— Я знаю. Что тебе больно, Брайн. Поверь мне, я знаю, как ты себя чувствуешь, когда такое ощущение, что твои зубы вогнали в твою глотку так глубоко, что ты кашляешь остатками чувства собственного достоинства. Я знаю. Только ты думаешь, что можешь держать свою голову прямо, и все будет хорошо, как появляется твоя мама с безвкусной оранжевой рубашкой с рыбами, которую она хочет, чтобы ты одел в школу и тогда все смогут шутить над ней и обзывать тебя. И в желудке появляется дурное чувство, что ты этого больше не вынесешь. Что жизнь чертовски тяжела и не станет лучше. Что ты гуляешь по канату и пытаешься удержаться на нем вцепившись пальцами ног, потому что страховочной сети нет, а ты буквально в одном чихе, чтобы размазаться по полу. Но ты не одна, Брайнна. Не одна. Куча людей переживают за тебя. Людей, которые любят тебя, и если с тобой что-то случится, они этого не вынесут.

Она открыла дверь. Ее темные волосы были в беспорядке, а глаза покраснели и опухли. С тушью вокруг глаз и на щеках, она выглядела такой отчаявшейся, что у него заныло сердце.

— Я не такая сильная, как ты, Ник.

— Нет. Ты сильнее меня.

Она икнула, покачав головой.

Ник стер слезы с ее лица.

— Знаешь, пару лет назад у меня был по-настоящему дерьмовый день. Он был так плох,

что если честно, я подумывал сброситься с моста Понтчартрейн. Меня тошнило от того, что меня подкалывают и дразнят за то, что я не могу изменить. За разговоры о том, какой я бесполезный и отвратительный. Глупый и никчемный. И когда я сидел в кафетерии за столом один, потому что я был изгоем, и у меня не было денег на обед, подошла красивая девушка и села рядом со мной. Она поделила свой сэндвич с индейкой и домашнее печенье со мной, а еще купила мне пачку чипсов и молоко. Ты помнишь, что она сказала мне?

Слезы потекли по ее лицу.

— Нет.

— Никто не сможет унижить тебя без твоего согласия.

— Элеанора Рузвельт.

Ник кивнул.

— Ты сказала мне: «Не позволяй им обижать тебя, Ник. Ты стоишь больше, чем десяток таких. Однажды, мы вырастем и все изменится. Они станут значить для тебя еще меньше, чем сейчас. Так что не трать свое время, размышляя о них или их жестокости. Кроме того, они бы не нападали на тебя, если бы не считали тебя угрозой. Люди преследуют лишь тех, кому завидуют или кого боятся». И тогда я спросил тебя, как кто-то может завидовать такому, как я.

Брайнна шмыгнула носом.

— Кроме того, свет, исходящий от тебя такой яркий, что на него больно смотреть. Ты добрый и смешной, и ты самый умный из всех известных мне мальчиков. Кроме того, ты видишь потенциал и возможности там, где другие видят препятствия.

— Ага, — сказал Ник. Его горло сжалось, когда он вспомнил те времена, когда все, что ему было нужно — чья-нибудь добрая улыбка. Чья угодно. И Брайнна стала таким человеком, в тот день, когда он думал, что его силы на исходе.

— Эти слова впечатались в мою душу, и я часто думал о них, когда Стоун и все они нападали на меня. Когда остальные пинали меня, приходя и уходя, ты никогда так не делала. Ты ангел, Брайнна. Не позволяй ненавистникам победить. Они бы не напали на тебя, если бы не чувствовали, что ты выше их. Так что, подними голову и не позволяй им зацепить тебя. И знай, что в этот момент ты встретишь их не одна. У тебя есть я, Лашонда, Коди и дюжина людей, который достанут этого дьявола для тебя.

Она бросилась в его объятия и зарыдала ему в шею.

— Я тебя люблю, Ник. Ты всегда был моим хорошим другом.

Похлопывая ее по спине, он знал, что она воспринимала это так же, как он. Дружеским жестом.

— Я тебя тоже люблю. И если мы хотим по-настоящему отомстить, то давай натравим на них Теда.

Она засмеялась, когда тот упомянул ее старшего брата, который выпустился годом раньше и учился в колледже в Батон Руж.

— Он же избьет их до полусмерти, так ведь?

— Ты это знаешь, к тому же он единственный человек, не считая Баббы и Марка, который может выследить их и что-нибудь сделать.

— Эй, Брайнна. Ты там?

Вытирая слезы с щек, она прерывисто вдохнула.

— Наверху, папочка.

Ник немного отошел от нее, пока отец поднимался по лестнице. Когда он дошел до

площадки и заметил Ника рядом со спальней Брайнны, он внезапно замер.

Ник всегда знал, что Мистер Аддамс был большим мужчиной. Под большим подразумевалось то, что он был очень высок и мускулист. Но сейчас, когда ярость плескалась в его глазах, Ник мог поклясться, что ее отец вырос на девять дюймов и его мускулатура достигла размеров мускулатуры Рембо. И он был полностью уверен, что безумный свет в глазах ее отца был вызван картинками в его голове о том, как он вспарывает Нику живот на месте.

Приподняв руки, защищаясь, Ник сделал шаг от нее.

— Я в ее комнату не входил, сэр. Клянусь жизнью своей матери. Мы все время были здесь.

Брайнна вытерла нос.

— Папочка, у меня сегодня в школе был очень плохой день, и Ник пришел проверить меня и подбодрить.

Расслабившись, ее отец сократил расстояние между ними.

— Мне позвонил Мистер Хэд. Поэтому я и вернулся домой.

Ник подошел поближе к лестнице.

— Я убедился, что ты не одна, Брайн, так что я пойду домой. Если тебе что-то нужно, или хочется с кем-то поговорить, звони мне в любое время дня и ночи.

Брайнна нахмурилась.

— Так ты и правда ехал так далеко, чтобы проверить меня?

Ник скромно пожал плечами.

— Я не знаю больше никого, кто жил бы в этом районе.

Ее улыбка обогрела его.

— Большое спасибо, Ник.

— Не за что, — он кивнул ей и пошел к лестнице.

Мистер Аддамс проводил его до двери.

Ник остановился в фойе, убедился, что Брайнна не стоит на площадке и заговорил с ее отцом.

— Мистер Аддамс, не знаю. Что директор рассказал вам, но я очень волнуюсь за Брайнну. Я был с классом, который видел... ложь про нее, и этот поступок отвратителен. И я знаю, какими гадкими могут быть некоторые дети в школе. Вы, наверное, захотите оставить ее на несколько дней дома и присмотреть за ней. Пожалуйста, сделайте так, чтобы она не оставалась одна. Я знаю, что ее мама в Сиэттле, а девочки любят говорить с девочками. Если ей нужен кто-то, могу одолжить свою маму. У нее тоже была тяжелая ситуация в старших классах. И она пережила ее. Я знаю, что она высокого мнения о Брайнне и будет более чем рада хоть как-то помочь ей. Сегодня она работает в «Убежище», но завтра она будет дома весь день.

Ее отец улыбнулся ему.

— Спасибо, Ник. Я ценю это.

Кивнув, Ник ушел. Но не далеко. Он остановился у фонтана посреди двора и уставился в воду. Через несколько минут его силы заработали. Тогда он увидел, что Брайнна все еще плакала в своей комнате, обнимая одного из плюшевых зверей, лежавших на ее кровати. Он видел, что она расстроена и зла. Однако картина самоубийства исчезла.

Облегченно вздохнув, он пошел назад к трамваю, обдумывая все, что случилось. Кaleb уверял его, что извращенный ублюдок был человеком, но он не мог избавиться от чувства,

что за всем этим что-то стояло. Все казалось каким-то неправильным. Ну да, люди жестоки. Они мерзкие. Он видел худшее в людях. Смотрел в глаза друга, который избил его до смерти, а затем безжалостно застрелил на улице.

Бессчетное число раз Ника осмеивали лицемеры, и он купался в их порицаниях.

Но все же...

Он слышал, как что-то нашептывает ему на ухо слова на незнакомом языке.

Он замер, пытаясь понять их. Это был голос духов, которых слушал Калерб? Тех, кто был мудр и владел информацией?

Амброуз сказал ему, что однажды он сможет подключаться к вселенной – видеть скрытые вещи. Знать неизвестное. Все это казалось неестественным, но за последние несколько месяцев он понял, что абсурдность – это нормальный порядок вещей. Пытаться найти логику в мире – это как пытаться открыть замок вселенной деталькой от детского конструктора.

Он даже скучал по жизни в неведении. Эти дни невероятного комфорта, когда в мире была логика, и любую проблему можно было решить, забравшись к маме на колени, и она всегда целовала там, где бо-бо. Тогда он мечтал стать подростком. Он говорил себе, что когда начнет работать, станет мужчиной.

Ну, иногда так и было. Иногда, он чувствовал себя таким же древним, как Ашерон, который жил уже больше одиннадцати тысяч лет. Но иногда он хотел прибежать к маме за утешением.

Сейчас был очень странный период в его жизни. Он застрял между детством и взрослой жизнью. Его мама так сильно зависела от него, что иногда он чувствовал себя родителем. Словно они оба растили друг друга.

И в то же время, он не мог представить, как в его возрасте можно заботиться о малыше. Удивительно, как его мама вообще не сошла с ума. Кроме того, он был вечно болеющим ребенком. Первые два года его жизни он провел в госпиталях со всеми возможными странными болячками.

«Потому что ты сын демона».

И он знал это теперь. Его человеческая часть боролась с отцовским ДНК. А демон в нем пытался убить человеческую часть.

Как его мама встретила такое создание, как его отец? Об этом она отказывалась говорить. Хотя она и не критиковала его.

«К лучшему или худшему, он твой отец, Ник. Семья есть семья, не смотря на все».

И его мама была твердо убеждена в этом. Он встречал своего отца лишь пару раз в своей жизни, во время визитов в тюрьму. Его единственным нормальным воспоминанием о том, когда в ему было десять лет и отец жил с ними целых три месяца, после того, как кто-то сглумил и досрочно освободил его.

Как в каком-то Голливудском фильме, отец напивался и поколачивал их, какой-то из его сокамерников уговорил его ограбить банк. Во время ограбления отец жестоко забил на смерть четыре человека, уверяя что это демоны пытались убить его. Тогда это казалось глупостью.

А теперь, не очень. Наверное, демоны и правда пытались достать его.

Вместо того, чтобы ссылаться на невменяемость или бороться за себя, отец признал вину и направился прямиком в Анголу. Примерно через год, как раз перед одиннадцатым днем рождения Ника, отец был ранен в огромном восстании. А еще он убил охранника. И

это гарантировало, что его никогда больше не выпустят досрочно.

Вот так семья.

Но Ник не верил, что кровные узы создают семьи, или что отцовское ДНК должно определять, кем он станет. По его словам, семью ты выбираешь сам. Это люди, которых ты любишь и которые любят тебя в ответ, те, кому ты можешь позвонить посреди ночи, и они примчится к тебе без жалоб. Только они имели значение. Только с ними стоило считаться. Он считал, что его семьей были мама, Меньяра, Кириан, Роуз, Лиза, Бабба и Марк. А Ашерон был странным дядюшкой, которого никто не понимает. Кaleb был язвой— двоюродным братом, который тебе все равно почему-то нравился.

А Коди жила в особом месте в его сердце, принадлежащему только ей.

Может быть, он так чувствовал, потому что кроме мамы не знал других кровных родственников. Он никогда не видел дедушку и бабушку. Ближе всего он видел их, когда они проходили мимо в торговом центре на Рождество в прошлом году. Его мама в магазине пригнулась, а Меньяра рассказала ему, кто они были такие, и почему мама так расстроилась и не хотела быть замеченной. Сейчас, он даже не помнил, как они выглядели. Он не узнает их, даже если наткнется.

— Ник?

По дороге к трамвайной остановке он становился, услышав свое имя, но не мог узнать голос. Обернувшись, он не увидел никого, кто бы мог звать его.

«Пожалуйста, пусть на меня не нападут мортенты, когда я один».

Кaleb убьет его за подобную глупость.

— Ник! – машина отъехала, и тогда он увидел, что Джилл бежит к нему и машет рукой.

Что же в Джилл заставляло его себя чувствовать некомфортно? И это не было похоже на волнение, которое он испытывал с Коди. Он нервничал рядом с Коди, потому что мог думать только о том, как хороши ее губы на вкус. И его тело раскалялось от гормональной перезагрузки, прежде чем он мог заставить себя думать о чем-то другом. Но Джилл его вовсе не привлекала. Так что же в ней вызывало у него отвращение?

«Дай ей шанс, Ник. Она нервничала в свой первый день... как и ты».

Правда. Кроме того, у него была еще куча подобных дней. Так что не нужно из-за этого настраиваться против нее.

— Привет, Джилл, — сказал он, когда она остановилась напротив него.

Она широко улыбнулась.

— Я не знала, что ты здесь живешь.

— А я и не живу. Я пришел проводить Брайнну.

Ее лицо побелело.

— Девочка, которая наделала все эти ужасные фотографии с животными?

— Нет, — огрызнулся он. — Девочка, которую подставили. Фотографии были смонтированы.

Она даже надулась на него.

— А я другое слышала.

«Продолжай болтать, малышка, и ты точно вызовешь у меня отвращение».

И серьезно разозлишь его.

— Ага, а вот теперь послушай меня. Я там был и могу сказать тебе, что они фальшивки. Это очевидно. Брайнна никогда подобным не занималась и не станет заниматься.

Она улыбнулась.

— Ну как скажешь. Я ее не настолько хорошо знаю, чтобы комментировать.

— Ну тогда ты ее не настолько хорошо знаешь, чтобы разносить лживые слухи.

Джилл несколько секунд помолчала.

— А это верно. Никогда об этом в таком ключе не думала.

— Ну, знаешь, мне не нравятся сплетни, — слишком уж их много гуляло о нем и его маме. — Как говорит моя мама — великие умы обсуждают идеи. Средние умы осуждают события. Скучные умы обсуждают людей. А жизнь слишком коротка, чтобы волноваться, что сделали или не сделали люди. Следи за своей жизнью, а не за их, потому что только тебе предстоит ее пережить.

— Ух ты, глубокая мысль. Ты что студент-стипендиат?

Он ненавидел этот вопрос. В теории, заработать достаточно высоких оценок, чтобы получить стипендию должно быть честью. Но каким-то образом его одноклассники повернули это так, что стипендиат не может себе позволить учиться в Св.Ричардсе, и ему нечего там делать, потому что он бесполезен.

— Да, я один из стипендиатов.

— Круто. Я и мой брат поступили в школу в том году, но не смогли получить стипендию. Хотя мы и пытались дважды.

Он почувствовал себя ужасно.

— Прости, Джилл.

Она улыбнулась в ответ.

— Все нормально. Церковь нам очень помогла. Они собирали средства для моих родителей, чтобы обучать нас и одна старая пара согласилась нас спонсировать. Они платят за все. .. даже за книги и карандаши. А еще они покупают вместе нам новую школьную одежду.

— Достойный поступок. Они, наверное, очень хорошие люди, — его мама никогда бы не позволила кому-то платить за школу Ника, не говоря уж об одежде. Она свято верила, что нельзя брать ничего у других. То что у тебя есть — то ты заработал, или живи без нужного, пока не сможешь позволить себе.

«Ты никому не должен быть должен за свою жизнь, Ник, и особенно ты не можешь раскидываться чувством уважения к себе. Даже если у них есть доступ в нее, все равно не значит, что мы позволяем это. Ты должен заработать все сам».

Как сказал бы Кириан — тот, кто умирает с большим количеством трофеев, побеждает. Так что играй по крупному.

Но опять же, его мама всегда жертвовала на благотворительность, когда монахини призывали собрать еду и игрушки для бедных, первая. Он не совсем понимал это, учитывая, что эти «бедные» жили лучше, чем они. Но его инстинкт самосохранения не позволял его спросить о нелогичности ее суждений. Она очень злилась, если считала, что кто-то зовет ее лицемеркой.

— Они лучшие, — продолжила Джилл. — Мистер Готье банкир, а Миссис Готье адвокат, у нее офис в центре. Ты ведь их не знаешь? Я подумала об этом, когда узнала, что у вас одинаковые фамилии.

— Нет. Но фамилия Готье и ее всевозможные варианты часто встретишь в Луизиане и южном Миссисипи. В Св.Ричардсе еще четыре моих однофамильца. Я думаю, если покопаться в прошлом, то у нас общие корни, но я не знаю сейчас никаких живых родственников.

— Правда?

— Ага, оба моих родителя единственные дети в семье, — это он узнал от Амброуза, когда убедился, что тот не его дядя. Амброуз не хотел, чтобы появился еще кто-нибудь и заявил, что он потерянный родственник Адариана. Он не хотел, чтобы Ник доверился не тому человеку.

— Это так грустно. У меня почти две дюжины двоюродных сестер и братьев, а еще маленькая сестра и брат Джоуи. А что с твоими дедушками и бабушками? Уверена, что они не были единственными детьми.

Я о них ничего не знаю. Родители моего отца умерли задолго до моего рождения, а моя мама о своих не говорит.

— Прости, Ник.

Он безразлично пожал плечами.

— Не о чем жалеть. Есть как есть. Ты не скучаешь по тому, чего не знаешь.

Она снова улыбнулась.

— Мне нравится с тобой говорить. Ты очень умный и правильно смотришь на вещи. Это необычно и заставляет меня задуматься.

В его голове зазвучали все тревожные колокольчики. Лесть и оскорбления всегда вызывали в нем одинаковую реакцию — «Что тебе нужно?». На его опыте люди, которые льстили ему были первыми, кто вонзал в него нож, когда он поворачивался спиной. Он ненавидел это. Может, он судил ее не верно, но он уже достаточно обжигался, чтобы начать беспокоиться о человеческих мотивах.

Он услышал дребезжание ниже по улице.

— Мой трамвай подъезжает. Мне нужно вернуться в Квотер.

— А, ладно. Было приятно поболтать. Увидимся завтра в школе.

— Ага. До скорого, — Ник забежал на платформу, радуясь, что нашел причину избавиться от Джилл. Он не понимал, почему она раздражала его, но...

Он не доверял ей и не считал нужным терять свое время с такими людьми. Они могут говорить правильные вещи, но рисковать не стоило. Он уж лучше домашнюю работу поделает, а это о многом говорило.

Он быстро вернулся в «Убежище». Его мама была занята с посетителями, так что он напрямик пошел в угловую кабинку, и начал вытаскивать книги.

Через несколько минут он уже дергал себя за волосы, пытаясь понять задание по химии, когда рядом с ним появилось что-то белое. Приподняв бровь, он посмотрел на двойной пломбир с карамелью.

Его челюсть упала, когда он увидел три вишенки и его маму, улыбающуюся ему.

— Мне стоит испугаться? Я получил бургер и пломбир, и сегодня не мой день рождения? Кто ты, странная женщина и что ты сделала с моей мамой?

Засмеявшись, она закатила глаза, за это его наказали бы на неделю.

— Позвонил Мистер Аддамс и сказал, что ты сделал для Брайнны. У меня нет печенья для героев, поэтому я принесла пломбир, — она добавила на верхушку сливок, и поставила бутылочку с ними рядом. — Я люблю тебя, Ник.

— И я, — он схватил ложку и зачерпнул угощение, пока она не изменила свое мнение, или пока он не сделал что-нибудь, способное навлечь на себя неприятности, и она бы забрала все назад.

Покачивая головой, мама начала уходить, а затем встала, нахмурившись.

Ник посмотрел вверх, и как в замедленной реакции наблюдал за Коди в паре шагов от него. Его мама явно не была ей так рада, как он.

— Привет, Миссис Готье, — сказала Коди мягко улыбаясь. — Хм, это не свидание, и я знаю, что Ник наказан. Ник не знал, что я приду, но я знала, что он здесь, и я хотела спросить его о домашнем задании по алгебре. Вы не против?

Его мама расслабилась.

— Прости, милая, не нужно ничего объяснять. Я нахмурилась не из-за тебя. Я просто... у тебя было странное чувство де жа вю? Когда я увидела тебя в свете... было странно. Будто я видела тебя раньше, но это была не ты. Ладно, это было глупо, и я не имею ничего против тебя. Хочешь, принесу тебе что-нибудь?

Коди посмотрела мимо его мамы на десерт.

— А может, поделишься?

— Только с тобой.

Она встретила взглядами с его матерью.

— Можно мне ложку?

Его мама вытащила одну из кармана фартука.

— Я принесу вам воды и молока.

— Спасибо Миссис Готье.

Коди села рядом с ним, а мама направилась к бару. Она поцеловала его в щеку, прежде чем попробовала пломбир. О, коварная женщина. Она знала, что эта маленькая ласка на время внесет сумятицу в его голову, и он гарантированно не сможет говорить несколько минут.

— Марк не может найти следов того, кто зарегистрировал домен. Каким-то образом это было сделано через компанию, и отображается лишь информация о ней. И хуже всего то, что эта компания расположена в Канаде.

Что значит, если Марк со своим везением взломает сайт, то начнется международная война.

— Отстой.

— Так и сказал Мадуг. Но Марк все равно сказал, что он справится и взломает его, но это займет несколько дней. После того, как ты ушел, мы зашли на сайт и... — она закрыла глаза и сморщилась.

— Что?

— Это ужасно, Ник. Сайт — по сути своей список. Полный снобизма. Отвратительный. Это как послушать старых сплетниц. Гадко и прочее, — она съела ложечку, прежде чем продолжила. — В основном это личная информация, например о том, кто геи. Кто оголял зад прилюдно или участвовал в Мэди Гра[8]. Кто все еще девственник. Кто переспал с большим числом людей. Кого лечили от психических расстройств, наркозависимости или венерических заболеваний. Об учениках, режущих себя, когда им тяжело эмоционально и об алкоголиках, — она засомневалась, но затем добавила. — О тех, кого арестовывали.

Ник замер.

— Я там есть?

Она замолчала, но потом заговорила.

— Ты правда грабил магазин?

Обида на несправедливость и злость захлестнули его.

— Нет! Когда я зашел в магазин, у меня с собой был леденец, но хозяин не поверил мне.

Он позвонил копам и сказал, что я украл его в магазине. Но я этого не делал, клянусь. Учитель дал мне его за то, что я получил самую лучшую оценку за тест.

Она положила на него руку успокаивающе.

— Я верю тебе, Ник. Правда. А еще есть список того, как зарабатывают родители каждого. Чьи родители алкоголики и наркозависимые.

Это чересчур для десерта. У него пропал аппетит. Он почувствовал в ее тоне скрытый подтекст.

Там точно была информация об учениках, чьи родители сидят, или в его случае, отбывают пожизненное заключение.

— Там сообщается, что мой отец опасный преступник?

Она кивнула.

— И в этом списке твоя мама все еще стриптизер.

В этот момент он полностью понял желание отца убивать людей, потому что если бы его заперли на пять минут в комнате с человеком, стоящим за этим, он бы разбил ему голову и смеялся бы при этом, как сумасшедший.

— Что-нибудь еще обо мне?

Они заявляют, что ты смошенничал на вступительных экзаменах, и единственная причина по которой тебя не вышвырнули за них в том, что твоя мама оказала определенного рода услуги администрации, чтобы те закрыли на это глаза.

Ярость захлестнула его.

— Клянусь, я...

Коди положила пальцы на его губы, не позволяя разразиться гневной речью.

— Мадуг сейчас взламывает сайт, и мы вообще думаем удалить его. Так будет лучше для всех.

Это помогло, но одну вещь не изменило.

— Ага, но сколько людей видели его?

— Тебе это так важно?

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Он хотел солгать и сказать, что нет, но он не мог так с ней поступить.

— Да, Коди. Важно. Есть такие вещи, в которые ты не хочешь посвящать других. Вещи, о которых им не нужно знать. Я думаю, ты как никто другой понимаешь это. Ведь за весь этот год я так и не узнал кто и что ты такое. Твой настоящий возраст. Ничего. Кто твои родители? На сайте есть что-нибудь о тебе?

Она сморщилась.

— Я в самых неприятных списках — хуже всех одетых, и она-кое-что-себе-нарастила. О родителях только то, что я указала в школьных записях. Мой отец там судья, а мама бухгалтер.

— Это правда?

— Смотря как на это посмотреть.

Ник фыркнул.

— Ты не собираешься мне ничего о себе рассказывать?

Она нахмурилась.

— Я надеюсь, мне никогда не придется рассказывать.

В ее словах ему почудилось что-то зловещее. Кем она была? Еще одним ангелом или смертью, вроде Грима? Или кем-то похуже?

Она была даже хуже Грима?

Он очень надеялся, что нет.

— Скажи мне, ну ты хотя бы не демон?

Она проглотила ложечку мороженого.

— Точно не демон. Если б я им была, то ты разглядел бы мою истинную сущность.

А вот это новость для него.

— Правда?

— Правда. Дар проницательности, который ты развил, позволяет тебя узнать демона, не важно какую форму он принял. Это может быть как вспышка, которая длится лишь мгновение, но им не спрятаться от тебя. Если только... они не завладели кем-то.

«Завладели» звучало плохо.

— Я не понимаю.

— У демонов есть две пугающие силы. Средние и высшие принимают любую желаемую форму. Такие как Калев, появляются в виде подростков, хотя на самом деле им тысячи лет.

Ага, Ник видел его истинную сущность и он был...

УРОДЛИВ. Достаточно пугающим, чтобы Фредди Крюгер сбежал из мира снов.

Коди продолжила объяснение.

— Низшие демоны и те, кто не овладел пока своими силами, могут завладеть кем-нибудь. Это отнимает меньше энергии и нужно меньше таланта.

— Правда? А я бы подумал, что это сложнее.

— У некоторых людей явно слабая сила воли, и они очень легкая цель для всех созданий. Самая лучшая защита? Познай себя и имей собственные мысли, верные или нет, не важно. Никогда не позволяй думать за себя или ты обнаружишь себя овцой на заклании.

Когда его мама вернулась с молоком для Никоды и водой, Ник заставил себя улыбаться и выглядеть естественно. Он подождал пока она уйдет к другому столику и продолжил разговор.

— Как в фильме «Экзорцист»?

— Да. Человеку нужно сделать что-то, чтобы открыть себя для демона. Обычно демон использует силы называемую шелковая речь или влияние, чтобы заставить цель сделать то, что они не должны. В этот момент дверь открывается. Демон проникает и берет контроль над телом. А человек, даже не подозревает, что им завладели.

Он знал сценарий даже лучше, чем ему хотелось бы.

— Они становятся зомби Мадуга.

— Почти, но у них нет бокора или хозяина, чтобы контролировать их извне. Демон может контролировать их до тех пор, пока находится в теле. Вот поэтому ты не сможешь распознать их.

— Никогда?

— Зависит от обстоятельств. У Малачаев есть некоторые необычные способности. Обычно я бы сказала – никогда. В твоём случае...кто знает? Я бы не исключала это у твоего отца, а у тебя потенциал гораздо выше, чем его.

— Как так?

— Если честно, мы не уверены. Это то, что мы можем увидеть в будущем, и судя по этому ты можешь последовать по нескольким очень необычным путям, когда выберешь, но мы точно не знаем, что случится с тобой и что ты совершишь.

Ник нахмурился.

— Мы? И кто эти остальные?

— Я говорю в общем о мире.

Ну-ну. Ник не был уверен, что она честна с ним. Он умирал от желания узнать, кто эти «они», но он слишком много времени проводил с Коди, чтобы знать, что она ничего не станет разглашать.

— Но мы же можем изменить мое будущее?

— Это наш план, — сказала она тоскливо. — Если ты подчинишься демону внутри себя, ты уничтожишь всех вокруг. Ты не будешь способен на любовь и сострадание.

От ее слов по его спине побежали мурашки, и он вспомнил как Амброуз нападал на него. Она была права. Он вовсе не хотел стать своей будущей версией.

— Что за грязная, гадкая крыса умерла на твоей голове и зачем ты держишь ее там?

Ник нахмурился, услышав злобный голос в двух кабинках от них. Он посмотрел вверх и увидел Врена, одного из помощников официантов, который пытался убраться на свободном столике, забитом посудой, пока мужчина из маленькой группы за соседним столиком оскорблял его. Он был высоким, со светлыми дредами, падающими на его лицо, почти полностью закрывавшими его, и бирюзовыми глазами. Врен казался чуть старше Ника. Он был нелюдим и очень редко говорил с людьми. Он работал, как привидение, передвигаясь подобно ниндзя по ресторану и выполнял свою работу никак ее не комментируя и не жалуясь.

Но урод оскорблявший его не знал, что тот был оборотнем тигардом. Наполовину снежным леопардом, наполовину белым тигром. И как любое подобное существо мог атаковать быстро и смертельно.

Ник задержал дыхание, в ожидании неминуемой кровавой бани.

— Эй, урод! Я с тобой говорю, — позвал посетитель из столика за Вреном. Это был двадцатилетний мужчина, достаточно сильный, чтобы мочь себя защитить. Но ведь Врен не был человеком. — Кроме того, что ты тупой и вонючий, ты еще и глухой?

Его дружки засмеялись, когда Врен проигнорировал его. Даже бровью не поведя, он сложил стаканы в пластиковый таз и принялся за маленькие тарелки.

— Тед, — простонала сидевшая рядом с ним перекаченная селиконом женщина пронзительным, гнусавым голосом, таким противным, что я хотел умолять ее поучиться молчанию у Врена, — Сжался над бедным дебилом. Он всего лишь помощник официанта. Мило с их стороны нанимать больных на голову. Все должны нанимать умственно остальных.

Ник огляделся в поисках мамы, которая оторвала бы этой женщине голову за такие слова. Он бы нанес ей удар своей головой по ее голове, чтобы следующий раз подумала, прежде чем произносить такие мерзкие вещи. И эта мысль показала, что и у него с головой не все в порядке.

— Ага, — прорычал Тед в ответ, — Но он трясет тут своими волосами, а я пытаюсь поесть. Он швырнул картошку фри в кетчупе во Врена. Она приземлилась на его белую форму и скользнула вниз, оставив красную полосу. Врен застыл.

В этот момент Ник увидел тигарда во Врене. Он присел и напрягся, напомним Ник у кота, готовящегося к прыжку.

Тигр лежал не потому что боялся, а потому что готовился...

Врен моргнул, а затем кажется успокоил себя. Он вытер стол, взял таз и ушел.

По крайней мере попытался.

Когда он шел мимо столика, мужчина толкнул его. Врен споткнулся и едва не уронил

посуду. Но в последнюю минуту, благодаря генам тигарда, он восстановил равновесие и не дал посуде высыпаться из таза.

— Вот так то, мальчик, — Тед ухмылялся. — Беги домой к мамочке.

Врен встретился глазами с Ником, и боль в них разозлила его. Он ненавидел, когда других унижали. И не важно, что он знал, что Врен может позаботиться о себе. Он не собирался прощать это и не делать ничего, чтобы остановить все.

Обойдя Коди, он пошел проверить друга. Но как только он встал, мерзавец снова пихнул Врена.

Ну все, приятель... Ник пихнул мужчину в ответ.

— Тебе нужно сесть, заткнуться и оставить его в покое.

— Ник, успокойся, — сказала за ним Коди.

Мужчина посмотрел на то место, где она сидела.

— Господи, какой отличный кусок...

— Тебе лучше оставить мою девушку в покое и следить за своим языком.

Мужчина рассмеялся.

— Молокосос, ты бредишь. Я владею карате и у меня третий черный пояс, — он пихнул Ника.

Ник сделал то, что умел лучше всего....

Глава 5

Ник изо всех сил бросился на мужчину. Зарывав, мужчина попытался скинуть его со спины, затем впечатал Ника в стену, зажав его между своим перекаченным стероидами телом и кирпичами. Он повторил это действие несколько раз. Ник усилил хватку на шее Теда, пытаясь найти сонную артерию и перекрыть поток его крови, как учил его Бабба.

Тебе не нужно быть сильным, Ник. Немного давления на нужное место и ты справишься с любимым.

А мужчина изо всех сил старался скинуть Ника.

— Вот так, то. Ага, ага, ага, — сказал Ник высокомерно. — Ты может и знаешь карате, но я знаю стиль гориллы, я чемпион четвертого уровня. Ура Дидди Конгу! У! У! У!

Он корчил рожи и издавал звуки, как горилла, цепляясь изо всех сил.

Никогда, чьи глаза были наполнены смесью веселья и ужаса, зажала рот рукой, а Врен рассмеялся так сильно, что поставил свой таз, чтобы не уронить его.

— О господи, Ник! Ник! Что ты делаешь? Ты же даже не знаешь этого человека, — к ним подбежала его мама. — Слезь со спины мужчины. Немедленно!

Ник колебался.

— Не уверен, что это хорошая идея, мама. Он меня может убить.

— Ты чертовски прав, молокосос! Я пну твои...

— Ничего ты тут не будешь пинать, мальчик.

Подошел мужчина и попытался снять его со спины, а Дев или Реми, или кто-то из близнецов схватил Теда и удерживал одной мускулистой рукой.

— Спускайся, Ник. Я его держу.

Лишь когда ноги Ника оказались на земле, он увидел татуировку Дева в виде стрелы и лука, и тогда узнал, какой из близнецов спас его.

— Спасибо, Дев.

— Без проблем. А теперь позволь мне выбросить этот мусор, и я вернусь, чтобы убрать беспорядок, который он навел.

Ник сглотнул, когда увидел яростный взгляд матери.

«Чувак, не бросай меня».

Чирайз Готье конечно была крохотной женщиной, но она пугала его до чертиков. Особенно, когда она прожигала его глазами, как в данную минуту.

Его задница уже была покрыта бензином. Она была готова бросить спичку и поджарить зефир на его теле.

— Мама, я могу объяснить.

— Нет, не думаю, что можешь. Я уверена, — она издала звук крайнего раздражения. — Ты не дерешься, Ник. Ни при каких обстоятельствах. И ты это знаешь. Сколько раз я должна тебе повторять, прежде чем ты научишься слушать? А? Я растила тебя правильно. Ты не животное, чтобы хватать кого-либо и начинать мутузить без причины. О чем ты думал? А я тебе скажу, о чем. Ни о чем. Вообще. А я ожидала от тебя лучшего. Ты уже в том возрасте, когда попадают в тюрьму за драку. Понимаешь, мальчик? Тюрьма. Кутузка. Прямо как твой папочка.

Она перешла на резкий шепот. Хотя он и был хорошо различим, не смотря на музыку.

— Да еще и драка на моей работе. Ты хочешь, чтобы меня снова уволили? Так? Ты не успокоишься пока мы не окажемся на улице, будем есть из мусорных баков, и мне придется зарабатывать проституцией, чтобы прокормить тебя. Ты наказан то выпускного. Слышишь? И у тебя никогда не будет машины или водительского удостоверения. Никогда. Ты слишком горяч для этого. Как ты можешь вести машину, если даже не способен сделать домашнюю работу без того, чтобы напасть на невинного незнакомца! Что? Кто-нибудь точно тебя подрежет, или будет сигналить тебе. И ты вытащишь их из машины и станешь избивать посреди улицы? Так? Ты совсем как твой отец. Жестокий до мозга костей. Ты не умеешь останавливать себя. Ты принимаешь все слишком близко, и реагируешь, ни минуты не думая о последствиях. Однажды ты погибнешь, потому что не смог оценить, что происходит.

Она буквально выплевывала слова, и продолжала, продолжала... продолжала, и он чувствовал, будто ему дают пощечины и по нему топчутся. Как будто он был самым мерзким паразитом за всю историю мира.

Дев за ней резко свистнул.

Испугавшись, она подпрыгнула и посмотрела на него.

— Чирайз, успокойся. Ты морально уничтожаешь бедного парня. Ничего ведь не произошло.

Она перевела тяжелый взгляд на Ника.

— Нет, Дев, это не так. Он прекрасно знает. И...

— Чирайз, — повторил Дев снова, обрывая ее. — Я как раз собирался сделать нечто похуже того, что он сделал с этим придурком.

Она нахмурилась.

— Ты о чем?

— Он меня защищал, — сказал Врен, едва различимым мягким голосом.

Дев кивнул.

— Этот ублюдок оскорблял Врена и Коди, и тогда он зашел к Врену со спины и атаковал его, Ник остановил это. Кроме того, Ник не бил его, Чирайз, — Дев начал смеяться.

Взахлеб. И это вовсе не помогло реабилитироваться потрепанному эго Ника. — Твой мальчик цеплялся изо всех сил, как перепуганный котенок на диком мустанге.

«И да, это размазало меня по полу, Дев. Спасибо».

Дев продолжал смеяться.

— Черт, вот бы была камера. Мы бы заработали большие деньги. Это было нечто... «Я владею стилем гориллы». Это бесценно, Ник. Просто бесценно, — Дев продолжал смеяться, пока не закашлялся.

Ник хотел забиться в какой-нибудь угол. Единственное, что не давало ему почувствовать себя еще хуже, было то, что Коди видела его в настоящей драке и знала, что обычно он справляется лучше. Запрыгивать на спину стоило лишь тому, кто был тяжелее тебя на несколько сотен фунтов.

И это был вес только руки этого мужчины.

— Спасибо, Ник, — сказал Врен, кивнув ему. Карманная обезьянка Врена Марвин высунула голову из кармана его фартука, где видимо спала, и затрещала что-то, словно одобряя.

Дев похлопал его по плечу так сильно, что Ник пошатнулся.

— В тебе есть сила, мальчик. Подрастешь еще немного, и мы найдем тебя вышибалой, — Дев продолжал ухахатываться.

— Горилла, — пробормотал он, направляясь к двери. — Мне это нужно рассказать Эйми. Теперь, когда они остались вдвоем, не считая Коди, которая скользнула за столик и притворилась невидимой, его мама сглотнула.

— Прости, малыш.

Но Ник пока не был готов слушать. Она будто отхлестала его своими словами, снова на глазах у всех, а он устал, что его публично унижают за хорошие поступки.

— Нет, ма. Тебе не стыдно. Ты все время так поступаешь со мной. Ты что-то себе придумываешь, не затрудняясь выяснить какие-либо факты. Ты всегда плохо думаешь обо мне, не важно какая ситуация. Когда меня обвинили в воровстве, ты не слушала меня, когда я рассказывал, что случилось. И даже когда я заставил тебя прислушаться, ты назвала меня лжецом на глазах людей и копов. Ты отказалась вступить за меня. Ты смотрела на меня, как в этой ситуации, будто я твое самое большое разочарование и ты жалеешь, что оставила меня. Будто я ничто. Я был просто ребенком, ма, а ты позволила им отвезти меня в полицейский участок на потрульной машине. Ты сказала, что так я увижу, что происходит с преступниками, и что возможно, в следующий раз я подумаю дважды, прежде чем украду. Я был напуганным маленьким ребенком, мама. И кроме того, я был невиновен. Не хочу быть грубым или невежливым, но я хороший ребенок. Все о чем я думаю утрами, днями и ночами — о заботе о тебе. И как не подвести тебя, в отличие от всех остальных. Я получаю хорошие оценки и работаю тридцать часов в неделю до и после школы. Наплевав на усталость и на время, я всегда провожаю тебя домой, когда ты работаешь ночью. И я думаю, я заслужил небольшое поощрение в качестве сомнения с твоей стороны хоть однажды. Но не важно, как я стараюсь все сделать правильно. В твоих глазах, в самый ответственный момент, я всегда не прав.

Он почувствовал, как слезы жгли глаза, но не собирался их показывать. Он был сильнее этого.

— Ты помнишь о всех драках, в которые я ввязывался в школе, мама? О которых ты мне вечно напоминаешь? Они были не из-за меня. Я никогда не дрался, когда кто-нибудь

оскорблял меня. Я сильный. Я могу это вынести. Господи, я так к этому привык, что оскорбления с меня стекают, как с гуся вода. А в тех драках я защищал твою репутацию, когда они оскорбляли тебя.

Он мог вынести жестокость одноклассников. Безжалостность демонов, посланных убить его. Он мог пережить то, что директор и учителя считали его самым бесполезным отбросом.

Но он не мог вынести, что мама так легко осуждала его, когда он изо всех сил старался порадовать ее.

Он сжал челюсть, стараясь не допустить слез. Это все, что ему было нужно.

Если он заплачет на глазах своей девочки, то будет выглядеть, как ребенок, не способный сдерживать эмоции.

Ник покачал головой.

— Я не знаю, как еще тебе доказать, что я не Адариан Малачай. Как заставить тебя увидеть настоящего меня, а не эту боль в заднице созданную для того, чтобы позорить и унижать тебя, которой ты меня видишь. Я не знаю, что может быть хуже. Тот факт, что ты настолько не уверена в своих силах воспитать достойного человека или то, что ты без всякой причины ждешь, что я стану психом. Не моя вина, что Адариан мой отец. Я не выбирал его, и мне жаль, что я всегда был лишь твоим личным разочарованием, — его сердце громко стучало, он развернулся и направился к двери.

— Куда ты, Ник? — позвала его мама.

— Как ты или все остальные считают, мама, — прорычал он, — Я направляюсь напрямик в ад, и никак не могу это остановить.

Ник остановился рядом со столиком, который убирал Врен. Он взял горстку банкнот и кинул их к остальным, забытым в пустой корзинке для хлеба.

Врен хмуро на него посмотрел.

— Зачем ты это сделал?

Ник махнул головой в сторону кабинки, за которой сидел тот человек.

— Ты так тяжело трудишься и не получаешь то, что заслуживаешь. Раз уж я задолжал тебе чаевые, это все, что я могу сделать, — и с этими словами он ушел.

Засунув руки в карманы, Ник направился к улице Роял, к Баббе. Он пойдет домой через несколько минут. Но сейчас, он хотел побыть с кем-то, кто будет относиться к нему, как к человеку, а не к генетически дефектному ребенку.

— Ник?

Он остановился, услышав голос Коди. Часть его хотела проигнорировать ее, но не ее вина, что его мама унизила его на ее глазах. Поэтому он стоял с опущенной головой, желая быть где угодно, но только не здесь. Не сейчас.

Ну да, возможно однажды он завладеет силами, способными уничтожить вселенную. Но сейчас он был обычным придурком, оскорбленным до глубины души.

Коди встала напротив него. Присев, она накрыла его губы своими. Ник закрыл глаза и вдохнул самый сладкий запах из всех ему известных.

Она обхватила его лицо и поцеловала его, и он забыл о злости и боли. Через несколько секунд, она обняла его, прижала к себе поближе и уткнулась лицом в его шею, от этого у него появились мурашки, и кровь побежала по венам быстрее.

Он притянул ее к себе, и прижался щекой к макушке.

— Спасибо, Коди.

— Я ничего не сделала.

Да, сделала. Она заботилась. И это значило для него больше, чем бы то ни было.

Прокашлявшись, он обхватил ее руками за плечи, и пошел к Баббе.

— Твоя мама любит тебя, Ник.

— Знаю. Но она не верит мне.

— Она волнуется за тебя.

— Я сам за себя волнуюсь, но я же не обвиняю себя в... вещах, которые не делал. Я не понимаю, почему она не может разглядеть меня, — он сжал зубы. — Совсем не понимаю. Знаешь, она даже спросила меня, когда я играл в футбол, почему я не дружу со Стоуном Блейкмором. «Он такой милый мальчик,» — он передразнил ее фальцетом. — Видишь, какое у него хорошее воспитание. Он такой джентельмен. Ты многому можешь научиться, проводя время с ним и его друзьями.

Он скривил губы.

— Стоун, Коди. Стоун. Парень с двумя извилинами в тупой бошке, который не может почувствовать счастье, пока не станет задирать кого-нибудь и оскорблять, — парень, который называет Коди шлюхой, каждый раз, когда видит ее.

— Твоя мама всегда видит хорошее в людях.

«Но не во мне».

И это всегда сильно ударяло по нему. Стоун, идиотский хулиган, был совершенством. Он же, послушный сын, был дефектным...

Эта несправедливость оставила глубокую рану в его душе. Что ему сделать, чтобы заставить маму понять, что он не был...

Кем?

Демоном?

Рожденным для того, чтобы уничтожить все?

Орудием зла?

Способным на убийство?

Его желудок сжался, когда он осознал, что был всем этим. И даже больше.

«Твоя судьба уничтожить всех, кого ты любишь».

Может, мама видела больше, чем он думал.

— Она права, Коди? — спросил он, желая узнать правду о себе. — И я однажды сорвусь и стану своим отцом?

Она заставила его остановиться.

— У нас всех есть выбор, Ник. Даже если это выбор между меньшим злом. Никто не заберет твою свободу воли. Даже боги. Этот дар нельзя вернуть, украсть, или отнять. Мы можем винить других, в своих неправильных решениях. Мы можем сказать, что у нас не было выбора. Но это всегда ложь. Это ты кладешь руку на оружие. И ты решаешь, стрелять или нет.

— А как же шелковая речь?

— Это сила влиять. Но не контролировать разум. Если человек силен в своих убеждениях, его нельзя контролировать. Ты не можешь склонить пацифиста к убийству.

Он не был уверен, что верит в это.

— Ты не думаешь, что с правильной мотивацией, можно заставить любого совершить что угодно?

— Я думаю, что если кто-то приставит к твоей голове пистолет и будет угрожать убить

тебя, твоя мама сделает что угодно, чтобы сохранить тебе жизнь. Но это решение она принимает сама. Понимаешь, о чем я? Она может выбрать твою смерть. Мы знаем, что она так не поступит, но это из-за того, что она каждый день ставит твою жизнь выше своей. Ты можешь направить действия кого-нибудь, но в конце концов именно они принимают последнее решение, делать это или нет.

Его маленький Йода говорил мудрые вещи.

Она потянулась и положила руку ему на щеку.

— Я не знаю, станешь ли ты злым. Только ты можешь выбрать, чью сторону поддержать в этой битве. Но я верю в тебя. Правда. Иначе, меня бы здесь не было. И я бы точно не защищала тебя. У всех нас есть тьма внутри, и иногда она завладевает и совращает нас так, как мы и представить не могли. Она обещает нам, что если мы поступим как она хочет, все станет лучше. И я тоже не всегда поступала правильно находя правильные причины. И мне стыдно за некоторые вещи, которые я делала. Все мы стыдимся чего-то. Но ошибки не определяют нас. Они помогают нам учиться и расти. Они показывают, кем мы не хотим стать. На то они и ошибки. А ты, любовь моя, такой упрямый, упрямый мальчишка, и я могу лишь представить, каким своевольным ты вырастешь. И я честно, не могу представить, что ты будешь делать то, что не захочешь сам. И я ни на секунду не поверю, что ты просто повернешься в сторону зла. И я не могу представить, что ты станешь, как твой отец. Не важно что.

Он взял ее руку в свои и поцеловал ее костяшки.

— Не знаю, что бы я делал без тебя, Коди.

— Помни об этом, когда в следующий раз Джилл или Кейси заговорят с тобой.

Он улыбнулся ей.

— Я всегда помню.

Она быстро обняла его, а затем отпустила его, чтобы они могли повидаться с Марком.

Ник открыл дверь в «Трипл Би» и позволил Коди войти первой. Как только они вошли, он замер, услышав, что Марк и Бабба спорят с другой стороны штор.

— Убери свои руки...

— Я разве не говорил тебе...

— Ты не знаешь...

— Я знаю. Ты...

— Хватит. Просто остановись. Ты...

— Ты предлагаешь мне остановиться, ты...

С другой стороны стеклянной кабинки стояла привлекательная женщина и опиралась на нее, прижав руку к щеке, и при этом было похоже что ей скучно, и в то же время она удивлена. Ее внешность впечатляла. Ее каштаново-рыжеватые волосы были модно подстрижены, на ней был элегантный блейзер в стиле моряков. Когда она заметила их, то выпрямилась и улыбнулась.

— Привет всем, — сказала она с сильным акцентом присущим жителям Теннесси, которым так же отличались Бабба и Марк. — Как дела?

Не смотря на дезинформацию и слабые попытки Голливуда, знающие люди могли сказать, что не все южные акценты одинаковы. Вы легко можете вычислить место рождения человека, по акценту и словам, которые он употребляет. И лишь в одном месте, кроме Нью-Йорка можно было так легко определить из какого ты района города, как образованы твои родители, сколько у них денег, и это место Новый Орлеан. Даже название города на разных

улицах произносили по-разному.

Буквально.

Каджунский акцент Ника был почти такой же сильный, как и акцент его матери, если только он не старался сделать его менее заметным. И они пользовались каджунской версией французского. Хотя они могли понимать французов, а те обычно понимали их, но то как каджуны произносили слова и как изменяли французскую грамматику, мог повергнуть любого борца за чистоту языка в шок.

Креольский акцент Меньяры был таким же тягучим, как мамина мучная подливка, и он обожал его звук.

Но собой он был не доволен. Не важно, как сильно он старался скрыть свой акцент, он всегда проявлялся в словах вроде «пралине»[9], «тушенка», «пекан»[10], и каждый раз когда он выходил из себя. Всегда можно было определить, насколько он зол по каджунскому акценту. И если он начинал говорить только на каджуне, он вне себя.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

Ник подошел к ней и улыбнулся.

— Вы, наверное, мама Баббы, Доктор Бердетт. Приятно познакомиться, мадам. Я Ниг Готье, а это Коди Кеннеди.

Как только он назвал свое имя, ее поведение резко изменилось. Она застыла и раздраженно приподняла бровь.

— Николас Готье, да неужели. Вот это имя я хорошо знаю. Объясни мне мальчик, почему ты выстрелил мне в голову, если даже не знал меня. Что я тебе сделала?

Ник залепетал что-то, пытаясь найти объяснение, почему он выстрелил в ее портрет, который Бабба повесил на стене.

— Я не хотел. Это случайность. Клянусь.

Она засмеялась и легонько похлопала его по плечу.

— Да шучу я, Ник. Успокойся, сынок. Я не хочу стелить по полу газеты, потому что ты от паники обмочил пол, как делала моя старая охотничья собака, когда Майкл что-нибудь взрывал в доме. Из-за него у бедной старушки был нервный тик, пока господь не забрал ее. Я совершенно не обижена... почти, из-за того, что ты снес мне голову. Но все нормально, я росла с четырьмя братьями, и Майкл мой сын, я привыкла к выстрелам. Буквально слышала их каждый день, — не делая паузы или переводя дыхание, она перескочила на следующую тему для разговора. — Он когда-нибудь рассказывал, как он должен был по идее спать, но вместо этого пробрался в оружейный кабинет папочки и пытался добраться до системы вентиляции, или еще чего-то там наверху, даже не знаю чего, я никогда не спрашивала. Так или иначе, бедняга поскользнулся, пнул шкафчик и перевернул его. И далее отцовское ружье 410 калибра свалилось и начало стрелять. Я была во дворе с подругой и не подозревала о том, что вытворяет мой сын, пока пуля не пролетела между нами и не попала в домик для птицы. Когда я вошла в гостиную, Майкл пытался спрятать ружье за диваном. Как будто я не замечу, что опасный для него кабинет открыт и из ячейки пропало оружие. И кроме того, оно было длиннее дивана. Так что не переживай по этому поводу, Ник. Я не обиделась, — повторила она.

Как говорят южане, тот кто говорит медленно никогда не рос в большой семье. Он всегда считал, что Бабба быстро говорит, но ему было далеко до его матери.

— Эй, Майкл! — позвала она, наконец, прерывая разборки Марка и Баббы. — К тебе посетители. Прекращай спорить со своей девушкой и иди сюда.

Засмеявшись, она подмигнула Нику.

Они как всегда в своем роде, я жду от них приглашения, чтобы поприсутствовать на их свадебной церемонии. Я в своей жизни подобного не видела, особенно между двумя гетеросексуальными мужчинами. По крайней мере, все обычно ограничивается парой минут споров.

— Майкл — это Бабба? — он почувствовал себя глупо, спрашивая это, но...

Его мама скривила лицо.

— Ненавижу имя, которое он использует. Да с чего бы мне хотеть назвать сына Баббой? — то, как она произнесла это имя, было похоже на оскорбление. — Будто бы я могла посмотреть на этот прелестный сверток, который я носила месяцами в своем теле и молилась за него, и сказать «Дорогой боженька, спасибо за этот чудесный дар. Позволь мне назвать его Баббой, чтобы он рос с ним, и его дразнили, прежде чем он научится открывать рот». Он когда-нибудь рассказывал, как заработал это чертово прозвище?

— Нет, мадам. Я даже не знал, что это прозвище. Я думал, его называют Сыр.

— Ой, даже не хочу начинать. Сыр? Правда? Майкл? И ради этого я отправила тебя в лучшую частную школу города, — она потрясла головой, будто стараясь очистить ее. — Неа, они прозвали его Баббой, когда он был в десятом классе и съездил в штат Огайо в летний футбольный лагерь. Сопливые недомерки начали называть моего малыша Бабба, из-за сильного акцента, из-за которого они его дразнили. Но вместо того, чтобы втоптать их в землю, как и следовало бы, он начал использовать Бабба, в шутку.

— Мама, — сказал Бабба, появляясь из подсобки. — Я не могу избивать каждого глупого человека. Ты видела сколько их снаружи? Я работаю продавцом, и мир с этим смирился. И разве не ты говорила мне «ты не можешь исправить глупость, даже не пытайся»? Более того, мне есть чем заняться кроме того, чтобы драться с каждым встречным идиотом.

Она фыркнула.

— Да брось ты. Там и драться-то почти не придется. Мальчик, ты себя видел?

Рот Ника раскрылся от удивления. Он не мог поверить, что она подбивает его к драке, когда его собственная мать размазала его за одну только мысль о ней.

У вселенной странное чувство юмора.

Доктор Бердетт покачала головой, а затем встретила взглядом с Ником.

— Я не знаю в кого он такой великан. Остальная часть семьи невероятно низкая. Черт, да я выше двух своих братьев. Они зло в чистом виде, подлее кого-либо. А его папочка совсем обычный. Мне кажется, генетика полная чушь.

Бабба фыркнул.

— Мама, знаешь, меня это как-то не успокаивает, учитывая тот факт, что ты ведущий врач педиатр страны, и написала несколько научных трудов о связях заболеваний с генами, — он посмотрел на Ника и Коди. — Это наподобие того, как она пекла мне печенье, когда я был ребенком, а затем приходила ко мне в комнату и предлагала их мне, пока я одевался к Хэллоуину.

— Ну не начинай снова, — выдохнула его мама.

Ник запутался.

— А что не так с печеньем? — его мама пыталась печь, но получалось не очень. Оно всегда подгорало снаружи, а внутри было сырым.

Бабба фыркнул.

— Ник, рассказываю это тебе для твоей же пользы. Если женщина, пусть она даже твоя

мать, приходит и предлагает тебе печенье, когда на ней фартук с черепом и скрещенными костями... отказывайся. Просто предупреждаю.

Его мать рассмеялась.

— Это был Хэллоуин. Боже мой. Откуда мне было знать, что я причиню тебе травму на всю жизнь, просто предложив тебе сахарную печеньку? Я даже могу себе представить твою беседу с психологом сейчас. «О, доктор, это было так ужасно. Вот сидел я, маленький невинный ребенок, играл в видео игры положив приставку на свой маленький детский животик, как неожиданно, появилась ужасная мама, которая только вернулась с тридцати шести часовой смены в госпитале, потратившая два с половиной часа, чтобы добраться домой и закончить костюм Джина Симмонса[11] для праздника, так как мой папочка случайно зашил рукав на нем и чтобы испечь мне немного сосисок в тесте и сахарных печенек, и предложила их мне», — она прижала тыльную сторону руки ко лбу. — Где ее человечность, доктор. Где она? Вам не понять мою боль. Вам просто не понять.

Она дурашливо посмотрела на Ника и Коди.

— Бьюсь об заклад, если вы попытаетесь угостить его сегодня сахарным печеньем, он закричит как девчонка и спрячется, — она замолчала и сузила глаза. А затем на ее лице появилась широкая улыбка. — Знаю, что приготовлю на ужин.

Она с ухмылкой посмотрела на Баббу.

— У тебя есть корица на кухне, Багабу? Или там как обычно полупустые коробки с сухим завтраком и Сникерсы?

— У меня еще есть хлеб и арахисовое масло.

Она закатила глаза.

— Прости, сладкий. Я не хотела оскорбить тебя, — в ее голосе звенел смех и сарказм.

Ник рассмеялся.

— Мне нравится твоя мама, Бабба. Она очень забавная.

— Это потому что она не распекает тебя. Как мой отец говорит, она похожа на травму головы. Забавно когда это случается с кем-нибудь другим.

С этим не поспоришь. Нет спасения от острого языка материнской критики. Но Ник хотел бы вернуться к тому, что упомянула мама Баббы и он об этом раньше не знал. Кое-что, что он не мог выбросить из головы.

— Ты правда играл в футбол?

Бабба безразлично пожал плечами.

— Немножко.

— Немножко, моя розовая картофелинка? — его мама переключила внимание на Коди и Ника. — Давай я расскажу тебе о своем плохом мальчике, Ник. Он был главным защитником. Одним из самых лучших. Когда не взрывал вещи в доме, проводя странные эксперименты.

Она оглянулась на Баббу.

— Как когда он пытался подключить телевизор к космосу, чтобы увидеть инопланетян...

— Мама, мне было четыре года, забудь уже. Черт... Сделаешь что-нибудь глупое рядом с мамой, когда тебя четыре года, и тебя не оставят в покое.

Она проигнорировала его раздраженный тон.

— Он был звездой футбола и легко обходил каждого. Никто не мог поймать его. Люди в шутку называли его Боевой Бульдозер Бердетт или Трипл Би. У него была полная стипендия спортсмена и отличного ученика в Массачусетском Техническом Университете, где он был

одним из самых ценных игроков за те года, что был там. Ему предлагали перейти в профессиональный спорт, и даже не в одну или две команды. Он был первым кандидатом, и ему сулили все, если он подпишет контракт. Он мог бы играть за Национальную Футбольную Лигу.

Ник онемел. Он и представления не имел. Бабба почти не говорил о прошлом, и то, что он был звездой футбола...

Это делает ничем Чемпионат по Боулингу Пиви, которым так гордился Ник.

— А почему ты не ушел в профессиональный спорт?

Бабба грустно нахмурился.

— У меня было множество причин, которые тогда казались разумными, — он тяжело вздохнул. — Да уже и не важно... Я бы наверное заработал какую-нибудь сильную травму, которая быстро оборвала бы мою карьеру. Как говорят, все хорошее кончается. А теперь, уйдем от прошлого, ибо нечего его ворошить, и поговорим об этом кибер вредителе из вашей школы. У вас, ребята, серьезные проблемы.

— Ага, мы знаем.

— Нет, Ник, не знаешь, — он указал пальцем на подсобку, намекая пройти туда.

Ник прошел за ним, но замер, как только увидел монитор компьютера, за которым работал Марк. На нем были всевозможные фото его одноклассников. Некоторые выполненные графически отлично. Некоторые отвратительные. А некоторые просто какие-то неправильные.

— Что за...

Марк издал долгий вздох.

— Если бы это не было так жестоко, то я оценил бы уровень исполнения. Кто-то хорошенько поработал над изображениями кучи людей.

— Но больше всего нас напрягает эта ссылка, — Бабба забрал мышку у Марка и нажал на слово «Ресурсы». — Они назвали всех, предоставивших информацию на остальных.

Ник сжал зубы, когда пробежал по списку и наткнулся на свое имя, как информатора.

— Это абсолютная ложь. Я никогда ничего не рассказывал о Спенсере. Ничего. Даже своей маме, — в этот момент он хотел найти собственника сайта и переехать его, применив все свои бедные навыки вождения. — «Киберблог», что там?

Марк нажал на ссылку.

— Глупые потуги завистливого сумасшедшего: помните, что человек, пытающийся найти грязные факты о владельце сайта, спит в утиной моче, и вместо того, чтобы пойти в бар и попытаться подцепить кого-нибудь, проводит время в болотах, кишящих аллигаторами в поисках зомби с Баббой. Поверьте мне, я чуть с ума не сошел, когда увидел это.

Покачивая головой, Ник не стал комментировать это и продолжил читать разглагольствования о его одноклассниках. Марк передал Нику мышку.

Там было фото с некоторыми чирлидерами, включающими Кейси в Доме с Привидениями, который спонсировала его школа. Под фото надпись «Этих мерзких паразитов я должен терпеть в классе. Как бы не блевануть? Посмотрите на них, меньше их IQ, только их юбки. Тошнит».

Ник присвистнул.

— Не уверен, что хочу знать, что под ссылкой «Одноклассники».

Марк скрестил руки на груди.

— Нет, думаю нет. Это в основном страницы, на которые они загрузили фотографии

одноклассников за действиями явно сексуального характера или обнаженных.

Ник решил верить ему на слово. Пока Мадуг не изобрел свой стиратель увиденного, он не хотел видеть ничего отвратительного.

— И ты ничего не можешь найти на того, кто это сделал?

— Нет, приятель. Ноль. Ничего.

Это плохо.

Бабба успокаивающе положил руку на плечо Ника.

— Не волнуйся. Мы продолжаем работать над этим. Мы найдем того, кто за это ответственен.

— Спасибо, Бабба, — Ник повернулся к Коди, чувствую дурноту от бесчувственности того, кто мог сотворить это с другими, ничем перед ним не виноватыми. — Я пойду домой, пока не заработал еще больше неприятностей, и буду ждать, пока мама вернется с работы.

— Ладно. Позвони мне, если что.

Многие люди подумали бы, что она говорит об обычном телефоне. Но он мог связаться с ним несколькими способами, которые требовали лишь его силу мысли.

Он поцеловал ее в щеку и вышел за дверь здания. Если его силы когда-нибудь заработают, как положено, то сейчас этому самое время.

К сожалению, все что он видел — это будущее наказание, которое будет действовать до его выпускного.

По крайней мере дорога домой не отняла много времени. Он зашел вовнутрь и закрыл дверь, затем выругался, вспомнив, что забыл рюкзак в «Убежище». Он сможет закончить домашнюю работу лишь поздно ночью.

«Можешь сходить за ней».

Ага, и получить очередную головомойку от матери? Ну уж нет, спасибо.

Ворча на свою глупость, он пошел к себе в комнату. Он скинул обувь, затем упал на кровать и потянулся к радио. Ему нужна была громкая, соседи-ненавидьте-меня музыка, чтобы быть не таким подавленным.

Но когда он потянулся к кнопкам, холодок пробежал по его спине.

Не уверенный в том, что это было, он осмотрел комнату и...

Все защитные символы на его стенах, которые обычно были невидимы невооруженным глазом, если только что-то сверхъестественное не пыталось добраться до него, горели как рождественские огни в Квотер. Его стены буквально светились кроваво красным...

Вот дерьмо! Его атаквали.

Глава 6

Ник скатился с кровати и схватил бейсбольную биту, которая стояла в углу... ну да, глупо сражаться ей со сверхъестественным, но лучше уж что-то, чем ничего.

Не смотря на знаки и уверения Калеба, что ничто не сможет пробить защиту комнаты, в углу, ближе к окну появился туман.

Ник крепче сжал дерево. Он был уже готов позвать на помощь и обрушиться со своей Луисвиль Слаггер[12] на интервента, как создание материализовалось. Высокая, с отличными формами, зло до глубины души, она стояла по другую сторону его кровати в короткой кружевной юбочке, черном кожаном бюсте и пурпурных легинсах. Ее красно-черные волосы были заплетены в косички, которые удерживали шипованные ленточки в тон

ошейнику на ее шее.

— Господи, Сими, ты меня ужасно напугала, — Ник шумно выдохнул, и опустил биту на пол. — Что ты тут делаешь?

Она тяжело вздохнула, ее косички взметнулись в такт, и она надула губы. Она даже притоптывала по полу своими пурпурными ботинками Докс.

— Акри опять спал с этой тупой телкой богиней, Сими устала дремать все время и начала возиться, Акри подпрыгнул, что разозлило старую корвомордую телку. Что лично Сими, радуется. Чем больше Сими будет бесить телку, тем лучше. Однажды, Сими даже съест ее. И не важно, что говорит Акри. Ням-ням. Хотя, наверное, будет больше боли в желудке, чем сытости. Ладно, Сими исполняла пляску Св.Витта[13], выражая абсолютное нетерпение, и следовательно Акри исполнял ее тоже. Акри сказал, что Сими может пойти навестить людей и поискать хорошей еды. И поэтому, Сими решила навестить ее любимого голубоглазого мальчика-демона, и раз уж его постоянно запирают дома за глупости, то Сими сказала, хммм...а не проверить ли его комнату, потому что его обычно там запирают. И вот ты здесь. И вот я тут. Привет, акри-Ник.

Ник пробежался рукой по волосам, пытаясь найти смысл в ее лепетании. Но в этом вся Сими. В ее словах редко был смысл.

— Мне жаль, что твой отец снова выгнал тебя из-за его девушки, — кажется, он это делал с ней каждые пару месяцев.

Она пожала плечами.

— Да ладно. Акри в более отчаянном положении, чем Сими. И он сказал, что заберет меня как можно скорее. А пока... — Она достала белый нагрудничек из ее сумочки в форме гроба и повязала вокруг шеи. — Хочешь пойти перекусить? Ты единственный из знакомых Сими, кто может съесть столько же, сколько она.

— Я бы с радостью, Сими, но...

— Акри— Ник наказан.

Он кивнул.

— Прости.

Она тяжело вздохнула.

— Не извиняйся. Сими что-нибудь за тебя съест. А теперь не грусти. Все будет хорошо.

— Надеюсь, Сими, — он и правда надеялся.

— Поверь Сими, она никогда не ошибается, — она послала ему поцелуй и испарилась.

И тут он вспомнил что-то.

Сигнализация никогда не реагировала на Сими.

«Калев?» — он послал мысленный сигнал защитнику.

«Что?» — Ух ты, Калев казался раздраженным.

«У меня проблема. Мои стены светятся, и я не знаю почему», — он едва закончил последние слова, как Калев уже появился напротив него.

Не говоря ни слова, Калев оглядел комнату от пола до потолка.

Ник хмуро наблюдал за ним.

— Что это?

— Не уверен, — глаза Калеба засветились, затем потускнели. Он заговорил на языке демонов, звучным, замогильным голосом, который до смерти пугал.

— Они идут за тобой, Ник.

— Кто?

— Нойр. Один из его демонов как-то нашел Адариана. Я должен предупредить твоего отца.

Ник нахмурился.

— Я не понимаю.

— А у меня нет времени объяснять, — прорычал он. — Никогда! Побудь с Ником пока я не вернусь.

Она появилась в комнате за Ником.

— Останусь тут.

— Я вернусь, — Калев испарился.

Ник не был уверен, нравится ли ему это.

— Что происходит, — надеясь, что она объяснит побольше, чем Калев.

— Не уверена. Что-то ощупывает периметр.

Мило. То, что нужно. Еще демоны желают его смерти.

— Кстати, кто такой Нойр?

Впервые она нормально ответила на его вопрос:

— Один из семи древних богов. И именно он владеет Малачай.

Вот теперь он понял холод пробирающий до костей. Его хозяин пытался прощупать его дом.

— Почему никто из вас не рассказал мне об этом раньше?

— Мы надеялись, что не придется. Что мы сможем защитить тебя.

— Почему?

— Потому что ты и твой отец подпитываете его силы. Он самый сильный благодаря Малачай. Каждый раз когда ты думаешь о нем или произносишь его имя, ты подзаряжаешь его. Понимаешь?

Да, понимал и ненавидел это.

— Даже если я сплю и вижу сон о нем, я подпитываю его?

— Даже если спишь. Поэтому мы и не сказали тебе. И зачем пугать тебя, если ты с этим все равно ничего не сможешь поделать?

С минуту он переваривал мысль о том, что его могут утащить в ад и держать в качестве зверушки.

— Где этот...древний бог?

— В настоящее время заточен в так называемом Нижнем Мире, но более правильно называть его Азмодея.

Место, в которое Амброуз говорил ему не ходить.

— Как он попал туда?

— Твой отец сбежал от него. И с помощью своих демонов, Нойр разыскивает его с того момента, как тот освободился. Но не смотря на все свои недостатки, Адариан весьма изобретателен и избегает пленения. И это не так уже легко сделать.

— Так что война между Малачай и Сефирот...

— Сефиримами. Сефирот – это единственное число. Малачай – множественное.

— Значит правильно говорить Малачаями?

Она фыркнула.

— Нет. Ты всегда Малачай, потому что в отличии от Сефирот, ты слияние всех сил зла. Сумма всего существующего, и поэтому твое имя во множественном числе.

Прекрасно. Он был сыном зла. Это то, что любой парень мечтает услышать: «Эй,

парень, я твои прыщи. Волосы в неудобных местах. Странный запах тела, которого не было раньше. Тело растет так быстро, что ты едва можешь им управлять. Ты отброс общества».

«И если для тебя этого не достаточно, ты станешь злобным Могучим Рейнджером[14] и уничтожишь мир».

Мило...

— Ты точно знаешь, как взбодрить парня, девочка. Спасибо. Я всегда хотел, чтобы меня называли отпрыском зла. Я так горжусь собой.

Коди пожала плечами.

— Прости.

— Значит, расскажи, кого мне нельзя упоминать.

Она села на край его кровати, он изо всех сил старался не думать о том, что может доставить ему нормальные мальчишеские неприятности.

Ни одна особа женского пола, кроме его мамы не сидела на его кровати раньше.

«Успокойся, мальчик. Не время сейчас думать об этом».

«Да, но у тебя супер-девочка на твоей кровати».

И это с ним случалось не каждый день. Демонические атаки – это да. Ежедневные унижения? В точку.

Знойная красотка на кровати?

Никогда.

Как-будто ей было недостаточно хауса, который она внесла, и начала играть краем его одеяла.

— Это очень сложно, Ник, — она прикусила губу, что вовсе не помогло охладить его кровь.

— Когда-то существовало шесть богов, которые управляли элементами земли. Трое владели положительными элементами, трое отрицательными. На стороне хороших был Верлайн, который отвечал за урожайность и плодородие. Он был богом земли и кормил всех. Кам была бело-золотой богиней. Богиня солнца. Ее даром был свет и любовь. Еще был Ризар. Такой красивый, что никто не мог смотреть на него без похоти, что сжигала. Он был богом огня и страсти. Они были божественными защитниками человечества, создавшими Хтониан... существ, обладающих частичками силы каждого создания на земле. Хтониане должны были контролировать, чтобы никто из богов не смог завладеть этими силами.

— Нечто вроде божественной полиции?

Коди кивнула.

— И все же это было отличное соотношение. Отрицательными богами были Брейт, богиня войны. Хотя ее цветом был серый, но она не сомневалась, принимая темную сторону. Она противостояла с Нойром и Азурой против богов света. Именно она, богиня металла научила людей делать оружие из материалов, лежащих в земле, чтобы бороться друг с другом. Азура была богиней воды. Она казалась безопасной, но могла заманить тебя и увлечь в пучину. И наконец...

— Тот, о чем имени я не могу думать.

Она кивнула.

— Нойр – все темное и смертельное. И дальше, когда Брейт научила человечество сражаться, боги света увидели, что будущее несет человеку и иным созданиям, собрались и создали Сефиримов. Они должны были стать защитниками людей и супругами древних богов.

А вот это уже интересно. Она и правда это имела в виду?

— Супругами?

— Любовниками.

Точно. Ник надул щеки.

— А вот это уже несправедливо. Почему я не могу быть одним из них? — он уж лучше был бы божественным супругом, чем орудием зла. Это звучало веселее.

Коди похлопала его по руке.

— Ну, милый, ты бы умер уже, если б им был.

— Нет, ну ты же сказала, что остался один Малачай и один Сефирот.

Ее лицо побледнело.

— Поверь мне, Ник, ты бы не хотел стать Иаредом[15]. Его существование лишь бесконечная боль и невзгоды.

— Ох...тогда забудь, — ему и своей жизни хватало. Если быть Иаредом хуже, то он рад принять статус орудия зла.

— Продолжай, пожалуйста, — Ник сел на кровать, прежде убедившись, что между ними было достаточное расстояние. — Ты остановилась на супругах.

— Нойр, Брейт и Азура пришли в ярость от того, что светлые боги посмели создать армию против них, поэтому они принялись за создание своей для баланса.

Что дальше, абсолютно ясно.

— И в итоге, они схватились.

— Ага, — выдохнула она. — Это обычная проблема со складом оружия. Рано или поздно, кто-то нажмет на спусковой крючок.

Подкладывая подушку под голову, он наклонился вперед, но не стал упоминать, что когда она говорила о древних богах, ее окружал странный свет.

— Ты как-то относишься к древним богам, так?

Она отвела взгляд.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Я бы предпочел правду, наконец.

Но она по-прежнему отказывалась на него смотреть.

— Я не могу тебе это дать, Ник. И меня заботит не это.

— И это действительно беспокоит меня, Коди. А если бы я так поступил с тобой?

— Это бы и меня беспокоило. Но я бы попыталась довериться тебе и понять, почему ты должен хранить секреты.

Он нахмурился.

— Ты так говоришь, потому что у тебя все карты на руках, и это я переживаю, а правда ли ты здесь для моей защиты... или, — он замолчал на том моменте, который волновал его больше всего. Люди предают. Алан научил его этому, когда стоял над ним и выстрелил не дрогнув, потому что он отказывался совершать преступление. Жена Кириана, у ног который после свадьбы он сложил свое королевство и наследство, безжалостно передала его врагам для пыток и казни.

И он станет Темным Охотником через несколько лет, потому что кто-то будет виноват в смерти его матери.

Будет ли это Коди?

— Ты здесь, чтобы в итоге навредить мне, — закончил он, выложив это на чистоту, чтобы она подтвердила или опровергла.

Хотя, если она соврет, то он никак не сможет это проверить. Мы все крысы в лабиринте. Правду не узнаем, пока нас не покормят или...

Мы умрем.

В этот раз она встретила с ним взглядом.

— Я когда-нибудь давала повод мне не доверять?

Технически нет.

Ник положил руки за голову и уставился на нее.

— Разве не ты мне говорила, что скрывать факты то же самое, что лгать?

Она покачала головой.

— Теперь я понимаю, почему ты хочешь поступить в юридическую школу. Ты можешь стать отличным адвокатом.

Ага, но на самом деле ему не очень то нравилось спорить и противоречить. Хотя он никогда не уклонялся от борьбы. Это было не в его духе. Хотя он предпочитал избегать конфликтов, а не искать их.

Если бы некоторые были достаточно добрыми, чтобы позволить ему это. Иногда, казалось, что весь мир старается пихнуть его посильнее и не позволить уйти спокойно.

— Я хочу поступить в юридическую школу, Коди, но лишь потому, что не хочу, чтобы мной помыкали. Люди используют судейскую форму, как угрозу крайней степени. Я хочу быть в том положении, чтобы сказать им «давайте, попробуйте», когда они попытаются это проделать со мной.

Она улыбнулась ему.

— Ты по натуре воин.

И раз уже он знал, что был Малачай, то все становилось на свои места. Для этого и был создан его народ. Но почему же он тогда предпочитает мир войне?

— Как ты думаешь, почему моя мать выбрала моего отца?

Коди нахмурилась.

— Ты о чем?

Ник позволил своим мыслям перенестись к тому вопросу, на который его мать всегда отказывалась отвечать.

— Я всегда гадал, как моя мама, особенно в таком молодом возрасте, могла связаться с таким неудачником, как мой отец. Зачем она переспала с ним? Я просто не понимаю. С ее красотой, она могла любого заполучить. Хотя лучше бы после выпускного. И еще лучше не до замужества, — это все же его мама. Так должны поступать матери, а уж потом заводить детей.

Он сам, хотя его тело желало многого, особенно когда рядом находилась привлекательная женщина, не хотел воспользоваться шансом, пока оставался по сути ребенком. Он знал наверняка, как тяжело подростку растить ребенка, и на его плечах лежало уже достаточно ответственности. Одну мысль мать вбила ему в голову — это именно ты приносишь невинное дитя в этот мир, и ты обязан делать все, чтобы заботиться о нем и обеспечивать его. И по этой причине, он не собирался ни с кем спать, пока не станет умственно и особенно финансово готов для того, чтобы завести жену и ребенка.

— Ты точно хочешь узнать правду? — спросила Коди.

— Ну уж точно предпочту ее лжи.

— Тогда загляни в себя, Ник, и встреться лицом с чудовищем, о существовании которого ты не хочешь знать. Ты знаешь свою мать. Лучше всех. Как ты думаешь, что

произошло?

Ник замолчал, позволив себе подумать о том, о чем обычно запрещал себе думать. Эта мысль была такой темной и болезненной, что он всегда убеждал себя, что это не возможно. Что он точно не прав, в своих подозрениях.

Но слова оставались, и они были не его словами. Словно они пришли из древнего пророчества, хранившегося годами.

— Я был зачат в жестокости, чтобы совершать ее?

— Так всегда с Малачай.

Ник выругался. Ну, по крайней мере, теперь он знал, что не должен делать, чтобы не стать приемником отцовской жестокости и жажды убийств. Но если это правда...

— Так почему она осталась рядом с ним?

— Он твой отец. Для нее кровь важнее всего. Кровь создает семью. И уверена, если спросишь ее, то она скажет, что он подарил ей величайший подарок... тебя.

Да, какой-то дерьмовый он подарочек.

Его тошнило от правды. Его мать заслужила кого-то получше его. С самого начала он разрушал ее жизнь.

— Мне не следовало орать на нее.

— Ты был обижен, Ник.

А она нет? Его раненные чувства ничего не значили в сравнении с тем, через что ей пришлось пройти из-за него. Пришлось пройти из-за него.

Она умрет из-за меня...

Он заморгал, когда в груди стала нарастать боль.

— Это не оправдание, — он вздрогнул, когда до него дошел весь ужас реальности. — Как она вообще смотреть на меня может?

— Ты ее сын, Ник. Ее плоть и кровь. Я уже говорила, что для нее это значит все, Коди подняла руки и создала темную коробку между ними.

Благодаря своей силе провидения, он знал, что она собирается открыть окно и показать ему события. Но она собиралась показать ему прошлое, хотя он привык смотреть будущее.

Он увидел, как его мама кричала от сильных схваток. Она была совсем еще дитя и находилась в ветхой квартирке Меньяры, где он жил, пока ему не исполнилось пять и собственник дома не выгнал одного из соседей за неуплату.

— Останови это, — кричала она на Меньяру.

— Тужься, Чирайз, тужься. Ты справишься, дитя. Он уже на подходе.

Она так пронзительно закричала, что в комнате появилось эхо, и Ник вздрогнув, осознавая какую боль он ей причинял. Меньяра рассмеялась, когда его мать откинулась на спинку раскладного кресла. Малыш издал странное гуканье, а затем закричал, от обиды, что его принесли в этот враждебный мир.

Обтерев, Меньяра завернула его в одеяло и протянула матери.

— Он красивое дитя...совсем как его мама. И невозможно совершенен.

Слезы побежали по щекам матери, когда она посмотрела на него.

— Привет, малыш. Из-за тебя я ела брокколи с сыром и шоколадным сиропом, — она прижала его к груди и держала его так, словно он был самой драгоценной вещью в мире.

Меньяра убрала локон со щеки его матери.

— Милая, ты хочешь чтобы я позвонила леди из службы усыновления? Она сказала, что тебе лишь нужно подписать бумаги, и они будут рады найти ему хороший дом. Куча

родителей захотят принять его.

Ник втянул воздух, сжав зубы. Его мама никогда не упоминала, что подумывала отдать его.

— Звучит, словно он домашняя зверушка, да? — его мама посмотрела вверх на Меньяру. — Ну так ведь будет лучше для него?

Глаза Меньяры излучали любовь и понимание. Она пожала плечами.

— Может да, а может нет. Но для тебя точно так будет лучше, кроха. Твои родители сказали, что ты можешь вернуться домой, если откажешься от ребенка после его рождения, — его мама оглядела комнату, украшенную Египетскими артефактами и поделками, и ее глаза наполненные слезами были точно такими же, как глаза Ника. — Я слишком молода, чтобы стать матерью. Я даже водить не умею. Я не могу официально устроиться на работу и лишь буду обременять тебя, а ты уже итак много для меня сделала. Я вообще не знаю, что бы делала, если бы ты не приняла меня у себя Менни. Спасибо за доброту и поддержку.

Его мать ненавидела быть обузой.

— Мне доставило удовольствие твое пребывание здесь, Чирайз, — она по-доброму улыбнулась, и погладила щеку мамы. — И ты ведь помогала мне со стиркой и уборкой, девочка. У тебя прекрасная душа, и я поддерживаю любое твое решение, касательно сына.

Она положила руку на головку Ника, покрытую темными волосиками.

— Дама из службы усыновления сказала, что они всегда нуждаются в мальчиках. Что будет длинный список родителей, желающих усыновить его и любить, как собственного.

— Но он не будет знать меня, — зарыдала его мать. — Возможно, однажды я приду в ресторан, а он будет сидеть рядом со мной, и я даже его не узнаю. Каждый раз, видя мальчика его возраста я буду гадать... а вдруг он мой?

Меньяра села рядом с ней.

— Не плачь, Чирайз. Рождение — это всегда радость. Ты принесла жизнь в мир. Посмотри на него, дитя. Он совершенство. Такой красивый.

Она покивала, уткнувшись в плечо Меньяры.

— Он заслуживает лучшую жизнь.

— Как и ты, дитя.

Облизав искусанные губы, его мать потрепал его по волосам.

— Как ты думаешь, они назовут его?

— Не знаю, милая. Но я уверена, что это будет хорошее имя, — Меньяра потянулась за ним. — Дай мне...

— Нет! — отрезала его мать. Она прижалась лицом к его груди, а он зло запищал, протестуя. — Я не могу, Менни. Не могу. Он мой ребенок. Моя плоть и кровь. Он не принадлежит никому другому. Я единственная, кто разговаривал с ним и я та, кого он пинал. Как я могу отдать его кому-нибудь теперь?

Меньяра яростно свела брови.

— Ты уверена, Чирайз? Жизнь тяжела для всех. Но если ты оставишь ребенка, она погнет тебя так, как ты даже представить не можешь.

Она храбро приподняла брови.

— Это случится в любом случае. И я хочу быть с ним, когда жизнь будет обижать его. Я хочу быть тем, кто поддержит его и скажет, что все будет хорошо. Я не смогу дать ему многое. Но я могу дать ему мать, которая будет его любить всем сердцем. Той, кто не покинул его в момент рождения, чтобы улучшить собственную жизнь. Он заслуживает

большого.

Меньяра прикусила губу, а затем снова заговорила.

— Ты приговариваешь вас обоих к нищей жизни.

— Возможно, но это тоже может произойти, если я оставлю его. Мои родители уже вышвырнули меня за то, что я не могу изменить. Кто сказал, что они не сделают это снова? Я не могу им верить. Теперь я это знаю. Когда я нуждалась в них больше всего, они повернулись ко мне спиной, — она зло скривила рот. — Время пожинать плоды.

То, как она произнесла это, навело Ника на мысль, что она повторяла слова родителей.

— Но я не выбирала это, — она вздрогнула, словно ей невыносимо было об этом вспоминать.

— Ты уверена, Чирайз? Ребенок всегда будет напоминанием ужаса, через который тебе пришлось пройти. Разве ты не будешь думать об этом, каждый раз глядя на него?

Она покачала головой.

— Он напоминание о том, насколько я сильна. Что могу пережить все, что мир сделает со мной. Я больше не буду жертвой и меня не сломить, — она смахнула слезы. — Посмотри на него, Менни. На эту крошечную головку. Детские глазки. Как можно не любить такое великолепие?

Меньяра снова убрала волосы с лица матери.

— Он прелесть. Итак, как мы его назовем?

Рука его матери потянулась к медальону с изображением святого, который она носила на шее. Именно его она отдала ему на крестины.

— Николас – покровитель детей. Мой Ники победит любые невзгоды. Мой маленький чемпион. И каждый раз глядя на него я буду думать, насколько я сильна. Не для себя, для него.

— Какое еще имя дашь ему?

Она гордо улынулась.

— Амбросиус.

Меньяра скривила лицо.

— Амбросиус? Дитя, зачем давать ему подобное имя? — ее передернуло.

Но его мать была непреклонна.

Это одна из любимых историй моего дедушки, которую он рассказывал мне, когда я приезжала к ним на лето. А это были лучшие дни в моей жизни. Я хочу разделить их с моим ребенком. Амбросиус Аурелианус был древним саксонским воином, которого мой дед называл королем королей. И вероятно он был великим чародеем, защищавшим своих людей и пошедшим войной на Британию. Реальная личность, которая со временем стала загадочной фигурой, вот как описывал его мой дедуля. Некоторые говорят, что он был братом Короля Артура, или самим Артуром, или даже Мерлином. И это имя означает «бессмертный». Два сильных гордых имени, для моего совершенного сына. Я не могу придумать лучше. Николас Амбросиус Готье.

Меньяра присвистнула.

— Дитя, он возненавидит тебя, когда ему придется произносить это по буквам в школе.

— Да, но в свою защиту скажу – у него имя святого. И это служит более чем одной целью. Я думаю, ему понравится.

Она улыбнулась ему.

— Тебе это понравится, Мистер Малыш. Я настаиваю.

Никогда закрыла окно и вернула Ника в настоящее.

— Удивительно, что мы не знаем о людях, с которыми делим наши жизни, да?

Ага, так оно и было.

— Я не знал, что она планировала отдать меня, — он бы не винил ее за это.

Коди сглотнула.

— В жизни приходится принимать решения. Большие или малые. Каждый день, с каждым вздохом.

И это касалось семьи. Тех кто родил тебя, тех кто родился от тебя, и тех, кого ты пустил в сердце. Вот как Сими объясняла это. Самое лучшее определение семьи, которое он когда-либо слышал, и оно прозвучала от сироты – демона.

И хотя силы Коди показали ему вещи о матери, о которых он даже не подозревал, и которые подтверждали его худшие страхи, он по-новому начал уважать мать. Не смотря на все, через что ей пришлось пройти, она не потеряла свою смелость и свой огонь. И не потеряла свое достоинство и способность найти светлое пятнышко даже в самом грязном зеркале комнаты.

Меньяра была права, у его матери прекрасная душа. И если она, простая смертная, совсем еще дитя стала бороться за него, то и у него есть шанс стать чем-то большим, чем его отец.

Как сказала Коди, жизнь полна выборов. И он выбирал не быть орудием зла.

Он не станет Амброузом.

«Я Николас Амбросиус Готье. Я был зачат в жестокости, чтобы с ней бороться».

Амброуз с этим боролся, но Ник будет бороться еще сильнее.

И он спасет свою мать, даже если при этом погибнет сам.

* * *

В виде ворона, Калевб приземлился на подоконнике клетки Адариана. К сожалению, или нет, Адариана там не было. Не то, чтобы он очень удивился. В это время суток...

Чудовище могло быть где угодно.

Калевб поднялся в небо и облетел двор, выискивая его. Через секунду он заметил свою цель, сидящую за столом в гордом одиночестве.

То, как Ник был похож на отца, даже пугало. Дайте мальчику пару лет и они будут неразличимы.

Не считая их личных качеств. Ник часто был забавным, и, хотя Калевб ненавидел признавать это, очаровательным, а иногда смешным. Не важно, насколько плоха была ситуация, Ник мог отыскать в ней что-то забавное. С другой стороны, Калевб никогда не видел Адариана улыбающимся, он лишь иногда выдавал жестокую ухмылку. И единственным, что старший Малачай находил забавным – пытки других.

Мда, они были совсем не похожи.

Калевб устремился к белому столику для пикников Адариана. Из-за жестокой натуры Адариана и склонности к убийствам, его держали в изоляции от других заключенных. Четыре охранника, с оружием наготове, стояли вокруг зоны с Адарианом, который был отделен от основной части тюрьмы электрическим забором.

К счастью он мог пролететь через нее и не пораниться.

Калевб приземлился на стол за Адарианом, и закаркал, чтобы предупредить о своем

прибытии.

Адариан раздраженно вздохнул.

— Что ты тут делаешь, Малфас? – спросил он тихим голосом, прикрывая рот рукой, чтобы охрана не увидела, что он говорит с птицей.

— Тебя обнаружили.

— Как?

— Не знаю. Кто бы это ни были, они пытались пробраться в комнату Ника. Не получилось. Но если они найдут его...

Адариан выругался.

— Думаю, было бы лучше, если бы ты отсюда ушел.

— Никуда я не пойду. Они не найдут Ника. Даже если это произойдет, они будут знать, что этот босьяк мой.

Калев нахмурился.

— Ты готов рискнуть жизнью сына?

— Нет, но я готов рискнуть твоей.

Ну конечно. Почему бы нет. Если Калев умрет, Адариан всегда сможет найти другого.

— Я сохраню его жизнь.

— О, да я и не сомневаюсь. Ты уже видел, что происходит с созданиями, разочаровавшими меня.

А еще он видел, что происходит с людьми, помогающими ему. Так или иначе, Адариан уничтожит тебя.

— А теперь иди и защити его.

— Да, мой лорд и повелитель.

Адариан повернулся, чтобы посмотреть как улетает Малфас. Значит, что-то обнаружило его. Это было не в первый раз. Пять лет назад его едва не пленил один из врагов. Смерть для него не вариант.

Пока Ник не повзрослеет.

Тогда эта заноза сможет занять его место, как Малачай.

Кираст, кирога, кирент. Зачатый в жестокости, чтобы творить жестокость и жестоко умереть. Таков был девиз Малачай, написанный на первом языке.

Как только эта мысль посетила его, как он почувствовал, что метка Малачай нагревается. Это было предупреждением, что здесь находится кто-то из Азмодея.

Электричество заплескало по его позвоночнику. Кто или что бы это ни было, оно наблюдало за ним. Хотя ему плевать.

Но его конец был близок. Не важно, как он боролся с этим, он знал правду. Он чувствовал это своими костями.

Если он вскоре не убьет Ника и не поглотит его силу, то умрет. А это он не мог позволить. Не сейчас.

И он всегда может завести еще сына. Более податливого, чем Ник. Которым он сможет управлять, а затем убьет.

Горечь появилась в его горле, когда он подумал о сыне, которого видел лишь пару раз. Кто бы мог подумать, что его хилый бродяжка унаследует от матери такой сильный внутренний стержень? Чирайз всегда была полна сюрпризов.

Как впрочем и он.

Один из охранников нелепо рванул голову в сторону Адариана. Какой-то дух завладел

мужчиной. И это рассказало Адариану все, что ему нужно было знать о жалком существе, наблюдающим за ним.

— Низшим формам меня не напугать, — сказал Адариан демону. — Как и высшим. Иди домой, пока я не оторвал тебе крылья и не запихал тебя в банку для хранения препаратов.

Одержимый стражник уставился на него.

— Это тебя засунут в банку. А затем, мы разорвем твоего сына. На твоих глазах.

Адариан рассмеялся над глупцом.

— Валяй.

Демон атаковал.

Адариан обхватил его за грудь и сжал. Он заглушил демона и начал говорить на его языке.

— Откуда ты знаешь о моем сыне?

— Все знают. Мы знали о нем веками.

Адариан нахмурился. Веками? Нику чуть больше декады. О чем говорит этот имбицил?

— Малачай! Отпусти его или мы стреляем!

Адариан косо посмотрел на придурка, смеющегося отвлекать его.

— Откуда вы узнали о нем? — спросил он захваченного демона.

— Было нелегко. Зевс скрыл его эмоции. Отсутствие в нем ненависти скрыло его от нас на долгое время. Но затем защита ослабла, и мы узнали о его существовании, и где найти его. Умно с твоей стороны, Малачай.

Оплодотворить богиню. Но не сработало. Ты умрешь. Не от моей руки, так от руки моих братьев.

Охрана открыла огонь. Адариан накрыл себя и демона щитом. Человеческая часть охранника закричала, когда пули глубоко вонзались в него. Когда охранник умер, демон вышел из него и испарился. Разочарованный, Адариан зашипел, когда пули пронзили его плоть. Они не убьют его. Ни одно смертное оружие не способно убить Малачай. Было просто больно.

Один из охранников схватил его и бросил на землю.

— Ты за это заплатишь.

Ну точно. Они и понятия не имели. Они не могли причинить ему вреда.

Но когда они сковали его наручниками и бросили на землю, его мысли перекинулись на то, о чем он не подозревал ранее. У него был еще сын. Взрослый, в нем была кровь двух богов.

Хотя у этого сына не было сил Малачай, но он был богом и если умрет Ник...

Он мог влить в него кровь Ника и создать комбинацию из трех кровей.

О да, о таком он даже и мечтать не смел.

Длительность жизни Ника сильно сокращалась.

И пора было нанести сыну запоздалый визит.

Глава 7

Коди и Калевб решили, что Ник был в относительной безопасности, поэтому он сидел дома один, зевал и смотрел на часы. Ему нужно пойти к Лизе до закрытия магазина и забрать подарок для Розы, затем остановиться в «Вечных Сокровищах», и забрать оттуда заказанный им подарок. Если он уйдет сейчас, то сможет проводить маму домой. Он достал

из кармана телефон и позвонил.

— «Убежище» на улице Урсулинок. Говорит Джейсин. Чем могу вам помочь?

— Привет, Джейсин, это Ник. Мама рядом?

— Ладно, ребенок. Повиси, я найду ее.

Ник подождал, пока мама не взяла трубку.

— Что ты хочешь, Ник? — в ее голосе слышался холод, и он почувствовал себя из-за этого ужасно.

— Привет, мам. Мне...хм...мне нужно кое-что забрать для Кириана у Мисс Лизы. Я схожу быстренько, а затем приду проводить тебя.

— Тебе не нужно это делать, — ну да, она все еще была расстроена больше, чем показывала.

— Я знаю, ма. Но мне нравится провожать тебя домой...и мне очень жаль, ну так как? — он задержал дыхание, ожидая ее ответа.

Она не ответила.

Вместо этого ее голос стал еще холоднее.

— Скоро увидимся, — и она повесила трубку.

Теперь он ощущал себя абсолютным дерьмом. Она, наверное, думала, что ей следовало подписать бумаги и спихнуть его ближайшей паре.

Стараясь не думать об этом, он закрыл дверь и пошел.

Начинало темнеть. И это немного взбодрило его. Больше всего он любил это время суток, прежде чем туристы начинали активно пить, а собственники помещений на улице Роял начинали закрываться на ночь. Радовало то, как они покидают свои владения и отправляются в банк, оставить там выручку. И это были последние мгновения, до того, как появятся настоящие хищники в поисках добычи, которых не остановят обычные пули и оружие.

— Привет, Миссис Кленси, — сказал он владелице магазина «Маскарад», которая запирала его дверь.

— Добрый вечер, Ник. Ты за мамой идешь не в том направлении. Ты идешь к Баббе? Скажи мне, что мальчик больше не проводит свои уроки по борьбе с зомби.

Ник рассмеялся.

— Представляю, что бы было, если бы он себя сегодня так вел, когда его мама в городе.

— О господи. Мой самый худший страх, что он устроит пожар в своем магазине и спалит все до сюда.

— С Баббой такое возможно, — он усмехнулся. — Спокойно ночи, Миссис Кленси.

— И тебе тоже.

Засунув руки в карманы, Ник пошел к Собору.

Он был недалеко от Площади Джексона, когда услышал, как кто-то зовет его. Так как он частенько бывал в Квотер, и большинство людей живущих и работающих здесь знали его, то он остановился.

Ник уже был готов проигнорировать это, как заметил парня его возраста напротив, вниз по улице. Это был Бристол из школы.

— Чего? — спросил он.

— Я вообще-то шел к тебе домой. Можешь подойти на секунду? — спросил он, указав Нику на аллею, ведущую к магазину одежды. — Я хочу у тебя кое-что спросить про школу.

Его желудок сжался, подсказывая, что это была нехорошая идея. Но ведь это был

Бристол. Он знал его многие годы. Что может случиться во время короткого разговора со старым другом?

Ник пошел туда.

— Что случилось?

Когда он оказался в глубине аллеи, Бристол швырнул ему в лицо лист бумаги.

— Что это за дерьмо?

Несколько секунд заняло на то, чтобы разглядеть, что там заявление о том, что Бристол гей. И там говорилось, что он знал об этом, потому что сам был геем и пару раз развлекался с Бристолом.

Ник скривил рот.

— Я не говорил это дерьмо.

— Ага, ты так же солгал о Спенсе.

— Я ни о ком ничего не говорил. Я так не поступаю.

— И я должен верить каджунскому мусору, чья мать стриптизерша, а отец в тюрьме за массовое убийство? Шутишь?

Ник начал злиться, и постарался подавить в себе гнев.

— Я этого не говорил, — повторил он, усиливая каждое слово.

— Ты лжец, — Бристол пихнул его.

Не бей в ответ...Его мама не переживет двух драк за один день. Она его просто убьет.

Он подумал о Врене, который прошел мимо драки в «Убежище». А уж он точно был способен вырвать глотку любому, кто раздражал его.

«И ты можешь просто уйти».

Отличный шанс научиться этому сейчас. Ник глубоко вздохнул и развернулся, чтобы уйти.

Когда он это сделал, Бристол так сильно ударил его в спину, что выбил из него дух.

— Не поворачивайся ко мне спиной, уродец. Это ты тут мусор, а не я.

Ну точно. Но Ник не собирался с ним драться. Не сейчас. Не после ссоры с мамой.

— Слушай, Бристол...

Он снова ударил его. В этот раз в челюсть.

Ник отшатнулся. Ему нужно уйти, пока он не ответил. Развернувшись, он сделал два шага и боль разорвала его череп...

* * *

— Коди, это ты?

Никогда нахмурилась, услышав напуганный голос Чирайз Готье в телефоне.

— Да, мадам. Чем могу вам помочь?

— Ник с тобой?

— Нет, мадам, а что?

Чирайз засомневалась, но затем продолжила.

— Он должен был проводить меня с работы, после того, как заберет что-то в магазине Лизы. Я закончила работать пол часа назад, а он так и не появился. Тогда я позвонила Лизе, и она сказала, что тоже его не видела. Я знаю, каким он был расстроенным...ты не думаешь, что он мог натворить глупостей?

Нет. Более вероятен сценарий, что нечто напало на него и сожрало.

— Не думаю, Миссис Готье. Когда я уходила, он чувствовал себя гораздо лучше. Давайте я сделаю пару звонков, вдруг его кто-нибудь видел.

— Я уже звонила Баббе и Марку. Они сказали, что он ушел с тобой.

— Я разошлась с ним у вашего дома, — она не стала говорить правду, потому что его мать раздражалась, когда кто-нибудь был в доме в ее отсутствие.

— Я останусь здесь, вдруг он просто опаздывает. Пожалуйста, дай мне знать, если узнаешь что-нибудь.

— Хорошо, — Коди прервала звонок и немедленно позвонила Калебу. — Эй, Ник с тобой?

— Нет, а что?

— Он пропал.

Калеб выругался.

— Начинаю поиски.

— Я тоже. Увидимся позже, — она отключилась и закрыла глаза. С помощью своих сил она пыталась обнаружить Ника. В этот раз не сработало. Она понятия не имела, где он.

К счастью, она дала ему свое кольцо выпускника. Он считал его обычным, но с помощью него она всегда могла обнаружить его. И она нашла его немедленно. Облегченно выдохнув, она позволила притянуть ему себя. Она появилась в темной аллее, которая была где-то в середине Квотер. Она огляделась вокруг, но ничего не увидела. Почему она здесь, если тут нет Ника?

Она уже была готова уйти, когда услышала тихий стон в тени.

— Ник?

Ответ был похож на ее имя, не произнесенное внятно. Возможно. Она не была уверена.

Ее сердце забилося от страха, она побежала на ориентир. Вначале, она увидела мусор на улице. Но поискав в нем, она обнаружила тело, частично покрытое отбросами.

Пожалуйста, пусть это будет не Ник...

Паника захлестнула ее, когда она откопала раненного человека. Маленькая лужица крови натекла вокруг его головы и плеч.

— Ник, выдохнула она, встав рядом с ним на колени, чтобы перевернуть его и удостовериться.

Да, это был он. Она смогла определить это по его безвкусной рубашке. Но его лицо было настолько разбито и кровоточило, что она могла распознать его лишь по одежде.

«Ладно, и как мне ему помочь?»

Если она перенесет его в госпиталь, то они немедленно поймут, что он не человек, уведомят органы и ее арестуют.

«Думай, Никогда, думай».

Что делают люди, когда нужна помощь?

Скорая. Точно. Вот так. Она потянулась к телефону и позвонила 911. Через несколько минут ответила женщина.

Руки Коди тряслись, и она жалела, что не обладает силой, способной излечить Ника, чтобы тот не страдал. Ах если бы...

— Але, я нашла своего друга на аллее, где на него жестоко напали, и он истекает кровью.

— Он в сознании? — спросила оператор.

— Нет, мадам.

— Мне нужен ваш адрес.

Коди сжала зубы и воспользовалась своими силами, чтобы узнать местоположение. Она назвала его женщине, и в ожидании помощи оставалась на линии.

Она призвала кусок ткани, чтобы стереть кровь с его лица.

— Держись, Ник. За тобой уже едет скорая. Они будут с минуты на минуту.

Только, казалось, она ждала вечность.

Услышав приближающиеся сирены, Коди вышла на дорогу, посигналить скорой, чтобы те не пропустили аллею.

Они остановились на углу, прихватили ящик и последовали за ней к Нику, лежащему на земле.

— Что случилось? — спросила санитар.

— Не знаю. Я нашла его таким пару минут назад. Он должен был прийти за мамой на ее работу, и когда он не пришел, она позвонила мне, чтобы я помогла в поисках. Как только я откопала его в мусоре, сразу же позвонила вам.

— И кто ты?

— Его девушка, Коди.

Они опустились на колени рядом с ним, и начали изучать его состояние.

— Как его зовут? — спросила женщина.

— Ник, — мягко сказала санитар. — Ты слышишь меня, сынок?

— Я не дрался, — пробормотал он.

Санитары обменялись хмурыми взглядами.

— Ник, — женщина попробовала снова. — Меня зовут Патрис. Ты меня слышишь?

— Патрис, — сказал он устало.

— Хороший мальчик.

Мужчина убежал за носилками, а Патрис осталась рядом, чтобы сделать ему укол в руку.

— Можешь сказать, сколько лет Нику?

— Ему пятнадцать, — ответила Коди.

— Спасибо, — она прицепила бандаж на шею Ника, пока говорила с Коди. — У тебя есть номер его матери?

— Да.

— Может позвонишь ей, пока я позабочусь о нем? Скажи, что мы отвезем его в Благотворительную Больницу, и нам нужно будет, чтобы она подписала бумаги.

Пока они стабилизировали его состояние и положили его на носилки, Коди позвонила.

Она закончила говорить, когда они подошли к ней с Ником. Он потянулся и взял ее за руку.

— Все будет хорошо, милый, — уверила она его.

— Ты поедешь с нами? — спросил мужчина.

— Да, если можно.

Они поместили Ника в скорую, женщина ушла на переднее сиденье, а мужчина остался с ними сзади. Коди села у двери, а санитар продолжил ухаживать и проверять сердцебиение Ника.

— Даже не представляю. Он должен был выполнить небольшое поручение, но так и не появился. Его мать позвонила мне, и я пошла его искать. Чудо, что я нашла его.

— Да, ему точно повезло, что ты нашла его.

Ник пытался заговорить, но на нем была кислородная маска и они не могли его понять. Санитар убрал ее.

— Что такое, Ник? – спросила она.

— Скажи... — он закашлялся, затем застонал. — Скажи ей, что я не дрался.

— Скажу, — санитар вернул маску на лицо Ника. — Ты это слышала?

— Да, только я не та «ей», которую он упоминал. Он имел в виду его мать. Они недавно поссорились, и он ей обещал, что больше никогда не будет драться.

Она сморщилась, осматривая причиненный ему вред. Это было жестоко.

Санитар потянулся над Ником к своему ящику за ампулой.

— Без обид, парень, но нужно было драться в ответ. Я думаю, они бы не причинили тебе такой вред тогда. По крайней мере, ты бы получил личное удовлетворение.

Коди не могла не согласиться. И она не могла понять, почему он позволил избить себя так сильно.

«Плевать на маму, Ник, мне так хочется ударить тебя за это».

Но именно эту часть она и любила в нем. Когда он давал слово, то держал его.

Положив руку ему на ногу, она закрыла глаза и воспользовалась своей силой, чтобы узнать что случилось. Она увидела, как Бристол ударил Ника по голове доской, которую подобрал на аллее. Ника застали врасплох, он буквально ослеп от подлого неожиданного нападения и упал на землю. Глаза Бристола сверкали убийственной яростью, и он не дал ему не единого шанса на пощаду. Он продолжал лупить Ника доской, нанося удар за ударом, не позволяя даже закрыться. Все что Ник смог – свернуться в комочек, чтобы защитить себя. Оцепенелый и дезориентированный от серии ударов, Ник не смог позвать на помощь, прежде чем отключился на аллее.

Сжавшись от ужаса, она, наконец, увидела, как разум вернулся в глаза Бристола. И только тогда Бристол запаниковал, осознав, как сильно избил Ника. Напуганным тем, что Ник умер или умирает, он схватил кошелек Ника, и забросал его тело мусором. Затем он сбежал, оставил Ника истекать кровью на холодной дороге.

Коди никогда не хотела навредить кому-либо так сильно, как хотела сделать это сейчас с Бристолом. Как можно быть таким хладнокровным? Он знал Ника многие годы. Он посещал с ним кучу уроков, и на нескольких даже был его партнером.

Но Бристол видел основание избить Ника, а это самая опасная из эмоций. Когда кто-то, не важно чем объясняют свои причины, считают, что в праве сделать что-то другому, они становятся невообразимо жестокими. Бристол думал, что Ник соврал о нем, и вместо того, чтобы поверить, что Ник говорит правду, он безжалостно избил его, лишь по той причине, что считал, что Ник этого заслуживает.

Ее подташнивало от этого, она отпустила Ника и сосредоточилась на том, чтобы он почувствовал себя лучше.

Когда они приехали в госпиталь, и персонал задал ей вопросы о нем, они увезли его в комнату, куда ей был запрещен вход, и она вспомнила, что нужно позвонить всем и рассказать, что случилось. Кaleb появился рядом с ней в тени комнаты ожидания, прежде чем она успела закончить речь.

— Он в порядке? – беспокойство в его голосе удивило ее. Манера, с которой Кaleb разговаривал и обращался с Ником, говорила о том, что тот едва его переносит. Но ничего подобного не было сейчас, в его манере разговора или жестах.

Кaleb определенно переживал.

Ух ты...

Коди положила телефон в сумочку.

— Мы знаем, что он не умрет от обычных побоев, но человек, который атаковал его, превратил его в котлету. Он выглядит ужасно.

Калевб подозрительно сузил свои прекрасные карие глаза. Так как она знала, кем он был на самом деле, ей легко было глядеть сквозь его человеческую красоту, но сейчас, когда он позволил соскользнуть своей защите и она увидела, сердце, способное переживать под аурой демона, то для нее он стал таким же привлекательным, как и Ник.

— Ты уверена, что его атаковал человек? — спросил Калевб.

— Точно. И я думаю именно поэтому он и пытался избежать драки. Если бы это был один из нас, уверена, Ник бы схлестнулся с ним.

Калевб издал раздраженный звук.

— Я бы убил его мать за ее последний всплеск глупости, но...

— Понимаю. Я тоже недовольна ей сейчас.

И после упоминания матери, наконец, появилась Чирайз. Она остановилась в двойных дверях, выискивая знакомые лица. Когда она увидела их двоих в дальнем углу, то полетела к ним. Светловолосая, худенькая и крошечная, она была абсолютно красива, не смотря на слезы, которые струились по ее щекам.

— Где ты нашла моего малыша, Коди?

— На аллее улицы Роял. Не далеко от магазина Лизы.

Меньяра прибыла как раз вовремя, чтобы услышать ответ. Она была не выше Чирайз, и точно такая же худенькая, у нее были темные косички, перевязанные красным шарфом, а одета она была в красную блузу и джинсы.

— Ох, мой бедный Ники, — выдохнула она.

Что-то в ее глубоком голосе всегда напоминало Коди о Эрте Китт[16].

Чирайз повернулась к Меньяре, и ее слезы побежали еще сильнее.

— Кто мог такое сделать с моим Страшилкой? Почему, Менни, почему? Чушь какая-то. Мой Страшилка такой милый мальчик, а я была с ним резка, когда он позвонил мне и сказал, что собирается поработать, а потом придти за мной. Клянусь, я больше никогда не буду на него орать. Просто скажи мне, что с ним все будет хорошо.

— Я надеюсь, Чир. Правда.

Коди начала объяснять, что случилось во время драки, но потом подумала получше. Раз уж она там не присутствовала, то не могла сказать ни единому человеку, откуда она знает детали, когда прибыла туда через час после всего.

Поэтому она остановилась на самом лучшем объяснении, чтобы успокоить его маму.

— Похоже на ограбление.

Ноги Чирайз подкосились. Калевб метнулся как молния, чтобы поймать ее и не дать удариться о пол. Он обхватил ее руками, затем перенес на пустой стул, где оставил ее на попечение Меньяры.

Меньяра села рядом и взяла ее за руку.

— Все будет хорошо, крошка. Он сильный мальчик. Чтобы отнять его у нас нужно что-то большее, чем побои. Обещаю тебе.

— Молюсь за то, чтобы твои слова оказались правдой, Менни, — прорыдала она. — Ник это все, что есть у меня в этом мире. Если я потеряю его, вам придется копать две могилы. Я не смогу жить без своего малыша. Не смогу.

Она ударилась в разрывающие сердце рыдания, от которых на глазах Коди навернулись слезы. Пытаясь собраться с силами, чтобы подумать о собственных страхах о Нике, Коди оглянулась и увидела острую боль в глазах Калеба. Что-то в реакции Чирайз тронуло демона.

Но что? Если у Калеба и была когда-то мать, он о ней не говорил. А может он был женат в прошлом? Имел семью?

Демоны женились тоже, и некоторые особи были более моногамны, чем представляли себе люди.

Особь даева, вроде Калеба, славились своими прочными связями с семьей.

Но о нем я знаю не больше, чем он обо мне. Впервые пелена спала с ее глаз, и она поняла, хотя их трое проводили много времени вместе...и много общались друг с другом, но она, Калек и Ник были лишь близкими чужими...

Грустно, что нам приходится так делать.

Но ведь сколько людей так жило? Сколько людей чувствовали себя чужаками в собственном доме? Или что никто в их семье по-настоящему не знает или не понимает их?

В основном, мы лишь орбитальные спутники, которые сталкивались между собой, когда их пути пересекались. Люди создают связи с обществом, чтобы не чувствовать себя изолированными. Но в итоге, единственное, что постоянно в любой жизни, это собственная душа. И то ненадолго.

И часто души покупались и продавались, как поношенная обувь в магазине поддержанных товаров.

И все же, когда две души сталкивались друг с другом достаточно сильно, они могли сформировать связь, такую сильную, что ничто не могло ее разорвать. Такие связи были редки, а она провела достаточно времени тут, чтобы утверждать подобное.

Но еще она видела нерушимые связи. Наподобие той, что Чирайз делила со своим сыном. Не было такой силы, которая могла бы разбить их любовь и разделить их.

Подобную любовную связь Чирайз ощущала лишь с ее братьями и еще одним человеком. «Не стоит вспоминать».

Боль утраты все еще была больше, чем она могла вынести. А ее нервы итак уже были на пределе из-за того, что случилось с Ником. И хотя их любовь не была еще достаточно сильна, но она чувствовала, как та растет каждый день и удваивается с каждым новым открытием в Нике.

Он был гораздо большим, чем сам представлял. Впервые за века у нее появилась надежда.

И это благодаря созданию, которое она должна ненавидеть всеми фибрами своей души. Жизнь такая странная. В ней редко есть логика. Как говорил ее брат:

«Жизнь это не загадка, которую надо разгадать. Это приключение, которым надо наслаждаться. Пусть каждый ее вызов станет новой горой, на которую надо взобраться, а не препятствием, возникшим на твоём пути, чтобы остановить тебя. Да, это будет тяжело, но когда справишься в первый раз, ты сможешь увидеть мир, таким, какой он есть на самом деле. И там, на вершине, карабкаться будет казаться не так уж сложно, как было вначале. Более того, когда ты поймешь, что победил гору, сможешь управлять всем. А не тобой будут управлять».

«Я скучаю по тебе, мой брат. Даже после всех этих лет».

В жизни нет никаких гарантий, кроме одной. Ты никогда не достигнешь успеха, если не попробуешь снова.

И хотя ее люди не верили, что Ника можно спасти, она верила. Сегодняшняя ночь это доказала.

Пусть с тобой все будет хорошо, Ники.

Следующий час, пока они ждали новостей о состоянии Ника, комната наполнялась людьми, желающими узнать, как он. Врен. Эйми. Дев и его братья. Джейсин. Мама и Папа Пелтье. Талон. Ашерон. Кириан. Роза и ее сын Мигель. Брайнна и ее отец. Но всех из удивило, когда Бабба и Марк пришли с мамой Баббы.

Без малейших колебаний доктор Бердетт пошла прямо к стойке, чтобы поговорить с дежурным персоналом.

— Эй, милочка, — сказала она дежурной медсестре. — Я доктор Бобби Джин Бердетт из больницы Перри Кантри, штат Теннесси. А еще я хирург-педиатр из Вандербилт и Св. Джуди. Сюда примерно с час назад привезли друга моего сына, и я хочу узнать, могу я сделать что-нибудь для него.

— Его имя?

— Николас Готье.

Медсестра в поисках информации о Нике переключила свое внимание на монитор компьютера.

Один из врачей скорой помощи медленно подошел к матери Баббы, словно не веря в то, что видел.

— Простите, мадам. Мне не слышалось, вы доктор Бобби Джин Бердетт? Доктор Бобби Джин Бердетт, которая оперирует в Ванди и Свю Джуди, и кто является почетным членом Всемирной организации здравоохранения?

Она улыбнулась самой теплой улыбкой, которую когда-либо видела Коди.

— Знаешь, сладкий, когда ты это сказал, я даже показалась важной персоной. Да, это я. Поверь мне, никто другой в своем уме не возьмет на себя столько работы, если не обязан. Но как уже было сказано, милый, это самая благодарная работа, из всех, которые ты можешь представить. Нет ничего лучше, чем улыбка матери, когда ты берешь ее и ее ребенка за руку, и говоришь, что ее малыш выживет, когда она уже думала покупать ему погребальную одежду. Мммммм, спасибо господу, что дал мне возможность помогать нуждающимся. Я искренне благодарна за счастье помогать людям, из всех моих сил.

Он протянул ей руку.

— Такая честь встретиться с вами, доктор. Вы живая легенда. Вещи которые вы делали, и главное с кем...вау, — он повернулся к дежурной медсестре, которая теперь сосредоточила пристальное внимание на маму Баббы. — Стейси? Это женщина, посещала самый горячие военные точки и районы природных катастроф мира в качестве волонтера, чтобы спасти жизни детей. Она в ответе за открытие клиник во всевозможных местах, включая ту, что находится на нашем заднем дворе.

Он улыбнулся доктору Бердетт.

— Я просто поверить не могу, что вы здесь. Напротив меня. В Новом Орлеане.

— А теперь милый, спасибо тебе за теплые слова. Но не надо на меня направлять свет рампы, и делать из меня больше, чем я есть. Ты можешь ослепить меня, а мне нужно четкое зрение. В конце концов, я не больше, чем кто-либо в этом мире. Если ты хочешь узнать о моих недостатках, и поверь мне, их много, то присядь с моими партнерами по бриджу, и они часами будут просвещать тебя, — она пожала ему руку, затем зажала ее между двумя своими. — И мне тоже невероятно приятно познакомиться...

Она посмотрела на его именную табличку.

— Доктор Фергюсон. И мне приятно поболтать с вами, но я пытаюсь выяснить информацию о пациенте, который прибыл сюда совсем недавно.

Пока он общался с дежурной медсестрой, к ней медленно приблизилась Чирайз. Коди видела, что Чирайз знает ее, но очевидно та робела, чтобы заговорить с ней.

— Доктор Бердетт? — сказала она наконец, трогая ее легонько за рукав.

Бобби Джин повернулась, приподняв бровь. Пока не узнала ее.

— Чирайз! О господи, дитя, сколько я тебя не видела? Десять, двенадцать лет?

— Четырнадцать.

Бобби Джин раскрыла от удивления рот.

— Так давно? Господи, как летит время, — она протянула руки Чирайз и улыбнулась, как гордая мать. — И посмотри на себя, сладкая, ты выросла такой же красавицей, как и была, если еще не лучше. А теперь расскажи мне, как поживает твой чудесный малыш?

Слезы наполнили ее глаза.

— Мой малыш — Ник Готье.

Ее лицо побледнело и Бобби Джин закрыла рот рукой.

— Прости, милая. Я должна была вспомнить имя. Но Ник Готье не такое уж редкое имя, и я думала, что твой малыш младше. Мне и в голову не приходило, что это один и тот же человек. Как тесен мир.

Меньяра подошла к Чирайз и позволила той, поплакать у нее на плече.

Бобби Джин взяла салфетку из коробки на стойке и протянула ее Чирайз.

— Ну все, больше не беспокойся, дитя. Я здесь и удостоверюсь, чтоб о маленьком Ники позаботятся, как можно лучше. Слышишь?

Шмыгнув, Чирайз кивнула.

— Большое спасибо. Вы всегда были к нам так добры.

Бобби Джин погладила ее по руке и по-доброму улыбнулась.

— Все нормально, милая. Мы не для того протащили твоего малыша через весь этот кошмар, чтобы потерять его сейчас. Это я тебе обещаю. Даже если мне придется схватиться с самим дьяволом, мы удержим твоего малыша здесь, живого и совершенно здорового, — Бобби Джин повернулась к доктору. — Можно мне, пожалуйста, увидеть Ника.

— Конечно.

Коди, встретившись взглядами с Калемом, нахмурилась еще сильнее. Что-то во всем этом беспокоило ее.

— Конечно, не может быть просто совпадением то, что мама Баббы спасла жизнь Нику, когда он был младенцем. Как ты считаешь?

Калев пожал плечами.

— Вселенная странная. Редко есть логика в событиях. Ну, то есть, объясни мне эту статистическую аномалию — среди двадцати человек в комнате, двое обязательно родились в один день. Но все же это постоянно происходит.

Да, но я не верю в случайности. Есть причина для всего.

Калев фыркнул.

— Потому что ты слепой оптимист, а я вижу вещи в реальном свете.

Естественно. Но ее нутро подсказывало иное.

Ты сказал это с уверенностью, но я не верю тебе.

— Почему?

— Я видела это по твоим действиям. Все что ты делаешь, полностью опровергает твои слова. Ты говорил, что не заботаешься ни о ком и ни о чем. Ты ни во что и ни в кого не веришь. Но все же ты ложился под гильотину вместо Ника, без видимой причины бесчисленное количество раз.

Он усмехнулся.

— У меня есть причина, и весьма неплохая. Если Ник умрет, когда я присматриваю за ним, то и я умру, и без обид, но Калев умирать не хочет. Особенно не из-за Ника Готье.

Ты не боишься смерти, Малфас. Все это знают.

Коди подпрыгнула, от неожиданно раздавшегося глубокого, рокочущего голоса Ашерона за ней. Она даже не знала, что он встал рядом.

Кроме того, что он был невероятно сексуальным, так еще и передвигался, как привидение. С его ростом, чуть выше двух метров, поджарый, с твердыми мускулами, у него не должно было получаться подкрадываться к людям, но все же он передвигался абсолютно тихо. Обычно он передвигался медленно и чувственно. Но во время битвы, он мог ударить быстрее и смертельнее, чем кобра.

Хотя ему было одиннадцать тысяч лет, но он выглядел, будто только вышел из подросткового возраста. Ему было двадцать один, когда он умер и стал Темным Охотником. И никто не знает, почему. Но он стал первым, кого создала Артемида, и сейчас он был их неофициальным лидером.

Всегда одетый в готическом стиле, сейчас на нем была пара черных джинсов, белая футболка с длинными рукавами, закатанными до локтей, поверх потрепанная футболка Six Pistols[17]. На носках его красных байкерских ботинок красовались черные черепа с скрещенными костями, а на каблуках белые летучие мыши. Его длинные фиолетовые волосы спускались до середины спины, а на больших красивых руках были перчатки без пальцев. Даже в помещении он носил темные очки, и поэтому нельзя было точно сказать, как он выглядел. Но по чертам его лица можно было сказать, что без них он еще более сногшибателен.

Но сильнее всего ощущалась его смертоносная аура. Она была такой сильной, что от нее по спине любого, стоящего рядом, пробегали мурашки. Не возникало сомнения, что он был человеком, закаленным в битвах, и других искусствах, подходящих для закрытого времяпровождения.

Калев без интереса уставился на тело Эша.

— Что ты знаешь обо мне, Ашерон? — он произнес его имя с сильным греческим акцентом, как «Ак –шер-рон», а не «Ашерон», как обращались к нему большинство не греков.

Ашерон поправил черный рюкзак на плече, на нем был белый символ анархии.

— Мы оба братья. Оба прокляты за наши действия. Оба... уникальны. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Калев закатил глаза.

— Не изображай из себя мудреца, Атлант. Я гораздо старше тебя.

— Я знаю. Но это не мешает мне разглядеть тебя. Хотя мне еще предстоит понять, зачем ты присматриваешь за Ником. Почему так печешься о нем?

— А ты зачем за ним присматриваешь, Атлант? — спросил Калев защищаясь. — У тебя что за интерес?

Ответ Ашерона был простым и честным.

— Мы друзья.

Калеб растерялся и повернулся к нему.

— Я тоже его друг.

Дьявольская усмешка появилась на лице Ашерона.

— У твоего вида не бывает друзей.

— Как и у твоего.

Ашерон уважительно склонил голову.

— Тише, — а затем Коди почувствовала, что скрывается за его тщательной проверкой. —

Но то же я могу сказать и про тебя. Понятия не имею, зачем ты охраняешь его.

Коди улыбнулась.

— А разве не ты сказал, что некоторые вещи должны быть неправильными, чтобы все пошло правильно?

— А еще я говорю, просто потому, что ты можешь, вовсе не значит, что ты должен.

Эти слова застали ее врасплох. Ашерон знал о ее последнем приказе, полученном относительно Ника? По ее спине пробежала дрожь от этой мысли.

Ни один человек или чудовище здесь не могли знать, зачем она здесь на самом деле. Ник к этому нормально не отнесется. Впрочем, как и ее высшее начальство.

И по этой причине, и она тоже.

Они замолчали, когда к их маленькой группе присоединился Дев Пелтье. Он открыл свою сумку, в которой была вода и другие напитки.

— Я решил, что нам захочется что-нибудь выпить. У Эйми есть кое-что для перекуса в ее сумке.

— Спасибо, — сказали все трое.

Ашерон удалился, чтобы переговорить с Кирианом.

Коди открыла воду и продолжила разговор с Калемом. Для нее было странно, что он был красивее Ника. Сейчас Ник был в странной фазе – мальчик становился мужчиной, и его тело не было достаточно пропорциональным, тогда как Калеб был отлично сложен, без сомнения используя свои демонические силы. На его темных волнистых волосах была модная стрижка, а тело было совершенным. Сейчас он сидел, уперев локти в колени. Завязки от его капюшона падали вниз, касаясь банки с кока колой. Белизна его худы создавала яркий контраст с его оливковой кожей..

Он был тем, кто мог заставить девочек-подростков и их матерей пищать и бороться за его внимание.

Может и у нее бы плясали бабочки в животе, не знай она, кто он на самом деле. Вместо этого, Ник, с его мальчишеским очарованием, и обещанием в будущем стать красавчиком, привлекал ее внимание, помимо ее воли, хотя она и понимала, что должна держаться от него подальше.

И это вернуло ее мысли к его раннему путешествию, которое им следовало обсудить.

— Ты не сказал, что узнал от Адариана.

Калеб фыркнул и поставил свою колу вниз на пол, а затем уставился на нее из под челки. Что-то в его позе напомнило ей дикую пантеру, следящую за жертвой.

— Он придет за Ником.

Эта новость встряхнула ее.

— Что? Почему?

Калеб выпрямился, затем откинулся на спинку стула, чтобы вытянуть длинные ноги

перед собой.

— Не совсем уверен. И он не признался в этом. Но я это точно почувствовал.

— Тогда это он стоит за атакой?

Калев покачал головой.

— Это был человек. Я могу учуять атаку демонов за мили, но у этой не было подобного запаха.

Может быть, но когда-то все ошибаются.

— Разве тебя никогда не удавалось обмануть?

Он дурашливо посмотрел на нее, а затем сложил руки за голову и уперся о стену.

— Нет, я не настолько туп, — этот термин он использовал для демонов низшего порядка. — Хотя технически, я демон среднего порядка, но я был самым сильным генералом Примус Беллум. С большим числом убийств, больше чем даже было у Иареда. И я не говорю что он был лучшим бойцом. Мы никогда не сражались друг против друга, но я могу потягаться с ним в любое время. И в любом месте.

Это новость шокировала ее. Хотя она и знала, что Калев был стар, но что настолько... Ух ты...

— Ты серьезно?

Внешне он никак не отреагировал на ее вопрос. Но его темные глаза поддразнивали ее.

— Прежде, чем судить меня, потому что я чувствую внутри тебя неприязнь ко мне, позволь объяснить политические связи в той войне. Лично я нес флаг Верлайна, и именно я повел его армии против Обсидиановой триады.

Эта новость шокировала ее еще больше.

— Тогда ты не зло, — это была констатация факта.

Он усмехнулся от ее комментария.

— Ты еще хуже людей, Коди. Ну же, ты знаешь, что не все мы служим темным силам.

— Ага, но сейчас-то ты служишь...

Боль промелькнула в его темных глазах, но она не была уверена, что это ей не привиделось.

— Мы все совершаем ошибки, Коди. Иногда я думаю, что единственный смысл наших жалких жизней — научиться, как жизнь с последствиями того, что мы совершили.

Его тон был жестким.

— Мне жаль, Калев.

— Чего?

— Того, что в твоих глазах появилась боль. Самые худшие раны, самые смертельные, не те, что видны людям снаружи. А те, что кровоточат изнутри.

Калев не ответил на это. Но когда он достал часы из кармана, чтобы посмотреть на время, ее посетило странное чувство. Она увидела его, в древней битве, в броне демона.

Она из всех сил попыталась уцепиться за изображение, но оно исчезло так же быстро, как и появилось. И это оставило для нее неразрешенные вопросы, но все же помогло кое-что определить о нем.

— Ты не просто демон. Ты демон-бог.

Калев напрягся, но затем расслабился.

— Я не знаю, о чем ты.

— Нет, ты знаешь, — сказала она, ее голос стал высоким от горького изумления. — Вот что имел в виду Ашерон, когда говорил, что вы похожие создания.

Калев нахмурился.

— Я не такой, как он. Мы слеплены из разного теста.

Может быть, но это напомнило ей о первоначальном вопросе.

— То что ты сказал об Адариане, не имеет смысла. Я думала, что он хочет защитить Ника.

— Так он мне сказал изначально.

— Так почему ты сейчас сомневаешься?

Калев пожал плечами.

— Очевидной причины нет. И все же... Он придет за ним. Скоро. Но не могу сказать, в какое время или день. Но я ощущаю это словно кастрюлю, в которой вот вот закипит вода.

Хотя она не была рада этой новости, но она и не очень ее беспокоила.

— Мы остановим его, — они обязаны.

— Не, Коди, — сказал он сухо. — Не остановим. У тебя или меня нет такой возможности, противостоять ему. Я это точно знаю. Единственный раз в моей военной карьере, я грохнулся на свой зад, и был жестоко сражен первым из Малачай. Тем, что обладал лишь третью от силы нынешнего Малачай. Когда придет Адариан, Ник умрет. Ни ты, ни я не сможем никак его остановить.

Она в это вовсе не верила.

— Ник не может умереть. Мы это не при каких условиях не можем допустить. Я знаю, что ты видишь, чем я занимаюсь. Следующий Малачай...

— Освободит Нойра из его дыры, и дождь насилия обрушится на нас. Но нас ждет кое-что и похуже.

В этот момент на ее теле словно открылась язва, хотя это было невозможно с ее видом.

«Я не хочу это слушать,» — но у нее не было времени.

Предупрежден, значит вооружен.

— Что?

— Адариану не обязательно убивать Ника. Он может впитать его силу.

От ужаса у нее пересохло в горле. Когда подобные создания впитывают силы других, они забирают их все и совмещают их с уже имеющимися.

Если подобное случится...

Малачай не убьет их. Нет. Это было бы слишком милосердно. Он станет вымещать на них свою ненасытную жестокость.

И единственный, кто мог успешно противостоять Адариану был в искусственной коме.

«Мне следует наколоть тату на лоб: «Оставь надежду всяк это причитавший[18], ибо мы скоро крупно облажаемся»».

Глава 8

Ник ничего не видел. Словно сама тьма засосала его. Она была такой густой и душной, что было тяжело дышать.

Последнее, что он помнил — как Коди держала его за ногу, разговаривая с врачом скорой помощи.

«Я умер?»

Интересно, а где католики Малачай проводят вечность? Об этом было страшно и грустно думать. И на этот вопрос он не хотел знать ответа.

«Ладно, если я не умер, следующему павиану, ударившему меня доской, я засуну его в весьма чувствительное место», — На самом деле, Ник превратит его в человеческую или демоническую кашу.

Когда в темном воздухе запахло чем-то тухлым, Ник сморщился и прижал руку к носу, пытаясь заглушить это. Фу, да что это? Пахнет хуже, чем подгоревший яичный порошок, а он ошибочно полагал, что уже ничего не может быть хуже. Ну ладно, ничего кроме того запаха, который был в мужском туалете, когда он совершил ошибку и зашел туда после Стоуна.

О да, тогда пахло еще хуже. Он не знал, что обычно едят оборотни, но не важно что это, но оно основательно подгнило внутри. Не удивительно, что у Стоуна был вечный ПМС.

— Привет!

Он подпрыгнул, когда на расстоянии вытянутой руки неожиданно прозвучал голос.

— Простите?

— Я сказал «привет». Знаешь такое слово? Ты говоришь по-английски?

Не зная, что ожидать от незнакомого голоса, Ник отошел подальше.

— Не уверен, что на это ответить. Но я говорю по-английски... чаще всего, и я понимаю тебя и слово «привет».

— А, — облегченно сказал неизвестный голос, а затем добавил. — Я же говорю по-английски, да?

Ник нахмурился.

— Хм...да. Точно уверен.

— Хорошо. Иногда тяжело сказать определенно. Языки приходят и уходят. Иногда я знаю их, иногда...

— Кто ты? — спросил Ник, перебивая. — Где мы? — На что ответить? — спросил голос раздраженно. — Кто или где? Можешь еще впихнуть сюда «что» для полного набора. Ах, я еще забыл «как» и «почему». Ну вроде все. По крайней мере я так думаю.

Голос остановился, а затем начал перечислять.

— Кто, что, где, как, когда, почему. Да, это все, — сказал он гордо, затем его тон стал капризным. — Хотя на их все вопросы я не знаю ответов. Как можно сказать, как ты сюда попал, если не знаешь где ты? Тяжеловато, да? То есть, если ты куда-то попадаешь, разве ты не должен знать как это случилось и по чьей вине, ты должен знать где это где, потому что сам здесь оказался. Верно?

Ник чувствовал, будто его в слепую вытащили в шоу «Кто на новенького». Кто бы этот парень не был, но искрометно шутить у него точно не получалось. Парень почти испортил свое выступление.

— Так и я не знаю, где ты, — продолжил он не переводя дыхание. — И меня сбивает с толку, что ты не знаешь, где ты. Зачем тебе идти туда не знаю куда? А люди еще обзывают меня. По крайней мере я знаю где я и с кем говорю, и я никогда не иду в место, которое не знаю. Я по крайней мере знаю, куда я пытался попасть. В этот раз... мы туда не пойдем. Но не потому что я не знаю, куда ведет дорога. Я знаю. Она ведет к плохим воспоминаниям, которые я не хочу воскрешать. Нечто вроде вонючих родственничков и гадких боссов. И о них я тоже не хочу вспоминать, могу, но лишь чтобы послать им кошмары. В этом случае, я в игре.

Ник не закрывал рот во время всей этой тирады. Ага... Это самый странный человек, которого он когда-либо встречал, и это с тем учетом, что капитаном его команды был оборотень, босс — бессмертный охотник на вампиров, у которого была махающая ножами в

духе ниндзя домработница, его наставником был Смерть, лучшим другом – демон, а девушка, кем-то сверхъестественным, а еще была Сими...

Точно, мальчик. Ник знал все возможные варианты странностей, и не только натыкался на них. Большинство дней он среди них существовал.

Но этот парень...

Он перебил все рекорды странностей.

Когда он наконец остановился, чтобы вдохнуть, Ник перебил его:

— Как насчет начать с первого вопроса, а потом ответить на остальные?

— А чего сразу не сказал? Да, некоторые люди очень странные. Меня зовут Асмодеус. И ты дома. Ты разве не знал?

Ник нахмурился.

— Приятель, это не мой дом. Во-первых, мой дом не такой темный, хотя мама экономит и отказывается жечь свет. Улица Бурбон не бывает такой темной.

Асмодеус издал раздраженный звук.

— Ты разве не видишь в темноте?

Он совсем слетел с катушек? Никто не может видеть в подобной тьме.

— Черт, Джим, я не летучая мышь. Я мальчик.

— Ладно... — протянул он. — Меня зовут не Джим. Я ведь сказал, я Асмодеус. И почему ты не видишь в темноте?

Он точно не фанат Стар Трека. И с чего он решил, что Ник может видеть в крошечной тьме?

— Не вижу.

— Хммм. Странно. Ладно, — он взял Ника за руку.

Ник отшатнулся.

— Приятель, не трогай меня.

— А почему?

Почему? Шутишь? Он должен объяснять опасному незнакомцу о личном пространстве? Где живет этот парень, если не понимает, что хватать другого парня за части тела без приглашения, было прямым билетом на мероприятие по надиранию задниц.

— Слушай, я тебя не знаю, и мы не встречаемся. Держи свои руки подальше.

Снова раздраженный звук.

— Как я могу повести тебя, если не могу дотронуться, а ты не видишь?

— А может ты меня просто никуда не поведешь? — Нику начала нравиться темнота. В отличие от Асмодеуса она была тихой и мирной. И от нее точно не будет головной боли.

— Но ты же сказал, что не видишь.

Ник был поражен тем, как работает голова этого парня.

— Но это не значит, что ты можешь трогать меня.

— Я запутался.

Оба запутались. Очевидно, в этом месте была иная манера общения, отличная от ему привычной.

И, неожиданно, кто-то схватил Ника сзади и потянул его.

— Что ты тут делаешь? — прорычал ему в ухо мужчина.

Гнев разгорячил кровь Ника и она побежала по венам раскаленной лавой. Только мать имела право говорить с ним подобным тоном.

И иногда Кириан.

И Меньяра с Розой время от времени. И он еще должен добавить Талона, хотя кельт вел себя получше остальных.

И, конечно, его учителей и директора. Он точно не может их не учесть...

Ладно, получается много людей. Но...

— Чувак, я тебя не знаю. Я чертовски уверен, что не обязан отвечать тебе.

— Чувак, — произнес тот передразнивая, пытаясь изобразить тон плохой девочки. — Я так хочу надрать твой надоедливый зад.

Ник замер, приняв гордую позу, что указывало, что тот готов к драке.

— Ну попробайся.

Движение мужчины в темноте было таким быстрым, что Ник не услышал и не почувствовал его, пока тот не схватил его за горло.

— Мудрый совет тебе, молокосос. Не задирайся, пока не узнаешь, с кем имеешь дело, и на что они способны. Тогда проживешь подольше, если запомнишь это. Поверь мне.

— Поверить тебе? — прохрипел Ник, из-за сдавленного горла. — Я даже не знаю, кто ты такой.

— Прими к сведению мою точку зрения, — он отпустил Ника и отступил.

Одно мгновение было темно, а в другое они уже стояли посреди комнаты, которая словно была из средневековья. Камин был таким большим, что Ник мог с легкостью зайти в него, и там еще поместилось бы трое. Напротив него на ковре из шкуры льва, которая, как тот был уверен, все еще хранила следы укусов и кровавые пятна, стояли два гигантских удобных кресла с крыльями. В правом углу был темный стол, на нем был узор из скелетов.

А мужчина...

Был не таким, как ожидал Ник. Он был похож на банкира или биржевого брокера, или кого-то... нормального. Он был одет в двухбортный костюм, рубашка была белой и накрахмаленной, с кроваво-красным галстуком, и вроде там блестел узор из настоящих черепов. Его темно-русые волосы были зачесаны назад с красивого лица. Но глаза его пугали. Холодные. Безжалостные. Подлые. Словно смотришь на смерть, и раз уж Смерть учил его, то он был обязан ее распознать. Холодные, зеленые, они, казалось, светились.

Асмодеус был более обычным. Колочие белые волосы обрамляли проказливое лицо. Его серые глаза отражали всю его озорную натуру. И он оглядывал комнату, словно никогда не был здесь раньше.

На его губах возникла сухая улыбка.

— Кто ты? — спросил Ник мужчину в костюме.

— Меня по-разному называют. Но те, кто хочет жить, обычно обращаются ко мне Торн[19]. И в уважительном тоне.

Не самое мягкое имя. Хотя, еще есть Темный охотник Веном (яд), а уж с ядом то ты точно тоже не захочешь связываться.

— Кто ты такой?

Торн сухо усмехнулся.

— Все просто... и в то же время сложно, и я не хочу это обсуждать с тобой. Скажем так, я углеводная живая форма. И я смертельно опасное существо, называющее тень своим домом. А ты, Малачай, находишься в том месте, где не должен быть.

— И где это?

— Азмодеа.

Ник от этой информации стало плохо. Какого черта он тут делает? Как сказал

Асмодеус, как кто-то может пойти куда-то, и не иметь ни малейшего понятия, как там оказался?

Асмодеус усмехнулся.

— К сожалению, это место назвали не в честь меня. Наоборот, я назван в его честь. И это весьма неприятно. Меня часто дразнили, когда я был маленьким демоном. Хотя и во взрослом возрасте немного изменилось. И когда дело доходит до особ женского пола, я очень хочу найти своего отца и отплатить ему за уродское имя, с которым я застрял.

Торн поднял руку, жестом приказывая замолчать.

— Демон, иди домой или заткнись. Если ты продолжишь бесить меня, твоя кровь окрасит мой пол. Понял?

Асмодеус кивнул.

Ник пытался во всем разобраться.

— Я не понимаю, как я сюда попал?

Торн снова положил руку на плечо Ника. Через мгновение его глаза засияли серебряным светом, затем красным, а затем остановились на коричневом.

— Ник, твое тело без сознания находится на больничной койке. Не знаю, как донести до тебя, что тебе не стоит этого делать. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

— Ты о чем? Я не могу спать? – это остой. Картинки из фильма «Кошмары на улице Вязов» плясали в его голове. И где же леденец, чтобы подсластить пилюлю, когда он так нужен?

Отпустив его, Торн засмеялся.

— Это было бы забавно. Малачай с галлюцинациями, вызванными сильным недосыпанием. Но нет. Сон – это иное. Когда ты дремлешь, ты все еще находишься в мире людей. Наполовину там, наполовину нет. Любая мелкая помеха разбудит тебя, и вернет в сознание. Однако, когда ты без сознания из-за препаратов, то ты принадлежишь человеческому миру, но полностью находишься в Нижнем Мире. Не имея привязки к человеческой реальности, твой дух или твоя сущность, автоматически перенесет тебя на службу твоему хозяину. И именно поэтому ты не можешь никогда пить алкоголь, или принимать наркотик, друг мой. В ту минуту, как ты потеряешь над собой контроль и отключишь разум, ты откроешь себя тем, кто может управлять тобой и навредить тебе.

— Тобой даже могут завладеть, — сказал Асмодеус с ноткой надежды в голосе.

Торн злобно посмотрел на него и тот сделал два шага назад.

— Ну, вот он бы смог, — пробормотал Асмодеус.

Ник непонимающе уставился на Торна.

— Не переживай, наркотики и алкоголь, пробуждения в собственной моче и блевоте, или то что я сойду с ума, не светят мне в будущем. Да я и не планирую это делать. И я все еще не знаю, кто ты.

Лицо Торна застыло.

— Забудь об Амброузе, я именно тот, кем ты не хочешь становиться. Если хочешь бесплатный совет, а я знаю, что все хотят, — сказал он саркастически, — Перестань заботиться о ком-либо, кроме себя. Если будешь это делать, проиграешь. Ты никогда не сможешь расслабиться, и у тебя будут уязвимые места, которые остановят тебя и поставят на колени.

Он наклонился вперед, так что их носы почти соприкасались.

— Всегда ставь себя на первое место, парень. Из всех моих сожалений, а их скопилось

много, уж поверь мне, об этом я сожалею больше всего. Самые глупые ошибки в твоей жизни случаются из-за твоего выбора, который ты делаешь, пытаешься защитить любимых.

— Ух ты, спасибо, Мистер Позитив, — сказал Ник с наигранным энтузиазмом. Этот совет был полностью противоположен совету матери, которая считала, что нельзя жить счастливо ни о ком не заботясь. Для нее это был смысл жизни. Завязывать отношения. Ставить кого-либо выше себя.

«Без этого, Ник, мы просто куски мяса, ожидающие освобождения от таинства жизни. Ты никогда не познаешь истинное счастье, пока не найдешь достаточно людей, ради защиты которых готов умереть».

Ник похлопал Торна по спине.

— Так рад, что появился ты со своим солнечным характером и мыслями, чтобы подбодрить меня, ведь я сегодня чувствую себя еще недостаточно дерьмово. Спасибо, Мистер Солнышко.

Торн закатил глаза.

— Не слушай меня. Отлично. Плевать. Я тоже не слушал, и видишь в какое чудесное, уютное местечко меня занесло, — он обвел рукой зловещую дыру, в которой они находились. — А насчет солнечного света...у нас его тут нет. И меня не перестает удивлять, так это объяснение кому-либо чего-либо в малейших деталях. Ты им говоришь, как нельзя делать, чтобы быть счастливым и успешным, а они все равно поступают по своему. Они не слушают. У них находится больше оправданий, чем у особо опасного преступника в тюрьме. Завораживает... Раздражает, но завораживает. Ты можешь подвести демона к воде, но не сможешь заставить его помыться.

Вздохнув, Торн оглядел комнату, затем вернулся к Нику.

— А сейчас мы должны вытащить тебя отсюда, пока кто-нибудь, кто не является другом ни тебе, ни мне, не увидел тебя. — Он со значением посмотрел на Асмодеуса. — И никто не собирается никому и не чему по ту сторону от этой магической стены, рассказывать, что ты был здесь. Нет, если не хотят увидеть уродливую сторону моего характера.

Асмодеус шумно сглотнул.

Ник был готов заговорить, как кто-то забарабанил в дверь. Громко. И судя по звуку, этот кто-то был большим.

И вероятно, уродливым.

— И посмотри, нам везет, и они уже здесь, — Торн похоже прорычал проклятие, но язык, который он использовал был незнаком Нику.

В долю секунды, Торн уже был в чешуйчатой броне, с шипами от плеч до локтей. Он посмотрел на Ника.

— У тебя ведь нет стоящих способностей, так?

— Как раз наоборот, собрат мой. Я умею раздражать взрослых лишь десятью словами, или меньше. Иногда мне даже говорить не нужно. Я просто захожу в комнату и это выводит их из себя.

— Вижу, — сказал Торн сухо.

Ник замер, когда и на нем появились доспехи.

— Что это?

— Если они пройдут мимо меня и Асмодеуса, который либо будет сражаться со мной, либо будет распотрошен у моих ног, то будем надеяться, что это не позволит утащить тебя туда, куда ты не хочешь идти.

Прежде чем Ник успел попросить его разъяснить, дверь распахнулась.

Торн выпустил шар огня в грудь высокого черного пятна. Асмодеус встал напротив Ника за Торном.

Асмодеус послал Нику усмешку через плечо.

— Будем надеяться, что они обойдутся только этим большим парнем, да?

— Где Адариан? — прошипело пятно.

С руками, полными огня, в буквальном смысле, Торн стоял наготове, но в чудовище его не выпустил.

— Ты упустил его.

— Я его чую, он тут.

Руки Торна засветились ярче.

— Ты его видишь? А теперь убирайся, пока я не решил ответить своей атакой на твою.

— Я чую его, — настаивал тот. Он нюхал воздух, как ищейка. Затем замер, и повернул свои темные глаза на Ника. — Это ты!

И когда понесся вперед, загорелся.

Завизжав, он упал на землю и стал темным пятном у ног Торна.

По лицу Торна и тому, как тот принял позу, воина, готового к смертельной схватке, было очевидно, что это не он вызвал спонтанное возгорание демона.

Из сожженных останков демона, выросла блестящая, прозрачная тень. Она становилась все больше и больше, сгущаясь, пока не сформировала тело человека. Мускулистый и сильный, он был обладателем каштановых дредов. Его дреды были покороче, чем у Врена, и более привлекательными, скорее всего потому, что в отличие от Врена, он не выглядел социопатом. У него были резкие, угловатые черты лица, большая их часть была скрыта за черными солнцезащитными очками. В своей черной одежде, он пугал даже больше, чем убитый демон.

Но самым странным было то, что появилось в голове Ника, когда он посмотрел на новичка. Он увидел его на черной лошади, в зеленовато-серебрянных доспехах, которые дрожали, как живое существо. Он радостно держал покрытый кровью флаг, и слал беды всем, где бы не проезжал.

Что за...

— Бейн, — поприветствовал Торн, лишь немного расслабившись. В этот момент, пламя в руках стало дрожащим язычком. — Чем обязаны подобной честью?

Бейн вытер свои ноги о тлеющие останки убитого им демона.

— Я учуял Стража Грани, и заинтересовался, что тот делает здесь, ведь это не его вотчина, — он повернул свою голову в сторону Ника и злобно улыбнулся. — Теперь, я все понял. Так это малыш Малачай, которого учит Грим. Интересно...

Ник посмотрел на Торна, пытаясь понять друг это или враг. Реакция Торна абсолютно ничего не разъяснила.

Пока пламя в его руках не исчезло полностью. Он провел рукой от Бейна к Нику.

— Ник, познакомься с Бейном[20].

Интересное имя.

— Бейн? — спросил Ник. — Что, тебя родители не любили?

Бейн издал дьявольский смешок.

— Не очень. Но все нормально. Поэтому не пришлось оплакивать, после того, как я их убил.

В словах не было угрозы, но все же...

С Бейном точно не хотелось бы встретиться поздно ночью. Особенно в одиночку.

И не вооруженным.

Хотя, Ник не хотел бы его встретить, даже будучи в костюме класса С-4 фирмы Кевлар[21], с гранатометов на плече. Не смотря на защищенное тело, Бейн все равно пугал.

Асмодеус расстворился перед ним, но лишь для того, чтобы появиться с боку от Ника и прошептать ему в ухо.

— Бейн хороший друг Грима.

Ник застыл, когда предыдущее ведение Бейна и последние факты совместились, и до него дошло то, чего он не хотел бы знать.

Нет. Это невозможно.

Или?

Ник прокашлялся.

— Так, на заметку, а ты не...

Язвительная ухмылка появилась на лице Бейна.

— Один из четырех всадников Апокалипсиса? Да, Ник, это я.

Ник застыл и едва мог осознать это. Странно, так ведь? Он мог вынести то, что его босс был генералом в древней Греции. Ашерон был чем-то одиннадцати тысяч лет, и все остальное паранормальное дерьмо, в котором он варился.

Но это...

Это казалось совершенно невозможным.

«После всего, через что ты прошел, ты еще собираешься сомневаться в этом?»

Ага, видел он этот эпизод Х-файлов слишком много раз, и хотя он хотел отрицать слова Бейна следующую тысячу лет, но не мог.

Хотя это и пугало, но было логичным.

Ник хмуро уставился на Бейна. Осмотрел его с кончиков его черных байкерских ботинок до кончиков дредов. Если не считать одежды «Снимите это немедленно»...

— Ты выглядишь таким...обычным. Мужик, мой священник будет разочарован, — Отец Джеффри ожидал Всадников в струящихся одеждах, как их изображали на картах Таро, которые Ник видел у прорицательниц собора на площади Джексон.

Бейн не удивился.

— Теперь я понимаю желание Грима вырвать у тебя сердце. А я то считал, что дело в Гриме. Неа. Ты реально бесишь.

Ник приподнял бровь.

— И это объясняет, что имел ввиду Грим, когда говорил, что когда он встречается со своими друзьями, это не очень хорошо заканчивается для человечества. Вы ребята...разрушительны.

Бейн спокойно это воспринял, и вернул любезность.

— То же можно сказать про тебя и твоих друзей.

Наверное.

Хотя, когда Марк и Бабба собирались вместе, это было похоже на ядерную войну. Ему не хотелось это признавать, но Мор, говорил разумные вещи.

Торн снова появился в своем строгом костюме.

— Итак, Бейн, что ты тут делаешь?

— По той же причине, по которой скоро остальные начнут стягиваться к тебе, и это

вовсе не из-за твоего гостеприимства. Малачай вернулся в Азмодеа. Люди заметят.

Торн, как и Ник не обрадовался новостям.

— Нам нужно скрыть его.

Бейн фыркнул.

— Удачи.

Торн скрестил руки на груди.

— Удачи не нам, Бейн. Мы все будем скрывать его.

Бейн отрицательно покачал головой.

— Это не моя обязанность.

— Сегодня да, приятель, — сказал Торн с сухой усмешкой. — Если ты только не устал дышать. Я знаю пару людей, которые были бы не прочь сменить тебя во вселенской пищевой цепочке.

Бейн страдающе вздохнул.

— Я тебя не понимаю. Зачем сражаться за червей?

Торн пожал плечами.

— Потому что некоторые верят, что правильные вещи стоит делать, даже когда и не следовало бы. А ты собираешься правильно поступить по отношению к Нику, потому что у меня есть твой номер, и я не побоюсь на него позвонить.

Глаза Бейна засветились злым ярко-зеленым цветом.

— Я ненавижу тебя, Торн.

— Взаимно, Бейн. Теперь обойди периметр и прикрой Малачай.

Ворча, Бейн отошел от все еще дымящихся останков демона.

— Будешь должен, Люциус.

— Мор, мор, мор...я уже расплатился с тобой. Ты выходишь из моей двери. И целиком, не по кусочкам. Сколько еще можно испытывать мое милосердие?

Похлопав его по плечу, Бейн ушел.

Торн стал серьезен в тот самый момент, как тот ушел, и повернулся к Нику.

— Ты хотел знать, кто я такой, Ник? Я создание вроде тебя. Существую лишь для одной цели — быть орудием зла.

Ага, ну да... Не новость. Торн не очень-то и скрывал этот факт. Он не пытался скрыть свою роль за дружелюбными объятиями.

— Разве ты не такой?

Торн рассмеялся.

— Вижу, почему ты так думаешь. Но нет. Я сам по себе. Никто не говорит мне, кто я такой и как должен себя вести. Кого убивать и когда. Или как. Я сам определяю себя. Ни у кого нет права по рождению указывать мою судьбу. И точнее не моим биологическим родителям. Я сам контролирую себя.

Странно, но эти слова успокоили Ника.

— Значит, я не обязан становиться Малачай?

— Нет. Я не это говорю. Ты уже Малачай. Как и человек частично. Ничто это не изменит. Но ты можешь не позволить своему праву по рождению контролировать тебя. Тяжело бороться со своей природой, как с пристрастием, но оно еще и генетически включено в твой ДНК. Желание причинить вред подстегивает тебя. Съедает заживо. Но ты не можешь позволить ему победить. Ты должен помнить, что злая часть служит тебе так же, как и хорошая. Есть время для мира и есть время для войны, а иногда они бывают

одновременно. И чаще всего оба ты должен контролировать.

— Можешь научить меня?

Торн покачал головой.

— Только ты живешь в своей шкуре, друг мой. И мой голос в своей голове ты точно не захочешь слушать. И на самом деле уничтожил все, что любил, иногда специально, иногда случайно. Поверь моим словам, что вторые шансы получаешь реже, чем встречаешь истинную любовь. Если нашел, не упusti, парень.

Эти слова зацепили его.

— Ты знаешь Амброуза?

Глаза Торна засветились таким же ярко-зеленым светом, как до того глаза Бейна.

— Ты слышал такой термин – Метавселенная?

— Ага, не смотря на то, что моя мама считает иначе, но я не только играю в видео игры и переписываюсь с друзьями. Я знаю об альтернативных вселенных.

Торн кивнул ему. В его глазах было уважение.

— Тогда ты знаешь, что одновременно, отражения чьей-то жизни находятся в постоянном движении. По одному в каждой вселенной. Бесконечное число Ников. И все же, мы проживаем эту жизнь.

Ага, но вот одно он никогда не мог понять...

— Откуда нам знать, что именно наша жизнь настоящая? Откуда знать, что я не должен жить в другой вселенной?

Торн низко рассмеялся.

— На самом деле, откуда? В этом весь вопрос. Кто может сказать, настоящая это жизнь или нет? И хотя у меня есть ответ, но он тебе не нужен. Достаточно сказать, что ты – это настоящая версия, и Амброуз это знает. Чтобы спасти тебя, Амброуз потревожил материал, который нам не позволено трогать. Он пробил брешь в этой реальности, и пытался добраться до финала, достигнутого другим Ником в параллельной вселенной, чтобы это произошло тут. Но проблема была в том...

— Нельзя достигнуть одинакового финала в двух разных измерениях.

— Точно. Каждый должен танцевать собственный танец. В квантовой механике это называют принципом неопределенности, в котором говорится, чем больше ты знаешь о позиции одного вещества, тем меньше ты контролируешь и управляешь движением другого. Когда Амброуз вернулся и начал играть со временем этой вселенной, то создал изгиб, или мост между плоскостями существований. Теперь в эту вселенную попадают вещи, которых здесь раньше не было. Вещи, которые он не может ни контролировать, ни предвидеть потенциальные проблемы, которые могут сбить вас с пути. Понимаешь, о чем я?

— Ага, пытаюсь помочь мне, Амброуз еще больше все испортил.

Торн издевательски отсалютовал ему.

— Неприятно, но правда. Теперь, никто не может предсказать, что случится с тобой. Чем обернется этот новый поворот. Но одно ты можешь знать наверняка, ты гранд при в кровавом состязании. Тот, кто передаст тебя Нойру, будет управлять этим миром и будет прекрасно вознагражден. Ник, мальчик мой, для всех сверхъестественных созданий этой вселенной, ты бесславен, и вокруг твоей головы затягивается петля. Черт, да тебе везет, что я не сдал тебя.

То, как Торн сказал это, заставило Ника задуматься, а не поменяет ли тот однажды свое мнение.

* * *

Коди встала, когда вошла Доктор Бердетт с лечащим врачом Ника, который хотел поговорить с его мамой.

Чирайз пошла к ним, ее глаза блестели от слез. Коди и Калев встали за ней и Меньярой. Другие стояли в стороне, предоставив Чирайз пространство.

— Он будет жить? — голос Чирайз дрожал.

Доктор Бердетт крепко обняла ее.

— Сладкая моя, разве я не говорила тебе, что мы не позволим твоему малышу умереть? Мы стабилизировали его состояние, и он отдыхает.

Голубые глаза Чирайз расширились.

— Звучит так, будто здесь притаилось «но».

Ответил доктор-мужчина.

— Да. Он в коме, и мы не уверены почему.

Нахмурившись, Чирайз потянулась за поддержкой к Меньяре, затем переключила внимание на доктора.

— Я не понимаю. Что это значит?

Доктор вздохнул.

— Нет никакой причины ему быть в коме. Его раны не были страшными. Не поймите меня неправильно, они плохие, но не смертельно опасные. А еще мы не можем объяснить сильную мозговую активность. Как будто на самом деле он не в коме... что он сильно встревожен, но мы не можем его разбудить... Никогда такого не видел.

Коди обменялась с Калевом встревоженными взглядами.

— Ты думаешь о том же, что и я? — прошептала она.

— Ага. Ник где-то, где ему быть не следует.

— Если это то, о чем я думаю, то я не могу пойти туда.

Калев низко прорычал.

— Ага, это сделает мой день еще более отстойным, но я кажется пойду туда.

Он подмигнул ей и направился к двери.

Доктор Бердетт крепко сжала Чирайз.

Не могу себе представить, что он не очнется через день или два, милая. С ним все будет хорошо, Чирайз. Вот увидишь.

Чирайз порывисто вздохнула.

— Я столько раз говорила ему не драться. Почему он не мог хотя бы раз послушать, что я говорю? Почему просто не отдать кошелек и...

— Он не дрался с атакующим, — прервала ее Коди, желая все равно защитить Ника.

Даже от его мамы.

Чирайз хмуро посмотрела на нее.

— Что?

— Перед тем как отключиться, он сказал одну вещь. Он хотел, чтобы я донесла до вас, что он сделал, о чем вы просили и не дрался, когда его атаквали.

— Она права, — согласился доктор. — По его ранам видно, что он оборонялся, и нет не единого знака того, что он дрался в ответ. По виду его ран, могу сказать, что он свернулся в клубок на земле, прикрывая голову руками все время, пока его избивали.

Чирайз зарыдала еще сильнее.

— Значит, из-за меня его так избили... — слезы бежали по ее щекам. — Господи, что я наделала?

Коди погладила ее по спине.

— Он просто хотел порадовать вас, Миссис Готье. Он бы съел разбитое стекло на завтрак, если бы вы попросили.

Но ненависть к себе самой и мука в ее голубых глазах говорили о том, что себя она простит не скоро.

— Можно мне его увидеть? — спросила она доктора.

— Конечно, — доктор Бердетт увела ее, а Коди закрыла глаза, пытаясь определить местоположение Калеба. Он полностью исчез из этой реальности.

Если он перенесся в Нижний Мир, чтобы найти Ника, для него это будет не весело. В отличие от нее, он знал ужасы этого места не понаслышке. То небольшое, что она знала, пришло от других.

«Ты слишком близко к Малачай, Никода. Ты теряешь свою объективность».

Она знала этот глубокий мужской голос в своей голове. Он принадлежал Сраошу. По званию, он был ее охранником, но на самом деле, он скорее был ее тюремщиком, докладывающем о каждом ее движении высшему начальству.

«Ничего я не потеряла».

Он заворчал, но больше говорить не стал. Он знал, что думали о ней он и остальные. Что она должна убить Ника и перейти на следующего Малачай.

Но ее брат поклялся, что для баланса одному из Севиримов была дана возможность восстать против своих и свергнуть их, и что Малачай может делать то же самое. Родится Малачай с равными частичками добра и зла в себе — каким был Иаред, и что это особое чудовище, сможет перейти на их сторону, против Нойра и его сестер.

Ник был единственным за все века, обладающим этим уникальным качеством. И другого не будет. Он их единственная надежда.

Если Калев и она смогут повернуть его на другую сторону, то смогут остановить Нойра. Без своего Малачай, его можно будет контролировать.

Навсегда.

Однако, Сраоша и другие тоже были правы. Если они не убьют Ника до того, как он полностью овладеет своими силами, из-за своей смешанной крови он будет единственным Малачай, способным уничтожит их. Он станет по-настоящему неуязвим.

И они умрут, или попадут в заключение.

«Мы не убийцы,» — напомнила она Сраоша в своей голове. «Особенно не детей».

«Он не дитя, Белам. Ты знаешь это. Он самое опасное создание. Сейчас он слаб, но каждый день становится сильнее. Смертоноснее. Кроме того, когда дело касается его, ты слабеешь».

«Я не слаба,» — она никогда не была слабой. — «Не путай милосердие со слабостью. Уверяю тебя, если для нас он будет потерян, я самолично перережу ему горло и доставлю его сердце тебе».

Иначе, он уничтожит все, что она любила.

Проблема в одном, он быстро становился наиболее любимым ей человеком.

«Ты исполнишь свой долг,» — Сраоша покинул ее.

Да, она исполнит свой долг и обещание братьям.

Даже если это убьет ее.

И особенно, если это означало убить Ника.

Глава 9

В виде ворона, Кaleb резко затормозил, когда нашел Ника в последнем месте на которое мог подумать.

В центре ада под защитой Торна. А если быть точным, в офисе Торна, обучающимся борьбе на мечях...

Яркое летнее солнце освещающее самый темный угол Тартара или снег в Новом Орлеане в Августе более вероятны, чем то, что он увидел с помощью своих сил внизу, в темном особняке. Торн ненавидел всех. Нет, не ненавидел. Это слишком мягко передает все то полное неуважение и презрение, которое он испытывал к каждому живущему существу. Его ненависть была столь сильна, что практически сочилась из его пор.

Несколько веков назад они были дружны. Настолько, насколько можно дружить с созданием вроде Торна, который доверял другим, чтобы сделать им гадость. Забавно, но именно это и свело их вместе – их общее презрение и недоверие ко всем во вселенной.

Как истинный нигилист, Торн не верил ни во что. И никто и ничто не верили ему.

Ну, не совсем правда. Кaleb верил в желание Торна убивать всех вокруг него, особенно, если он находил их раздражающими.

Это плохо. Вызывать симпатию у Торна, это как пытаться подружиться с голодным медведем. Он посмотрит на тебя и подумает — «обед».

Но все же он защищал и обучал Ника.

Кстати говоря о сумасшествии. Это противоречило всем известным Калебу законам природы. Никогда кобра не будет спать с мангутом. Это как фанаты футбольных команд Луизианы и Алабамы на пикнике вместе, и один тушит другого, если тот случайно загорелся.

Ага, как если бы бог войны Арес собирал цветочки с группой девочек-скаутов.

И все это было более вероятно, чем Торн, помогающий Нику.

И Кaleb отказывался верить, что тут не было никаких эгоистичных мотивов. Должна быть какая-то выгода для Торна, иначе он бы не стал это делать.

Но какая?

Сложив крылья, Кaleb нырнул вниз, чтобы влететь в открытое окно.

Пожалуйста, пусть Торн не будет законченным садистом, и там не будет стекла...

* * *

Впервые, Ник услышал говорящие голоса. Некоторые принадлежали духам умерших, отражением их жизней, заключенных в ловушку. Но большинство принадлежало живым... мысли во вселенных, никогда не оставляли чувствительных к ним, которые могли послушать их личные тайны. А оставшаяся часть была предупреждениями от живых существ, с которыми люди не умели общаться.

И все что нужно делать – слушать.

Это как ловить радио волну. Вначале лишь шумы, а затем над ними проясняются звуки. Чем осторожнее поворачиваешь, тем чище они становятся. И когда подберешь нужную

чистоту, услышишь любой нюанс.

Торн обхватил голову Ника своей массивной ладонью.

— Сейчас ты слышишь звуки жизни. Почувствуй свое в ней место и осознай, насколько она огромна. Как много созданий называют ее домом.

Он был прав, она огромна. Но...

— Столько людей испытывают боль, — это подавляло. Он знал, что люди страдают, но слышать это в живую...

Совокупность их боли заставило его открыть глаза. Хотя он чувствовал себя одиноким в своих страданиях, но понял, что он был одним из миллионов, что испытывали то же самое разочарование, что они были одни, и никто не понимал их ситуацию. Что они не могли контролировать то, что грызло их души, одну за одной, пока они не умирали от шока.

Торн сузил свои загадочные зеленые глаза.

— Все испытывают боль, Ник. Просто некоторые скрывают ее лучше других. Как когда-то красноречиво сказал Уильям Голдмен «Жизнь это боль, Ваше Высочество. Кто говорит иначе, точно пытается что-то продать».

Ник кивнул, когда наконец понял.

— Весь смысл жизни — научиться жить с последствиями неверно принятых решений.

Торн нахмурился, будто пытаясь прочесть его мысли.

— Откуда ты это узнал?

— Так часто говорит Кaleb.

Он нахмурился еще сильнее, пока не понял что-то.

— Ты говоришь о демоне, Малфасе?

И словно по совпадению, появился ворон, пролетев между ними, разделяя их.

Развернувшись лицом к ворону, Торн достал свой меч для боя.

С яркой вспышкой ворон стал Калемом в полном демоническом облики. Черные доспехи, которые он носил, казалось кровоточили из каждой трещинки. Красные ручейки текли по металлу и беззвучно падали на пол. У него были длинные рыжие волосы и желтые, как у змеи глаза. Словно этого было недостаточно, его кожа была красной, как то, что сочилось из его доспехов. Его черные, кожаные крылья были раскрыты, и дергались, словно в ожидании атаки Торна.

— Чувак, — сказал Ник сухо. — Нам нужно повидаться с пластическим хирургом, чтобы обсудить твой неудачный, данный при рождении дефект. И рыжие волосы... правда? Нам нужно поговорить с Лореаль. Лучше нейтральный черный. Понимаешь? Он не будет так плохо контрастировать с тоном твоей кожи.

Раздраженно обнажив клыки на Ника, Кaleb отошел в сторону, расчищая путь для Торна, он махнул руками в сторону Ника.

— Если хочешь убить его, Торн, то я не возражаю.

Торн засмеялся.

— Сколько дураков купилось на эту тактику?

— К сожалению, недостаточно. Он все еще жив. И вот я здесь... — Кaleb наклонил голову на бок, пристально изучая Торна. Его глаза сузились на мече, который Торну нужно было опустить.

— Мы деремся?

— Не знаю. А ты собираешься нападать?

— Если только ты нападешь на мальчика.

— Ну, тогда... — Торн убрал оружие, и покачал головой, глядя на Калеба. — Не могу поверить, что Адариан может тратить таланты хорошего даева на присмотр за младенцем.

«Даева» — так называли вид демонов Калеба. Хотя они классифицировались как демоны среднего уровня, но сила Калеба была увеличена, и он был гораздо выше этого. А еще у него были силы, которыми большинство даева не владели. Для этого была какая-то причина, но Калев не хотел делиться. Даже когда Ник умолял.

Калев подозрительно посмотрел на Ника.

— Нам нужно уводить тебя отсюда. Немедленно.

— Хорошо, — согласился Ник. — Потому что Татошка хочет домой, Дороти.

И он прищелкнул каблуками.

— Нет места лучше дома, нет места лучше дома.

Сморщившись, Калев посмотрел на небо.

— Если на меня упадет дом, то я на вас обоих обижусь.

Торн фыркнул.

— Для этого нужна хорошая ведьма. Удачи в ее поисках здесь, друг мой.

— Верно. Мы на задворках ада, в конце концов, и да, Торн, я отношу тебя к данной категории. Я провел с тобой слишком много времени, чтобы знать, насколько подлая у тебя натура.

Торн засмеялся.

— Если бы ты был женщиной, Малфас, за подхалимство ты бы не остался один на ночь.

Калев сложил крылья вокруг тела, так что они сформировали еще один слой доспехов.

— Я даже отвечать на это не собираюсь. Сейчас, когда твои мозги работают, у них есть идея, как забрать этого сопляка отсюда?

Ник задохнулся от этого необоснованного оскорбления. Сопляк?

— Простите, что?

— Хотел бы я простить, Ник, — выдохнул Калев.

Торн обдумывал ответ, прежде чем заговорить.

— Никаких... кроме того, что ему надо прийти в сознание.

Калев достал жезл, затем сделал шаг к Нику, который быстро отступил.

Торн вырвал жезл у него из руки.

— Я сказал, придти в сознание, Малфас, а не умереть.

— Да ты что, выродок демонов. Небольшой удар по голове... пожалуйста. Я заслужил. По какой еще причине я притащился сюда за ним.

Ник обиделся бы, если бы не знал, что Калев шутит. По меньшей мере он на это надеялся.

— Это же шутка, да?

Калев потрепал его по щеке.

— Ну конечно же, хулиганище. Зачем мне убивать тебя, старичок?

Когда причина возникла у него в голове, то по спине пробежал холодок.

Но это не шло по сравнению с той паникой, которая захлестнула его, когда через пару секунд в офисе Торна появился Бейн.

— У нас проблема, — он взволнованно переводил взгляд с Торна на Калеба.

— Какая? — спросил Торн.

— Нойр уловил запах нашего маленького приятеля, и готов объявить тебе войну, чтобы вернуть его. Он думает, ты нашел его и собираешься использовать силу Малачай против

него.

— Ну конечно же. Идиотский параноик, — Торн выставил руку вперед и осветил противоположную сторону комнаты. Картинки мелькали, пока они не остановились на одной из стен, окружавших крепость. По направлению к ним шли всевозможные существа. Ник мог распознать лишь немного демонов, остальных же...

— Это что, жуки?

Три головы повернулись, чтобы одарить взглядом, задающим вопрос о его интеллекте.

— Да, — сказал Бейн, его голос был наполнен сарказмом. — Самые опасные существа во вселенной атакуют нас с гигантскими жуками. Спасите, на меня нападают блохи. Быстренько, Малфас, принеси Raid.[22]

Ник закатил глаза.

— Ну так что это тогда такое?

Кaleb вздохнул.

— Ты знаешь, что у греков Подземный мир охранял трехглавый пес?

— Ага?

— Их Нойр и использует для охраны своего мира. По сути своей, они ищейки с экзоскелетом, так что определенного класса демоны не могут навредить им или сбежать, — он послал Нику дьявольскую усмешку. — Для галочки, парень, ты находишься в этом списке.

Ох. И жуко-собаки могли карабкаться по стенам, что они и доказали, приблизившись к территории Торна, и начав карабкаться вверх не колеблясь.

Кaleb посмотрел на Торна.

— Сколько огня ты можешь вызвать?

— Не достаточно, чтобы избавиться от всех. Это быстро лишит меня сил и оставит на милость Нойру.

Сердце Ника застучало сильнее.

— Мы трупы, да?

— Нет, Ник, — сказал Кaleb обманчиво спокойным голосом, — Нас ждет нечто похуже.

Глаза Ника расширились.

— Что хуже, чем смерть?

Улыбаясь, Бейн похлопал его по плечу.

— Везунчик, скоро узнаешь.

* * *

«Коди!»

Никогда буквально подпрыгнула в больничной палате Ника, когда Кaleb закричал у нее в голове.

«Что?» — спросила она, открывая свои мысли от него, чтобы остальные в комнате не решили, что она сошла с ума.

Хотя это почти случилось, но она не хотела попасть на этаж для сумасшедших.

«Буди Ника».

Она оглянулась на Меньяру и Чирайз, которые низким голосом беседовали с доктором Бердетт с другой стороны кровати Ника.

«Я тут не совсем одна».

«Ага, ну если ты его не выведешь из комы, его захватит Нойр».

Ужас захлестнул ее. Этого еще не хватало.

«Ты серьезно?»

«А похоже, что я шучу?»

Нет, в его голосе звучала паника. От этого ее кровь побежала по венам быстрее. Каллеб обычно не паникует. Не зависимо от угрозы, он всегда странно спокоен. Если он вышел из себя, это плохо.

Но как вывести Чирайз, Меньяру и маму Баббы из комнаты?

Если она вызовет огонь ...

Будет плохо. И вероятнее всего ее выведут из госпиталя.

«Давай же, Коди, думай ...»

Голос Калеба больше чем настаивал. Ник может умереть, Коди. Мы не можем их сдерживать ... Его голос оборвался ноткой боли.

Оглядевшись вокруг, она попыталась найти что-нибудь, чтобы отвлечь внимание женщин и разбудить Ника. Но больничная палата была пустой, как и положено. Черт!

Если она подойдет и начнет трясти его, пока к нему подключено все это оборудование, они решат, что она сошла с ума. С ее везеньем, они вызовут охрану.

«Мне нужно что-то делать. Быстро.»

Не имея иного выбора, она сосредоточилась на Чирайз и вложила ей в голову свои мысли.

Его мама покачала головой, затем нахмурилась.

— Знаете, — сказала она Меньяре и Бобби Джин. — Я неожиданно поняла, что голодна. Почему бы нам не перекусить внизу в кафетерии, пока он спит?

Обе женщины посмотрели на нее, как на сумасшедшую. Особенно, учитывая то, что она настаивала, что все время должна быть рядом с Ником.

— Уверена? — спросила Меньяра.

Чирайз кивнула.

— Мы не пойдем далеко. Мы прибежим, если что-то изменится, — Меньяра и доктор Бердетт обменялись хмурыми взглядами, ведь они пытались уговорить ее на это часами, а Чирайз отказывалась уходить, на случай если понадобится Нику.

Коди подтолкнула их.

— Я останусь с Ником и дам знать, если он проснется.

Чирайз улыбнулась.

— Спасибо, Коди.

Коди дождалась их ухода и рванула к кровати.

— Ник! — она нежно потрясла его. — Давай, малыш, просыпайся.

На это он не ответил.

Она потрясла его сильнее. И он по-прежнему не двигался.

«Каллеб?» — она попыталась связаться с ним снова.

Он тоже не ответил. Ее захлестнула паника. Что происходило?

Она опоздала? Нойр уже пленил их?

Нет, этого не могло случиться. Не смей думать об этом.

Ее сердце колотилось, и она продолжала попытки. Она была их единственной надеждой.

«Я не подведу вас ребята. Обещаю».

* * *

Ник быстро выучил, что в сверхъестественной пищевой цепочке, он деликатес. И каждый над ним в ней хотел откусить кусочек.

Бейн, Калев и Торн, все еще сдерживали нападавших, чтобы не дать им схватить его с разных сторон.

«Ах если бы я принес свой меч».

Он знал, что лучше не выпускать его из поля зрения. Это единственная из всех немногих вещей, выданных ему, которая никогда его не подводила. Меч всегда работал, как положено. Поражал врагов и оставлял их кровоточить.

Самым лучшим в нем были простота дизайна и надежность.

«Ой, погоди-ка ...»

Когда он ударял одного из демонов книгой по голове, возникла странная мысль. А он может призвать меч в эту реальность? Он был частью его ДНК. Вероятно, он был соединен с ним, и он месяцами работал над способностью призывать меч, когда нужно. Он должен появляться у него по команде.

Но у него ничего не работало, как положено, с чего мечу подчиняться ему? Кроме того, он находился в ином измерении.

Но все же стоило попытаться. Попытка не стоит ничего.

Вот если не попытаешься, провал гарантирован.

Закрыв глаза, Ник изо всех сил постарался представить меч в руке, как его узорная рукоять наполняет ладонь. Но когда он начал чувствовать тяжесть в руке, его ударили в грудь.

Ник отшатнулся, а нечто снова ударило его, и боль вспыхнула во всем теле. Он открыл глаза и увидел над собой демона-мортента. А вот это было грубо. И он уже устал разбираться с мортентами. Они воняли и были чрезвычайно неприятны.

Другой демон повалил Торна наземь. Калев обильно истекал кровью, а Бейна зажали в углу.

Мужчина или мышь...

Пора решить и лучше не проиграть.

Ник открыл себя эфиру и разрешил ему нашептывать, а сам призвал меч. Вокруг них вспыхнуло сияние. Половина демонов зашипела, отшатнувшись.

Вытянув руку вверх, Ник продолжал шептать, пытаясь прикрыть глаза, чтобы не ослепнуть от света.

Другая половина демонов возобновила схватку, чтобы достать его. Они приближались, и он ощущал их зловонное дыхание на коже, и вдруг гром зазвучал в его голове. В одну секунду они наседали ему на пятки, а в следующую он уже отшвырнул их ударной волной.

Ник начал смеяться, пока не понял, что не может все это остановить. Что хуже, оно становилось все быстрее и быстрее, пытаясь захватить контроль над ним. Он закричал, когда боль начала разрывать его вены. Казалось, он горел изнутри.

Калев что-то закричал ему, но тот не слышал.

«Я умираю».

И некому было это остановить.

Глава 10

Ник почувствовал, как жизненные силы покидают его. Затем, прежде чем тьма охватила его полностью, он почувствовал, что опять падает в ничто. Он отчаянно пытался зацепиться за что-нибудь, чтобы остановить это падение. Хоть за что-нибудь.

Но все же он падал.

Пока он не ударился об острый предмет, который проткнул его так глубоко, что удивительно как не пробил грудную клетку насквозь. Он ждал...

Он не знал чего. Сбитый с толку и больной, он лишь хотел проснуться дома, и чтобы все стало нормальным. Но было проще сказать, чем сделать.

«Что бы то ни было, я должен это увидеть».

Открыв глаза, он напрягся, не веря увиденному. Впервые, это было не похоже на фильм ужасов.

Вместо этого, он уставился на райской лицо, которое урко улыбалось ему.

— Коди?

Она сжала его руку.

— Я думала, что потеряла тебя.

— И я тоже, — он попытался двигаться, затем застонал от пронзившей его боли. — Ты была меня?

— Не я, кто-то другой.

Бристол.

Как он мог забыть? Этот червяк напрыгнул на него по дороге к Лизе.

Неожиданно, с другой стороны его кровати появился Калеб в человеческой форме. Слава богу, он выжил, раздраженный свет в его глазах говорил о том, что он хотел бы закончить то, что начал Бристол.

Затем он посмотрел на Коди.

— Ты еще бы попозже сделала.

Она указала на Ника.

— Поговори со своим другом. Это он не хотел просыпаться.

— Ага, — выдохнул Калеб, переводя злобный взгляд на Ника. — И что ты натворил?

Он нахмурился.

— Ты о чем?

— Ты отозвал себя из Нижнего Мира?

И что? Это не то, что ты легко забудешь без сильной шоковой терапии.

— Ну конечно это я, и я больше туда не хочу.

— Рад за нас обоих.

Коди переводила взгляд с одного на другого.

— Так что случилось?

Калеб мотнул головой в сторону Ника.

— Твой парень превратился в человека-факел и испепелил большое число демонов, прежде чем ты выдернула его оттуда.

Она, казалось, впечатлилась описанием.

— Факел? Правда?

Калеб кивнул.

— Так что же случилось, Готье? Что ты сделал?

Пожав плечами, он постарался вспомнить.

— То, что обычно случается, когда меня атакуют. Я пытался призвать свой меч, а затем что-то внутри меня захватило надо мной контроль. Следующее, что я помню – ты кричишь мне не использовать эти силы. Я убил кучу народу, а потом ты снова заорал на меня, потому что я тебя не слушал.

Калевб вовсе не впечатлился его объяснениями, в отличие от Коди.

— Тебе нужно, чтобы кто-то орал на тебя.

Ник фыркнул.

— На эту работу есть куча добровольцев. Правда, уже достаточно.

Калевб издал звук крайнего раздражения.

— Он проснулся?

Коди отступила, чтобы его мама смогла подбежать к кровати, и упасть на него.

Ник застонал, когда мама ткнула в одно из его поврежденных ребер.

— Ма, ты меня убьешь.

Она подняла голову и посмотрела на него.

— Хорошо, потому что я хочу убить тебя. Клянусь, Ник, когда-нибудь ты меня до могилы доведешь.

От ее слов боль полоснула по сердцу. Это было напоминанием, почему Амброуз этим занимается.

Чтобы спасти мать от того что он сделал, и что привело к ее смерти.

Чувство вины грызло его. Не от того, чем он ранил ее в прошлом, а от того будущего, что он собирался ей принести. Она итак уже много пережила из-за него. Он не хотел снова заставить ее плакать.

— Прости, мам.

— Нет, малыш. Это мне надо просить прощения. Когда я сказала тебе не драться, я не имела в виду, что ты не должен себя защищать. Я никогда об этом не говорила.

Ее слова запутали его еще больше.

— Но мам, во всех своих драках я защищал себя. Я никогда не наносил удар первым.

Она скорчила ему рожицу.

— Почему ты никогда не говорил об этом.

Он почувствовал злость, которая так и умоляла его выплеснуть ее в ответ на ее комментарий. Но он сдержался.

— Я постоянно пытался, и все что ты сделала – сказала: «Не мамкай мне, Ник», и затем отказывалась слушать что-либо еще.

Зашмыгав носом, она тяжело сглотнула.

— Прости меня за это, Страшилка. Я постараюсь и буду лучше. Обещаю. И ты можешь драться, когда хочешь, ладно? Просто не позволяй больше так себя изувечивать. Я уж лучше заплачу за тебя залог в тюрьму, чем отвезу тебя на кладбище.

— Лучше уж пусть тебя судят двенадцать, чем несут семь, -сказала доктор Бердетт, стоящая за ней. – Это всегда было моим девизом. И так я вырастила Майкла. Я сказала ему, что никогда не буду злиться на него за самозащиту, но если увижу, что он сбежал из страха, то его задняя точка станет розовой.

— Майкл? — спросила его мама.

Ник хохотнул.

— Бабба.

— Доктор Бердетт издала болезненный стон.

— Пожалуйста, не называй его так. Меня передергивает каждый раз, как слышу.

Его мама нахмурилась.

— Почему ты так это ненавидишь? Я знаю множество хороших Бабба.

Доктор Бердетт раздраженно зарычала.

— Везет тебе, Чирайз. Моя враждебность началась с первого дня школы. Бабба Кларк, да жарится его филе в самой жаркой яме преисподней. Я была такая юная в белом, сделанном моей маме платье, над которым она так работала. Я чувствовала себя сказочной принцессой. На мне была бледно-желтая шляпка, в той кожаной сумочке. Я думала, что выглядела что надо, очень мило и по-девчачьи. Следующее, что я помню — меня пихают, я падаю, царапаю сумочку и туфли, и грязь попадает на мое платье. Что хуже, эта маленькая крыса отказался извиняться. Изю всех своих детских силенок я бросилась на него. И пусть я была лишь маленькой девочкой, в сарафанчике с подъюбником, но у меня было трое старших братьев и сестра, которые научили меня, как справляться с мужчиной, что я тогда и сделала. Я повалила его на землю, рыдая как младенец, просящий молочка. Так и началось соперничество, которое продолжается по сей день. Бабба Кларк постоянно доводил меня до отчаяния, даже притворялся, что работает полицейским, когда я встречалась с отцом Майкла. Он светил в наши окна каждый раз, когда мы целовались, пока Брюс не выбил из него дурь. Так что я морщусь, каждый раз слышав это имя, и то, что Майкл использует его.... И я буду называть его Майки снова, чтобы посмотреть, как он меняется в лице. Уж это научит его.

Ник засмеялся, а потом застонал, потому что шов от ранения натянулся.

— Ты в порядке, милый? — спросила доктор Бердетт и положила руку ему на живот.

— Ага. Меня и похуже били.

— Ну да. Ты знаешь, кто это сделал?

Вместо того, чтобы ответить на вопрос, Ник с интересом уставился на потолок.

— Малыш, сказала его мама, убирая волосы с его лба. — Отвечай доктору Бердетт, чтобы мы смогли написать заявление в полицию.

Хотя он и не был в восторге от того, что сделал Бристол, но и не хотел, чтобы тот угодил в тюрьму. Если школьника запереть, обязательно случается беда. Кроме того, он мог сам разобраться. Если бы он не был так расстроен из-за выволочки мамы, то этого бы и не случилось. Он и Бристол поругались бы, возможно пару раз ударили друг друга. И в итоге, оба бы ушли домой. Ну уж нет, но он не хотел бы увидеть Бристола в тюрьме за это.

— Я не помню, — фу, он ненавидел врать, особенно маме.

— Ник...

Он сморщился от ее тона, в котором слышалось то, что она не верила ему.

— Я просто не могу, мама.

Она сузила глаза, затем вздохнула.

— Отлично. Я не могу решить эту проблему без тебя. Но, я думаю, ты совершаешь ошибку. Позволить кому-то остаться безнаказанным, чтобы тот смог причинять вред другим, пока его не остановят.

И вероятно, остановит его он.

Сжав его руку, мать отступила.

— Кстати, мне сказали, что на этаже ты самый популярный пациент.

— Почему?

— Снаружи толпа народу желает тебя увидеть. Все они волновались за тебя. Медсестра сказала, что они звонили день и ночь, спрашивая о тебе. И если ты думаешь, что тут... — она указала на пол заставленный цветами. — Много цветов, то ты еще ничего не видел. Они поставили некоторые из них в кабинет персонала.

Ух ты. Да тут куча цветов.

— Ты уверена, что они не решили, что я умер и не отсылают их в похоронное бюро?

Она нахмурилась.

— Какой ты плохой.

Ну да, ему не нравилось смотреть, как все эти цветы пропадают зря. Те, что стояли у стены, заполнили бы их квартиру.

— А если серьезно, проследи, пожалуйста, чтобы медсестры взяли те, что им нравятся.

— Я знала, что ты этого захочешь. У меня есть коллекция открыток, так что мы сможем их отослать в благодарность всем, — в этом была вся его мать, пускай в тяжелые времена ей приходилось жить какое-то время на улице, но она всегда была вежливой.

И всегда была леди.

Он понял, что она не преувеличивала о количестве людей, спрашивавших о нем, когда она начала впускать посетителей. Черт, впечатляло. Он и не знал, что так много людей заботилось о нем. Забавно, правда? Чаще всего он чувствовал себя изгоем, иногда даже в собственном доме. Но чаще всего в школе и среди людей. Глядя на толпу посетителей, он подумал, что возможно не так уж и одинок, как думал.

Даже Кил Пуатье и его отец пришли навестить его, как и Кейси Вудс и Амбер Кассиду, которые были лучшими друзьями Брайнны с детского сада. А еще пришла половина футбольной команды, которая не подчинялась Стоуну. Это его действительно шокировало. Особенно, после того, что они не навестили его в больнице, когда в него стреляли. Хотя, последний год он много с ними общался. Странно, как все меняется буквально за пару месяцев.

А когда все ушли, пришли Эйми, Дев, Алекс, Кари, Мама и Папа Медведи Пельте, и принесли корзинку с шоколадными чипсами. Ага, не хочется показаться грубым, но народ может забрать свои цветы. Шоколадные чипсы... Вот это дело!

— Объемся, пока не взорвусь, а затем похороните меня рядом с Фабрикой Чипсов Ахой.

— Дейв цыкнул на него.

— В следующий раз, когда решишь поиграть в пинг-понг, используй мяч, а не свою голову. Тощий, ты выглядишь кошмарно.

— Спасибо, Дев. Именно к такому виду я и стремился. Проснулся этим утром, посмотрел в зеркало и сказал себе: «Ник, ты чересчур привлекателен. Тебе нужно найти кого-нибудь, кто бы выбил из тебя дерьмо и покрыл тебя синяками. Так ты почувствуешь себя лучше».

Эйми засмеялась, затем шлепнула Дева рукой по животу.

— Господи боже, мы кажется нашли человека, который способен ответить на твою подколку. Так держать, Ник.

Он не знал почему, но что-то в Эйми притягивало его, и причина не только в том, что светловолосая официантка была невероятно красива. Он вообще о ней не думал в этом ключе. Она была скорее, как старшая сестра. Та, что могла быть откровенна с людьми. Он видел, как она распекала тех, кто был груб с ней или официантов в «Убежище». Но в то же время, она не раздражала, в ее присутствии было хорошо.

— У меня для тебя плохие новости, — сказал Папа Медведь серьезным тоном.

Он почувствовал страх. Стоя рядом с двухметровым, весом, наверное, в триста фунтов Папой Медведем, вовсе не хотелось его огорчать.

— Сэр? — спросил Ник, опасаясь ответа.

Папа Медведь цыкнул.

— Квинн отключил автомат Галага. Твой рекорд в девять тысяч очков стерт.

Ник скривил лицо.

— О, люди! Я никогда больше не наберу столько очков, — он застонал в агонии отчаянья.

— Папа, — поддразнил Дев. — Скажи ему правду.

Он улыбнулся Нику.

— Он заставил Квинна отключить его, потому что не мог побить тебя.

Папа Медведь озарился дьявольской улыбкой.

— Ну ладно, я это заслужил. Но это научит тебя, как не бросать достигнутое без защиты, так ведь?

Ник покачал головой, радуясь, что только это огорчило медведя.

Они немного поперикидывались с ним шутками, а затем ушли.

Когда они ушли, пришел Врен. Он колебался стоя в дверях. Видимо, это было как-то связано с животной частью внутри него. Словно он уважал территорию другого создания, и мог туда войти только если решит убить его. Хотя, насколько знал Ник, тот никого не убивал, но кто знает.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Врен.

— Выживу.

— Хорошо, — Врен вытащил банкноты, что дал ему Ник из кармана, и протянул ему.

Ник нахмурился.

— Что ты делаешь?

— Спасибо, Готье, но мне не нужны твои деньги.

— Приятель, — проворчал тот, — Ты помощник официанта.

— Да? — сказал он, словно не понимая, что говорит Ник.

Ник не хотел, чтобы тот почувствовал себя плохо из-за того, как зарабатывает на жизнь, но Врен, вероятно был ненамного старше его, и у него, казалось, совсем не было амбиций, чтобы заработать больше денег. И он предполагал, что Врену необходим, каждый заработанный цент, для того, чем он занимался, когда не работал, хотя это и было не часто, но все же...

— Я знаю, что Пелтье платят хорошо, но...

На лице Врена промелькнула боль, сменившаяся сухой усмешкой.

— Ник, я работаю в «Убежище» не из-за денег. Мне это не нужно.

— Что? У тебя секретная миссия? — рассмеялся Ник. — Или ты выиграл в лотерею?

Низко опустив голову, Врен бездумно тер большим пальцем щеку.

— Хм, Ник, моя фамилия Тигариан. Под нашим руководством компания по производству электроники Тигариан и еще дюжина иных корпораций. Я наследник всего этого.

Ник раскрыл рот от удивления. Если это правда, то Врен безумен.

— Зачем тебе работать помощником официанта, если у тебя есть все эти деньги.

— На деньги не купишь все.

— Значит ты не в те магазины заходил. Прости, но я беден почти всю свою жизнь, и

поэтому координально с тобой не согласен. Раз уж ты в этом варишься, то и деньги для тебя наверное ничего не значат. Для меня же это – привет, Версаче, Армани, и другие помпезные имена, произношение которых я должен проверять в словаре.

Врен фыркнул.

— Никогда не был беден, так что не буду спорить.

— Прости, я просто сейчас поражен. Я не могу представить себя работающим с таким наследством. Я просто этого не понимаю.

Врен безразлично пожал плечами.

Смог бы, если бы был на моем месте. Как говорит мой отец, каждому нравится человек, создавший сам себя. Но все они истово возражают против его дефектного, богатенького сынка... хотя сын никогда не был дефектным. Когда у тебя куча денег, то немного друзей. Есть лишь люди, которые хотят взять взаймы, или ищут способы отнять это у тебя, вместо того, чтобы работать самим. Особенно, если ты наследуешь деньги. Тогда они считают обоснованным плести интриги против тебя. Ведь ты же не заработал их, значит все принадлежит им.

Он никогда не думал с такой стороны. Но Врен был прав. Он был знаком с людьми, которые считали, что с ними обязаны делиться – ребенок в школе, который говорит другим ученикам, что те обязаны платить за его обед, потому что у их родителей больше денег. Ты богат, можешь позволить.

Его мама никогда так себя не вела. И она внушила ему то, во что верила сама.

Ты никогда не сможешь гордо поднять голову, пока протягиваешь руку за милостыней.

Врен снова протянул ему деньги.

— Так что, пожалуйста, возьми их. Хотя я очень ценю этот жест, но не могу их сохранить, ведь тебе нужнее.

Ник взял, и кивнул с уважением этому странному миллиардеру. Что же сделала с Вреном жизнь, если не смотря на все богатство, он предпочитает жить в комнате в доме Пелтье, убирая за людьми, таская обезьянку в кармане фартука, вместо того, чтобы путешествовать и наслаждаться деньгами?

И правда, нельзя посмотреть на человека и многое о нем сказать. Откуда тот пришел и что за демоны гнездятся в его душе.

Он помнил, что сказал ему Торн. Все испытывают боль. Не важно откуда они, или что ты о них думаешь. Горе не щадит никого, шрамы не уважают никого. А еще он думал об уроке Грима. Люди воздвигают защиту, пытаясь защитить себя от вреда, но единственное ключевое слово может снести ее, и оставить их кровоточить на полу.

Ник из личного опыта знал, что слова могут ранить сильнее оружия. Тело излечится и шрамы станут менее заметны, но урон душе вечен. Он отдаст эхом каждый раз, когда спадает твоя защита. Даже с деньгами, которые у него были сейчас, он все еще чувствовал себя нищим, молящим о подаении. Каждый раз, когда он приходил к Брайне или Кириану, то ждал, что те позвонят в полицию, чтобы вышвырнуть мусор на улицу, где ему и место.

И он не знал, оставит ли его когда-нибудь это чувство. Но он учился не терзать себя этим. Каждый день жизнь становилась лучше. Если бы кто-нибудь год назад сказал ему, что его жизнь станет такой всего за несколько месяцев... Что у мамы появится работа с людьми, точнее перевертышами, которые будут к ней относиться, как к леди, что он будет встречаться с одной из самых симпатичных девочек в школе, и что у него будет квартира на улице Бурбон, он бы рассмеялся им в лицо.

И все же такова теперь его жизнь. Все так и есть.

Врен застрял в дверях.

— Знаешь, Ник, ты хороший человек. Таких сейчас не много в этом мире. Так что сделай одолжение, не погибни где-нибудь. Стоит опасаться слишком многих придурков. Мы не можем позволить потерять еще одного воспитанного человека.

— Ты говоришь как Калекб.

— Наверно во всех нас есть маленькие демоны, — и с этими словами Врен ушел.

Следующими посетителями стали Брайнна, которая с последнего раза выглядела гораздо лучше. Ник в этот момент уже хотел спать.

Пока не пришли Бабба и Марк.

Осматривая комнату, Марк вздохнул.

— Фу, блин, Бабба. Посмотри на это место. Ты когда-нибудь в таком был?

— Неа, оно совершенно не защищено, — он протянул рюкзак Марку. — Начнем.

Ник нахмурился.

— Что вы задумали?

— Не обращай внимание, — Бабба придвинул стул доктора к окну, чтобы встать на него и начать рисовать на стене над ним символы святой водой.

— Эй, ты не забыл прихватить побольше соли? — спросил Марк.

— Конечно, что за защита против зомби и демонов без соли?

— Просто проверка. С приездом твоей мамы, и в это время года, твой разум не так остр как обычно.

— Ты мне-то не рассказывай. Я же тоже не дурак. Немножко ума все же есть. Хочешь взять чертополох и разобраться с дверью?

Может, у Баббы был ум, но его вменяемость вызывала сомнения.

Но, после всего, что они пережили за последний год, Ник не хотел сомневаться. Если их команда может удержать тех, кого он встретил в Нижнем Мире, то они могут замотать его в фольгу, побрить и называть Сью.

Марк открыл бутылку с чем-то, что пахло хуже, чем его обычная утиная моча.

Даже Бабба застонал.

— Марк, помойся, сынок. Ты протушил тут все.

— Ха, ха, ха, — передразнил Марк. — Это сера воняет.

— Ну да, конечно, — Бабба вырвал бутылку и понюхал. Тряся головой и гримасничая, он быстро закрыл ее крышку. — Фуу, приятель, — пробормотал он. — Блин, да это воняет как ты после трех дней на Comic Con[23]. Ты пытаешься эту вылить тут?

Ага, ведь они были так рады стоять на стуле доктора и разрисовывать святой водой стены. Они даже за это могут принять на работу.

После испытательного срока.

Ник заскулил, когда от смеха над нелепостью ситуации, у него разболелась покрытая синяками сторона. Они оба бесценны. Он не знал, что смешнее — то, что они говорили, или что делали.

К сожалению, когда Марк поджог чертополох, пришла медсестра. Она закричала и побежала за охраной.

Бабба и Марк начали складывать свои вещи. Ника всегда поражало, как быстро, не смотря на рост и мускулистое тело, двигается Бабба. Марк же был гибким и поджарым. Скорости ждешь от него.

— Мы тебя прикрыли, братец, — сказал Бабба. — Это должно отогнать почти все. А теперь нам нужно сматываться, пока нас не поймала охрана. Моя мама достаточно вспыльчивая, чтобы всю ночь продержать меня в кладовке, если меня поймают снова.

Ник рассмеялся на мысль о том, что кто-то размеров Баббы может бояться кого-то крошечного, как доктор Бердетт.

Пока не вспомнил, что был выше и крупнее свое мамы тоже. Но она до чертиков его пугала. Ну да, он не может дразнить Баббу за мамафобию. Как кто-то сказал, у руки, что качает колыбель и правит миром, обязана быть мама рожденная на Юге.

Осознав все, он кивнул им.

— Спасибо, ребята. Увидимся позже.

Они прокрались через дверь, как два шпиона, избегающие камер.

Ник улыбался, когда вернулась медсестра.

— Куда они ушли?

Когда не знаешь, что ответить, какова лучшая тактика?

Притвориться глупым.

— А вы о ком?

Она разозлилась.

— Не знаешь? Мужчины, что жгли здесь что-то. Где они?

— Я не видел никого, кто бы жег здесь что-то.

Она уставилась на него, и он мог поклясться, что увидел в ее взгляде обещание его пристрелить.

— Мы найдем их. С тобой или без тебя.

Он пожелал ей удачи. Они были более скользкими, чем склизкий аллигатор на охоте в болотах. Хотя, худшее, что с ней может случиться — она поймает их.

Это, как пытаться удержать кобру в коробке для ботинок. Не очень хорошая идея.

Ухмыляясь, Ник лег и закрыл глаза. Он перевел свои мысли на нечто получше двух чокнутых, убегающих от властей.

Никогда.

Вместо того, чтобы отправить ее с Калесом за едой, он мог оставить ее тут. Он не знал почему, но даже один ее вид успокаивал его. Не важно, что с ним случилось, она делала его жизнь лучше.

Иногда, он думал что влюблен в нее. Иногда...

Кто-то в этом уверен? Звонят колокола, слышен свист, или...

Что?

В реальной жизни должны быть пузырьки с мыслями над каждым, чтобы знать, что происходит в их головах. Самое грустное, что он не знал, кого спросить. Его мама никогда не любила. Кроме его и его отца, она не подпускала к себе мужчин.

«Я не приведу мужчину, пока у меня малыш в доме. Любого, кто ударит моего Страшилку, я прирежу».

Впервые за долгое время, он почувствовал себя виноватым из-за этого.

Но после того, что Коди рассказала ему, он знал настоящую причину, по которой она не встречается ни с кем. И это терзало его сердце. Меньяра бы на этот счет выдала свое стандартное:

— Во вселенной случаются вещи, которые не поддаются объяснению. Но поверь мне, когда они нападут, ты будешь знать.

Кириан не хотел говорить о своей жене. Никогда. Ашерон считал любовь невероятной глупостью.

«Знаешь, что такое любовь, Ник? Это способ, которым женщины контролируют отношения и тебя. В неверных руках все еще хуже — она становится самым болезненным оружием. Так что, когда отдашь свое сердце, убедись, что это равноценный обмен. Впустишь их, а затем вычеркнуть их из жизни подобно тому, как вспороть живот тупой ложкой».

Он не хотел знать, что вычерпало все силы из Ашерона, учитывая то, что он умер в двадцать один год. Нести с собой эту ненависть одиннадцать тысяч лет...

Да, кто-то сильно обидел Эша.

Судьба выбирала партнеров для Вер-охотников перевертышей, так что они не встречались, как обычные люди, так что у них нет выбора, или возможности сказать, кто будет их супругом или супругой.

Единственных людей, которые сознательно заключили брак, он не решался расспросить. Еще были разведенные, которые не очень то подходили, из-за очевидно неверного выбора партнера.

Но Коди...она вызывала в нем новые для него чувства. У него мог быть ужасный день, и лишь одна ее улыбка могла заставить его забыть обо всем.

— Тебе понравилось в Азмодеа?

При звуке знакомого голоса Ник скривил рот. Зачем Амброузу доставать его сейчас? Разве нельзя дать ему отдохнуть пять минут, прежде чем его сумасшедшее старшее я, придет выколачивать из него дурь?

Зевнув, Ник ответил не оборачиваясь.

— Ну это точно не Дисней Лэнд, если только Микки не продал душу Сатане. Хотя я и не был в Дисней Лэнде. Черт, да я даже не был в «Шести Флагах», а этот парк за мостом.

Сила Амброуза заставила волосы на его руках встать дыбом.

Аура Амброуза фактически сочилась смертельной опасностью.

— Не могу поверить, что ты выбрался оттуда целиком. Мне пришлось предать самое ценное, что у меня было другу, чтобы сбежать.

Ника посетило плохое предчувствие. Хотя голос точно принадлежал Амброузу, но история нет.

Нет...

Невозможно.

Открыв глаза, он увидел человека, который был пугающе похож на Амброуза всем, кроме того, что у него была короткая военная стрижка и тот был на два дюйма выше. Кроме того, он был покрыт тюремными наколками.

Это точно не Амброуз.

Это был его отец.

Твою ж мать!

Глава 11

Ник пытался позвать на помощь, но оказался полностью парализован. Он даже моргать не мог. Как только подумал о Калебе или Коди, его мозг пронзила резкая боль.

В него тыкали ледяной иглой?

Отец криво улыбался.

— О, силы, что ждали тебя... вещи, для которых ты был рожден.... Плохо, что ты не проживешь достаточно долго, чтобы их испытать.

Ник изо всех сил пытался освободиться.

Но не мог. Никогда еще он не испытывал ничего подобного. Это было ужасно. Забудьте о силах Дарта Вейдера, это было хуже и изнуряло больше.

Если я освобожусь, старик, ты будешь истекать кровью.

Ну да, нормально он с ним сражаться не сможет, но сделает все, что в его силах.

Сейчас же он не мог сделать ничего.

Глядя на сына холодным взглядом, Адариан навис над Ником. Приложил большой палец к внутреннему уголку его левого глаза. В своей голове Ник кричал от жуткой агонии. Но из горла не вырывалось ни звука.

Он единственный слышал это.

Отец полностью его парализовал.

— Вот и все, — прошептал Адариан и вдохнул с удовольствием. — Напой меня своей болью. Позволь мне купаться в ней.

— Что ты делаешь, чу!

Глаза Ника расширились: он никогда не слышал, чтобы мама оскорбляла кого-то на наречии каджунов. Она становилась совершенно неменяемой, когда дело касалось защиты своего чада, и использовала слова, которые шокировали его. Но он даже и не подозревал, что она знает об их значении.

Резкий голос зазвенел в стенах, когда она побежала к ним. Мама буквально налетела всем своим телом на Адариана, отшвыривая его от кровати. Учитывая тот факт, что ростом мать была чуть выше фута, вполтину меньше своего мужа, да и, вероятно, весила меньше, чем одно мускулистое бедро Адариана, то, что она смогла подвинуть его, впечатляло.

— Отойди от него! Понял? — прорычала мама сквозь стиснутые зубы.

— Я просто хотел его увидеть. Ведь он мой сын.

Она зажала Адариана в угол, как чихуахуа, лающая на добермана.

— Ты не должен находиться здесь, и ты это знаешь. Как ты тут оказался? Я знаю, что тебя не освободили досрочно. Не нашелся еще такой дурак, чтобы выпустить тебя снова.

Взгляд Адариана потеплел, и он воспринял ее ярость, не дрогнув.

— Я забыл, какая ты красивая, — он потянулся к ее щеке.

Мать отпихнула руку Адариана.

— Ты ко мне не прикоснешься снова. Никогда!

Ник пытался заговорить, но то, что сделал с ним Адариан, удерживало его в неподвижности.

Отец бросил на сына предупреждающий взгляд. Блеск в его глазах подсказал Нику, что тот слушал эфир, хотя сам Адариан оставался неподвижным.

Когда он снова посмотрел на мать, на его лице читалось недоверие.

— Это ты сдала меня копам после ограбления банка, да?

— Да, — произнесла она гордо сквозь сжатые зубы, выпрямившись во весь рост, но все же едва достигая груди Адариана. — Мне плевать, что ты сделал со мной. Плевать. Но когда ты ударил моего малыша... ну уж нет. Во мне словно включился Донки Конг. Никто не трогает моего мальчика. Ни ты, ни кто-то другой. И я забью тебя, как кабанчика на Рождество, если ты даже просто косо помотришь на него. Понял?

Адариан, как и Ник, казался ошеломленным атакой.

— Ты сдала меня, — недоверие прорезалось в его голосе.

— Да, — повторила она.

Боль в его глазах была осязаема. И говорила о многом — Адариан любил ее.

Отвратительно...

Нет, даже хуже. Любовь его отца была извращением... Потому что он Малачай. Они не рождались для положительных эмоций. Они рождались, чтобы ненавидеть и убивать. Это сказал ему Торн.

Единственная причина, по которой в Нике были задатки любви — это кровь его матери, и то, что она оставила его и воспитывала своего «малыша». Ник был единственным Малачаем, который показывал любовь и понимал ее. Его отец не знал, как жить с ней. И по этой причине Адариан, вероятно, ни к кому другому ее не испытывал.

— Как ты могла? — Адариан напоминал обиженного родителями ребенка.

Мать покачала головой, наблюдая его замешательство.

— Ты... — закрыв глаза, она махнула руками перед лицом, словно стирая с доски. — Конечно же, ты безумен. Я знаю это. Все это знают.

Прикусив губу, Адариан сдерживал огонек в холодном взгляде. Он был в шаге от того, чтобы ударить ее.

Ник еще сильнее начал бороться с параличом. Он должен был защитить свою крошечную мать от медведеподобного мужчины, который являлся ему отцом.

— Какие-то проблемы, Чирайз?

Единственной частью тела, над которой у Ника был контроль, остались глаза, и он перевел взгляд на дверь, у которой стоял Кириан в позе, говорящей, что он более чем хочет пролить кровь, если потребуется. Одетый в черное с головы до пят, он был почти одного размера с его отцом. И он был более чем в хорошей форме. Кириан стоял, скрестив руки на груди, солнцезащитные очки закрывали его глаза.

Адариан вмиг сократил расстояние между ними.

— Это тебя не касается.

Кириан не изменил позы крутого парня.

— Рука, которую ты занес над дамой, говорит об обратном.

Адариан рассмеялся.

— Ты не знаешь, с кем связался.

— Как и ты, — голос Кириана был мягок и неэмоционален, словно они разговаривали о погоде. Ника всегда удивляло, что Кириан мог так легко общаться, не выказывая гнева.

— Так что если хочешь потанцевать со мной, давай найдем комнату побольше.

Адариан вторгся в личное пространство Кириана так, что едва не целовал его. Но тот даже не моргнул и не отшатнулся, и это уже само по себе было для отца вызовом.

Адариан усмехнулся.

— Думаешь, справишься со мной?

Кириан весело ухмыльнулся.

— Ты — не самое страшное, что я видел. И ты уж точно не самый сильный.

Адариан засмеялся.

— А вот тут ты ошибаешься.

В ту минуту, когда Ник подумал, что Адариан будет атаковать, за спиной Кириана появился Ашерон.

Глаза Адариана расширились, когда он оценил семь футов роста Ашерона, четыре

дюдюма которого принадлежали высоте мощных, покрытых узором из пламени байкерских ботинок в готском стиле. Кроме этого, он излучал смертельную ауру, и любой, в ком была хоть капля паранормальной крови, мог понять, что он не тот, кем видится. Он как никто другой излучал силу.

В Мире Плохих Парней Ашерон точно был королем.

Адариан сделал шаг назад, словно обдумывая свою позицию. Через пару секунд он повернул голову и бросил через плечо.

— Тебя не удержать меня вдали от сына, Чирайз. Он — моя кровь.

Она покачала головой.

— Нет, он мой мальчик, — она подчеркнула слово «мой». — И я не стану делить его ни с кем, включая тебя. Я знаю, ты считаешь меня никем. Но я уже больше не дитя и не боюсь тебя.

Она указала на Ника.

— Именно он — единственная семья, которая у меня есть. И я люблю его каждой клеточкой. Еще раз притронешься к нему, и один из нас умрет. Это я тебе обещаю. Можешь отнести эти слова в банк.

Щека Адариана дернулась в нервном тике. И в его глазах было очень ясное обещание.

Он вернется.

С пугающим шипением вдохнув воздух сквозь сжатые зубы, Адариан резко прошел мимо Кириана и Ашерона.

Как только отец покинул помещение, ноги мамы ее подвели, и она осела на пол. Переместившись со сверхъестественной скоростью, Кириан прижал ее к себе.

И только тогда к Нику вернулась способность двигаться.

— Дышите, Чирайз, — сказал Кириан, подхватив ее на руки, чтобы перенести в кресло у окна.

Осторожно опустив ее туда, он отступил на два шага.

Она помахала трясущейся рукой перед своим бледным лицом.

— Не знаю, что на меня нашло. Он же мог убить меня. Удивлена, что он этого не сделал.

— Вы — мать, любящая и защищающая своего сына, — Ашерон криво усмехнулся. — Это делает Вас самым опасным созданием на планете. Я бы не поставил и пенни на тренированную команду, подготовленную для массовых убийств, против одной разозленной мамы, любого вида, защищающего свое дитя. Уж поверьте мне.

Засунув руки в карманы своей байкерской куртки, Ашерон остановился возле Ника.

— Что он хотел?

Ник вздохнул.

— Не знаю, правда, не знаю.

Мама подскочила с кресла и бросилась к нему.

— Он причинил тебе вред, малыш? Почему ты не позвал меня?

— Я не мог. Он вцепился в меня мертвой хваткой. Я не мог ни двинуться, ни сделать что-то вообще.

Его мама убрала челку с его глаз.

— Ну все, он ушел, мы с ним разобрались. Не хочу его больше видеть.

Кириан кивнул.

— Мы проследим, чтобы он держался подальше от вас.

Она повернулась и послала ему благодарную улыбку

— Не знаю, как и благодарить, мистер Хантер. Да хранит вас за вашу доброту господь.

Вы к нам так добры.

Ее искренняя благодарность заставила Кириана ощетиниться. Ник заметил, что, хотя Кириан и был принцем в Древней Греции, он все же не любил, когда его благодарили.

— Я верю, что людям надо помогать. Я знаю, что некому приглядывать за вами с Ником, и, раз уж вы оба уязвимы, нам всем надо защищать вас.

Его мама кивнула.

— Ненавижу признавать это, но вы правы. Не в моих привычках просить о помощи, — она переводила взгляд с Кириана на Ашерона. — А с вами двумя и Меньярой мне этого и делать-то не приходится.

На ее глаза навернулись слезы.

— Мама?

Смахнув их, она взяла Ника за руку.

— Я в порядке, малыш. Сегодня был очень эмоциональный день. Случилось многое, и меня подташнивает от этих американских горок. Но не волнуйся за меня, Страшилка. Со мной все нормально.

Да, у его мамы был стальной стержень, в отличие от многих его знакомых.

Ашерон кинул на кровать Ника рюкзак.

— Иди на работу, Кириан. Я первым подежурю у Ника.

Он кивнул Ашерону, а затем повернулся к маме.

— Если понадобится, позвоните.

— Хорошо, спасибо.

— В любое время, — Кириан пихнул Ника кулаком. — Береги себя, Каджун, и если не перестанешь попадать в больницы, я начну урезать тебе зарплату.

— Ага, а я начну царапать твою машину.

Кириан рассмеялся.

— Ты уже знаешь, что я ценю свои машины побольше твоей жизни?

— Вот уж не верю! — прокричал Ник ему вслед.

Но Кириан не ответил.

Мама похлопала его по руке.

— Знаешь, а это заставило меня задуматься, Страшилка. Тебе надо научиться водить. Если бы ты на машине поехал к Лизе, то с тобой ничего бы не случилось...

Его захлестнула радость.

— Ты научишь меня?

Она скривилась.

— Да, — сказала она самым грустным тоном.

Ашерон засмеялся.

— Хотите, я научу его?

Она скривилась еще сильнее.

— Все нормально, миссис Готье. Мне все равно, что мою машину помнут, и я очень терпеливый учитель. Особенно с сорвиголовами. Я долгие годы тренирую людей.

Черт, да это преуменьшение. Ник изо всех сил старался сдержать смех.

Мама с сомнением изучала Ашерона.

— Вы не выглядите достаточно взрослым, чтобы делать это «долгие годы».

Если бы его мама знала правду...

— Пожалуйста, мам, — взмолился Ник. — Без обид, но я думаю, уж лучше пусть это сделает Эш. Он не будет орать и наказывать меня, если я совершу ошибку.

Она открывала и закрывала рот, будто пытаюсь возразить, но она знала правду так же хорошо, как и он.

— Ладно. Но если бы у меня был Porsche, то я ни за что бы не пустила в него пятнадцатилетнего парня, и уж тем более, не позволила бы его вести.

Ашерон нахмурился.

— А он не будет учиться на моем Porsche. Он обычный. Думаю, лучше всего учить его на автоматической коробке передач. Позволить ему узнать машину и дорожные правила, прежде чем перевести на механику. Вот что Королю Синдрома дефицита внимания не нужно, так это отвлекаться.

— Эй! — запротестовал Ник. — Я не... эй, смотрите!

Он в шутку указал на стену.

— Ха, ха, — сказал Ашерон.

— Так чью машину вы используете для его тренировок? — спросила его мама.

— Одну из моих.

Его мама приподняла бровь.

— Других? Так сколько у вас машин?

— Хм... — Эш почесал пальцем лицо. — Много.

— Вы не знаете? — изумленно спросила она.

— Неа. Большинство из них на стоянке, и когда они мне нужны, я прошу их привезти.

Она подозрительно посмотрела на него, словно считая его торговцем наркотиками или вором.

— Так какая у вас работа?

— Пасти людей.

Ее глаза расширились.

— Вы продаете людей в сексуальное рабство?

— Нет! — Эш практически прорычал это слово.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Ник резко вдохнул. Это были те пусковые слова, о которых говорил Грим. Ух ты. Какая резкая реакция. Он никогда не видел, чтобы Эш из-за чего-нибудь так взрывался.

Его дыхание сбилось, Эш сжал зубы, и потом, кажется, справился с собой.

— Простите. Я к этому серьезно отношусь. Дети должны быть защищены, а не... — его ноздри трепетали. — Ладно, я тренирую и консультирую штат телохранителей.

Ник был впечатлен тем, как Эш представил Темных Охотников.

Штат телохранителей.

Отличное объяснение.

— А почему вы сказали «пасу»?

Эш пожал плечами.

— Мои люди много двигаются. Логистика иногда может подвести. На самом деле, только несколько из них приезжают сюда на Хэллоуин. И поэтому я не всегда здесь. Я много путешествую по разным городам и странам, там, где есть наш персонал.

У мамы отвисла челюсть.

— Впечатляюще, особенно для вашего возраста. Сколько же вам лет?

Ник приподнял бровь, желая услышать, как выкрутится Ашерон.

— Я гораздо старше, чем выгляжу, миссис Готье. Гораздо старше.

Ага, он выглядел очень молодо. Никто бы не поверил, что Эш — древний атлант, которому одиннадцать тысяч лет.

Она улыбнулась.

— Я понимаю. Тоже не люблю говорить о своем возрасте. Простите, что спрашиваю о личном. Но теперь я стала чувствовать уверенность от вашего присутствия здесь, ведь я знаю, чем вы занимаетесь. Вы когда-нибудь сталкивались с кем-то... особенным, вроде отца Ника?

Ашерон засмеялся. Громко.

— Ну да. Все время. Многие люди весьма несдержанны.

— Хорошо, — она отошла от кровати. — Если вы двое меня извините, я выйду позвонить Меньяре. Вернусь через пару минут.

— Сколько вам будет угодно, миссис Готье.

— Зовите меня Чирайз, — сказала она с улыбкой. — Думаю, мы все знаем, что я никогда не была замужем. Но я ценю жест. Спасибо.

— Не за что, Чирайз.

Когда она ушла, Ашерон сел в кресло.

— Так что случилось?

— С отцом?

— Нет, с ограблением.

Ник вздохнул.

— Не знаю. В моей школе происходит какое-то странное дерьмо.

— Пожалуйста, не говори, что это снова зомби.

Ник засмеялся.

— Нет, Мадугу запретили делать игры. Если его брат Эрик снова это заметит, он применит к призовому компьютеру Мадуга огромный магнит.

— Ох.

— Точно. Хотя этого Мадугу и не нужно. Он хорошо усвоил урок.

Ашерон кивнул.

— Представляю. Ладно, вернемся к школе. Что происходит?

— Кто-то создал сайт и публикует на нем сплетни о моих одноклассниках. В основном, выдуманные, но достаточно хорошо продуманные, чтобы выглядеть правдой. Теперь ученики готовы вцепиться друг другу в глотки.

— Хекрахта.

— Будь здоров.

Эш рассмеялся, сверкая перед Ником удлинёнными клыками.

— В Атлантиде Хекрахта была ребенком Пали, бога борьбы, и Диафонии, богини раздора. Их дедом был Мисос, бог войны и смерти Атлантиды. Перед началом войны боги Атлантиды освободят Хекрахту, чтобы подогреть эмоции и подготовить людей к нападениям друг на друга.

Наверное, у него самый крутой в мире акцент. С ним ничего не сравнится, и пусть Ашерон был мужчиной, но Ник мог представить, как он говорит на родном языке.

— Как говоришь? Эка... Энха... Энхарада... Энхилада?

— Ты должен дотронуться языком до неба, произнося «р». И получится хек — РАХ-та.

— Уж лучше остановлюсь, пока совсем не запутался. То есть, они выглядели, как люди? Или уродливые скользкие монстры? Или что?

— Они были невероятно красивы. По крайней мере, снаружи. Внутри же... Хекрахт переводится как «то, что взбалтывает экскременты».

Ник рассмеялся.

— Что? Серьезно?

Ашерон кивнул.

— Клянусь. В мои дни в Атланте мужчин уважали. Женщин боялись... по уважительным причинам. В аду не переносят фурий.

Ник был с этим согласен. Женщины умели затаить обиду, как никто другой. Сью Тиллин все еще злилась на него за то, что он уронил ее на площадке в детском саду.

— Скажу так: часто они пугают меня до чертиков. Коди может заткнуть меня одной лишь приподнятой бровью.

— Вот именно. Мужчины могут избить друг друга до полусмерти, но уйти друзьями. У женщин — стал врагом, им и останешься. Женщины годами сидят, как пауки, выжидая момента ударить. Они никогда не забывают и редко прощают.

Ник сморщился.

— Ты пугаешь меня, Эш.

— Прости. Просто помни это. Ни одна женщина еще не убивала мужчину, когда тот моет посуду.

Ник нахмурился.

— Что?

— Это еще одна поговорка атлантов. Если сделаешь женщину счастливой, менее вероятно, что она перережет тебе глотку.

— Господи, ты меня измотал. Так что делает эта создающая проблемы, мешающая экскременты богиня?

— То, что происходит в твоей школе. Кто-то приходит, рассказывает секреты и утверждает, что слышали их от кого-то другого, обычно друга. Стараются разрушить дружбу или семью. Ради этого они и жили. Они приходили к людям и шептали им секреты, играя на их страхах. Иногда очевидных, иногда скрытых, вроде как сказать: «Эй, Ник, я сегодня в обед видел Коди в торговом центре. Господи, она выглядела такой счастливой. И ее друг Том, с которым она была... вау. Могу сказать, он выглядел по полной. Дорогая одежда, ролекс. Он такой яркий и умный».

— И как это меня расстроит?

— Представь, что Коди сказала тебе, что не сможет увидеться на обеде, потому что должна заниматься.

— Ну да, это меня не обрадует.

Ашерон кивнул.

— И ты, вероятно с ней из-за этого поругаешься, особенно, если она этого не делала. Ты решишь, что она врал тебе, и считает, что ты ей не доверяешь.

Ник присвистнул. Он видел, к чему это все может привести.

— Это нечто вроде дьявольской шелковой речи.

На секунду Эш застыл.

— Откуда ты знаешь о шелковой речи?

Ник подключил свой великолепный каджунский акцент.

— Зависал с готами.

Это успокоило его.

— Шелковая речь — не только инструмент демонов и богов. Хотя он и силен в их руках, самым опасным становится в руках человека, не способного ощущать счастье. Или, еще хуже, того, кто радуется, вредя другим. Завистливые люди, спекулирующие сплетнями, или те, кому нужно для счастья ранить кого-нибудь.

— О, я таких людей знаю.

— К сожалению, Ник, все мы знаем.

Ага. И это грустно.

Пришла медсестра — осмотреть Ника.

— Те мужчины сбежали. Но я выясню, кто они такие. Что они вообще тут делали?

— Защищали меня.

— От чего? — спросила она, уперев руки в боки.

Ашерон вопросительно приподнял бровь.

Ник не хотел говорить ей или Эшу о своей демонической части, так что...

— От сбежавшего опасного преступника, который пытается меня убить, — вот так. Под этими неясными деталями была правда. Хекрахта, может и врала отлично, но Ник отлично умел создавать правду. Само по себе уже талант.

— Я предупрежу об этом охрану, — она проверила его капельницу, затем воткнула туда иглу шприца.

Ашерон склонил голову на бок.

— Что вы ему даете?

— Обычное успокоительное.

И оно уже работало. Черт, да оно сильное. Комната поплыла. Ник слышал, как Ашерон что-то говорит, но не мог понять что.

Чертовски странно. Даже появились галлюцинации. Вместо медсестры он увидел своего отца.

Нет, погодите...

Сработали его силы. Медсестра и была его отцом.

Ник пытался заговорить, но не мог. Он услышал писк аппаратов и отключился.

Глава 12

— Приди ко мне, дитя, и будешь вознагражден.

Ник слышал заботливый голос. Он принадлежал женщине, но не его матери. В душе потеплело, и он пытался отыскать невидимую женщину в окружающей его темноте.

— Найди ее, Ник, — это была Коди. — Думай обо мне, малыш, и иди на мой голос.

Ник колебался. Он не привык слепо следовать за каждым.

— Откуда мне знать, что это ты?

— Ты же знаешь меня, Ник.

Ага, только он еще был тупицей. Нужно нечто большее для его доверия.

— Если ты и правда Коди, скажи мне, где мы встретились.

— В школе.

Это был размытый и безопасный ответ.

— Где в школе?

— На уроке, дурачок.

Он издал звук, похожий на предупредительный зуммер.

— И в этом вопросе на миллион... ты абсолютно не права. Никакого тебе Ника, придурочная!

Теперь его проклинал грубый мужской голос. В уголке своего сознания, он гадал, а не Нойр ли это, но убедиться было никак. И не собирался спрашивать, потому что вовсе не хотел повысить силы темного бога.

— Ник?

Он подпрыгнул, когда голос «Коди» раздался прямо за ним.

Появился странный зеленоватый свет, чтобы он мог разглядеть ее. Только...

Его разум отказывался воспринимать то, как она была одета. Вокруг ее головы была заплетена коса из ее каштановых волос, но основная их часть падала на спину. На ней был кожаный топ с бахромой. На ее короткой кожаной юбке тоже была бахрома, и кожаные ленты, державшие ножны, вокруг ее рук и бедер. Вместе с еще одним мечом и ножнами, которые она прицепила к спине по диагонали.

Ее зеленые глаза были изумрудного цвета с густой подводкой.

Она улыбнулась и легонько ударила его по подбородку.

— Закрой рот, малыш, ты пускаешь слюни.

Наверное, да. Любой нормальный гетеросексуальный пятнадцатилетний парень так бы и поступил.

— Моя девочка секси! — а потом он вспомнил, что это возможно было притворством. — Ты ведь моя девочка?

Она протянула ему его меч и гримуар.

— Да.

Только настоящая Коди могла додуматься принести ему их, и знала где он их хранил. Благодарный, за то, что она знала его так хорошо, что захватила его оружие, он услышал, как что-то яростно и громко стучит в небе над ним.

— Где мы?

— Мы в Пограничном Мире.

Она так это сказала, будто он должен был знать о чем она. Но он понятия не имел.

— Не понимаю. Что за Пограничный Мир? Где этот Пограничный Мир?

— Считай его защитной мембраной, которая не дает мирам выйти за границы.

Ник закрыл рукой ухо, когда звук стал громче.

— И что это?

Прежде чем она смогла ответить началась атака. Они были чем-то вроде летучих обезьян скрещенных с драконами. Их тела были похожи на человеческие, а форма лиц драконьей, и их бежевая кожа была покрыта чешуей. Клыки, словно бивни торчали из их ртов.

Коди метнулась к нему за спину, чтобы встретить первого и достать того мечом. Остальные быстро кинулись к ним.

Достав свой меч, он положил его на ладонь и представил размером с шотландский клеймор. Он быстро стал размером, пригодным для битвы. Его сердце громко стучало, он стоял спиной к спине с Коди, и они боролись с чудовищами.

— Не дай им разделить нас, — предупредила Коди.

— Я им вообще ничего позволять не собираюсь, — у них было преимущество

совместной командной работы.

«Я не собираюсь сегодня становиться отбивной».

По крайней мере это он намеревался сделать. Но намереваться и мочь сделать...

Легче сказать, чем сделать. Ник пригнулся, когда один из драбезьян полетел к нему. Он поднялся и вонзил меч в середину его грудной клетки. Закричав, он развернулся и устремился к нему, выпустив огромные когти. В одну секунду он уже считал себя трупом, в следующую Коди потянула его назад и встала между ними.

Вместо него, тот получил ее. Она закричала от боли и злости, он подхватил ее с земли и устремился в темное небо, зажав ее в когтях.

В этот момент он впервые почувствовал такую сильную ярость. Его зрение затуманилось и в голову сами собой пришли слова. Когда он озвучил их, то они прозвучали как низкое рычание и были на языке, которому его никто не учил.

— Она моя. Амбросиус Малачай не даст никому прикоснуться к ней.

Слова катились как звуковая волна, сотрясая воздух и землю под ним. Он позволил словам наполнять эфир, пока он не слился с ним.

«Эфир в твоём распоряжении. Дыши, Амбросиус, дыши. Позволь ему наделить тебя силой. Это в твоей крови. Это твоё происхождение. Твоё Право».

Ник почувствовал, как это просачивается в него, густое и пьянящее. Что-то наполнило его рот. На вкус было похоже на кровь, но вместо того чтобы выплюнуть, он проглотил. Откинув голову назад он выпил все. И с каждым глотком он становился сильнее и сильнее....

«Смерть мой друг. Она идет справа от меня. Война слева. Я их командующий, и лишь мне они служат».

А Коди была выбрана им.

Никто не может что-либо отнять у него. За это надо платить жизнью. Склонив голову, он раскинул руки, раскрыл свои черные крылья, и помчался к ней. Один из крупных домашних зверюшек Нойра подлетел к нему. Он выстрелил в него огненной струей. С пронзительным криком тот развалился на части.

Ник игнорировал все, сокращая расстояние между ним и Коди.

Коди увидела тень, накрывшую создание, схватившее ее. Она посмотрела вверх, ожидая увидеть другого врага.

Но она обнаружила нечто похуже.

Ник превратился в Малачай, его кожа почернела, по ней вился красный узор до самых эбонитовых крыльев. Его глаза были красновато-желтыми, и все же, он оставался невероятно привлекательным.

В этот момент она поняла настоящую причину, по которой его следовало спасти.

Он был уникален. Кровь его отца и матери. Он создал самого себя.

Создание вскормленное ненавистью для любви.

Тот, кто боролся сам с собой, чтобы спасти его. Другой Малачай так бы не поступил.

Летя на невероятной скорости, он схватил монстра за голову и впился ему в шею. Тот отпустил ее. Коди летела вниз с темных небес.

Пока руки не схватили ее. Ее сердце стремительно билось, когда она встретила лицом к лицу с самой смертью, заглянула в яркие глаза создания, известного своей беспощадной жестокостью.

У Малачай нет сердца. Он мог чувствовать лишь ненависть. Он рос в ней. Он чувствовал

ее даже там, где не должен был. В молоке матери. Его единственным удовольствием было пить кровь врагов.

Впервые она боялась его.

Ник поставил ее на выступ над пещерой, в которой они до этого были. И когда он встал, его покрывали черные доспехи. Темные бронзовые шипы спускались с его плеч. На руках были опасные когти. С его левого плеча спускались на его тело три маятника. Один для прошлого, другой для настоящего и третий для будущего. До его бицепсов спускались эполеты, собираясь в одну точку. А в середине был кровавый камень. Камень, чье имя – глаз дракона. Он заряжал его и делал доспехи невидимыми.

Он даже доспехи призвал...

Ник был слишком молод, чтобы знать, как это делать. У Малачай обычно годы уходят, чтобы овладеть этим мастерством.

И когда на них нападали, Ник испепелял их огненной струей.

Когда было уничтожено последнее создание, Ник повернулся к ней. Она видела его красные глаза в тусклом свете. Его тело было прекрасно сформировано, он не выглядел на пятнадцать. Она увидела мужчину, которым тот скоро станет.

Нет, она видела Малачай. Глаза, которые менялись от красного к желтому, голубому и снова к красному. Пока наконец не остановились на человеческом голубом.

Ирония в том, что это было более странным, чем когда те были красными и желтыми.

Он стал похож на человека. Уязвимого.

Таким Малачай не был никогда.

Он устремился к ней с ненавистью в глазах, от которой та задрожала. Она приготовилась сражаться, но как только она подняла свой меч, он вылетел из ее рук. Он был выдернут невиданной ранее силой.

— Ник?

Он наклонил голову на бок, словно не понимал ее. Обнажив клыки, он схватил ее за горло, швырнув к скале. Коди схватила его за запястье, пытаясь заставить отпустить ее. Завизжав, она использовала все свои силы.

Но их было недостаточно.

«Помогите мне...»

Ник чуял запах крови женщины, которую держал. Она пахла сильнее, чем человеческая. Пьянящая, сладкая. Он хотел вонзить клыки и попробовать ее. Услышать, как она молит о пощаде.

«Мы не причиняем людям вред». – Этот голос был странно знакомым.

Как и женщина, которую он держал.

«Убей ее!»

Он сжал посильнее.

— Ник, — прокашляла она. — Ник...пожалуйста.

Ник. Он посмотрел на свою руку. На коже извивались красно-черные узоры. Нет. Это не его рука. Чужая рука...

Запутавшись он хмуро уставился на женщину, которую он, кажется, знал. Нахлынули воспоминания. Или это лишь сны?

Он не был уверен.

Пока она не потянулась к нему и нежно не дотронулась до его щеки. Это единственное, нежное прикосновение, мягкое, как прикосновение перышка, уничтожило в нем гнев и

ненависть.

Его веки внезапно отяжелели. Но когда он опустил их, то вспомнил ее прикосновение. Ее вкус.

— Коди, — он выдохнул ее имя, как молитву, хотя его демонический голос грохотал как гром над рекой. Он позволил ей убрать его руку с ее горла. Приготовившись к ее атаке, он снова почувствовал ненависть. Пока она не поцеловала его руку вокруг своего горла.

Коди знала, что ей следует двигаться медленно. В этом теле Ник был подобен рассерженному малышу, в теле самого опасного из всех рожденных созданий. И именно Малачай контролировал его.

Он задрожал, положив свою когтистую руку на ее щеку.

— Помнишь меня? — спросила она.

Кивнув, он прижал свою голову к ее. Не смотря на его демонический облик, Коди ответила на поцелуй. Она должна была ненавидеть его, и все же даже сейчас она видела настоящего его, и это не был монстр. Ее Ник мог любить, и более того, он владел ее сердцем.

Ник вдыхал ее запах, пока она целовала его, и чувства в нем перемешались. Он был созданием, сотканным из ненависти и жестокости.

Она была созданием света и заботы. В его крови было заложено уничтожение ей подобных.

Но вот он не хотел. Особенно, когда она обнимала его за плечи, и крепко прижимала к себе. А затем она начала тихонько напевать ему, ее дыхание щекотало его ухо. Нежную колыбельную, которую мама пела ему ребенком. Он позволил звуку ее голоса и нежности ее руки в его волосах, успокаивать себя. Они охватили его чем-то более теплым, чем его ненависть.

Он был полностью согласен оставаться здесь.

Пока острая, колющая боль не разорвала ему грудь.

Коди с ужасом вдохнув отстранилась от него. Как только она это сделала, то увидела, что его насквозь пробивает копье, вошедшее со спины.

Ник покачнулся. Боль была такая, какой он еще никогда не испытывал. Он упал на колени.

— Малыш? — ужас в ее зеленых глазах сказал ему, что она не причастна к атаке.

По какой-то причине это придало ему сил. Обернувшись, он увидел, кто ранил его.

Его отец.

Зарывав, он склонил голову, чтобы рассмотреть демоническим зрением того, кто его ранил.

Адариан приложил указательный палец к его лбу, как делал уже раньше. Но в этот раз Ник не почувствовал резкую боль.

— Прости, сын. Но мне нужно...

Отцу не получилось закончить предложение. Ник вырвал наконечник из груди и пронзил им Адариана.

— Никогда недооценивай каджуна из глуши в битве, — он отпихнул Адариана.

Вдохнув, Адариан закашлялся. Он посмотрел на раскрытую рану на теле Ника, затем на свою. Его собственная кровь заливала ему руки.

Ник облизнул губы, чужая ее запах. Когда один Малачай побеждает другого, то впитывает силы того. Но лишь силу, никаких слабостей. Если он смешает силу Адариана со своей...

Он рассмеялся. Никто не сможет командовать им. Ему не придется бояться Нойра или

кого-либо еще.

С этой мыслью в голове он сделал шаг вперед.

Адриан развернулся и исчез.

Ник побежал за ним. Но как только он расправил крылья, чтобы взлететь, он почувствовал нежную руку на своей.

— Отпусти его.

Но он по-прежнему не слушал.

Пока ее губы не коснулись его. Его кровь закипела и в нем зажегся новый огонь.

Коди улыбнулась ему, затем сморщилась, словно что-то причиняло ей боль. И только тогда он понял, что копьё отца прошло сквозь него в Коди.

Нет...

Только не она.

— Никогда?

Ее ноги ослабли.

Ник подхватил ее на руки. Его кровь заливала его доспехи и ее прекрасную кожу. Она побледнела. Затем подняла руку, чтобы дотронуться до его губ.

— Твоя кровь ядовита для таких, как я.

Его желудок сжался.

— Я приведу помощь.

— Не получится. Я не могу пойти к человеческому врачу, — она закрыла глаза.

— Останься со мной, — прорычал он яростно.

По ее щеке скатилась маленькая слезинка. От нее его сердце разорвалось на части. Она всегда была такой сильной, сильнее чем сама жизнь, он и забыл, какой крохотной она была. Он почти не ощущал ее вес в своих руках.

— Ты создание смерти, Ник. Ты не можешь приказать мне жить. Эти силы тебе не принадлежат.

Он почувствовал невыносимое горе, когда подумал о жизни без нее. Это дыра навсегда останется в нем. Она была холодной и болезненной...

Он не мог дышать.

И тогда он понял правду.

Он любил ее. Она та сила, что помогала ему переживать самые тяжелые дни. Звук ее голоса...прикосновение ее руки. Это он желал больше всего. А не ее крови.

Ее жизни.

«Я люблю ее,» — теперь он понял, что пытались сказать ему люди. Вот как ты ощущаешь любовь. Но это было не приятно. Это пронзило его еще сильнее, чем сделал его отец. Фу, отстойно понимать, что кто-то значит для тебя больше, чем ты сам. Понятно, почему Ашерон это так презирал.

Атлант был прав. Ты отдаешь часть себя другому. Часть, которую не восстановить. И она исчезает, прежде чем ты это успеваешь осознать.

И я не знал, когда и как отдал ей свое сердце. Но он не мог отрицать пустоту в своей душе от мысли потерять ее навсегда.

«Я должен ей помочь».

— Принеси ее мне, Малачай, и я спасу ее для тебя.

В это раз он знал, чей голос терзал его.

— Нойр?

— Да. Приди ко мне, Амбросиус. И я позабочусь о вас обоих.

Ник собрался подчиниться, но затем остановил себя. Он прошел школу улиц и не был глупцом. Я о вас обоих позабочусь» звучало для него как угроза.

Коди задыхалась, и он перевел свое внимание на нее, и секунду, ее жизни убегали вниз по его рукам.

Что же ему делать? Она умрет в любую минуту.

Ее жизнь или вечное рабство для него?

Ему вспомнились слова Коди. Иногда мы можем выбрать только меньшее зло. Но это лишь наш выбор.

Это рок или свобода выбора?

Он не знал. И если честно, сейчас ему было все равно. Нужно принять решение, верное или неверное.

Жизнь или смерть?

Свобода или рабство?

Глава 13

Коди проснулась в самой нежнейшей кровати, в которой когда-либо была. Паника захлестнула ее, когда она, когда она вспомнила, что случилось. Она пошла, чтобы защитить Ника и ее заколол его отец.

Последнее, что она помнила — Ника в ипостаси демона. Она защищала его от чувств к кому-либо. И все же, жестокий Амбросиус Малачай плакал, держа ее и умолял не умирать.

Нойр...

Он предложил Нику сделку за ее жизнь.

— О, Ник, — прошептала она. Скажи, что ты этого не сделал.

Оглядывая комнату, она нахмурилась. Она лежала на огромной старомодной кровати. Балдахин ручной работы почти достигал украшенного купола над ней. Нижний его уровень был в виде голубого неба с облаками. На верхней арке кто-то нарисовал нечто вроде древнего храма. Покрывало было темно-синего цвета, расшитое золотыми и пурпурными нитями.

Она села и немедленно об этом пожалела, так как ее захлестнула тошнота и боль. И только тогда она заметила, что на ней была белая фланелевая ночная рубашка. Теплая, уютная, подаренная кем-то, но...

Это начало выводить ее из себя. Кто снял с нее одежду? Что с ней произошло?

Где она? Она знала, что не умерла. Каким-то образом она вернулась в человеческую реальность. Но как?

Заглянув под одежду, она увидела на месте раны большой рваный шрам. Ладно, битва в Промежуточном Мире не была сном...

И теперь она начала злиться. Кто посмел притронуться к ней, пока она была без сознания?

Что случилось с Ником? И что самое важное, где Ник сейчас?

— Значит, ты вернулась к жизни.

Она подняла голову и увидела Калеба, стоящего в дверях. Его темные волосы были зачесаны назад, что только подчеркивало, как красив был этот мужчина.

Если б у него не было небольшой проблемы с заражением демоном....

— Я у тебя дома? – спросила она.

— Ни к чему этот обиженный тон. В нем убираются, знаешь?

— Прости, — она тяжело вздохнула. — Ты не представляешь, как странно просыпаться в незнакомом месте, и не знать, как туда попала.

Калеб рассмеялся.

— Конечно знаю. Частенько это со мной случается.

Она закатила глаза, намекая на его пугающий стиль жизни.

— Да, но я в этой кровати проснулась одна.

Он резко вдохнул.

— Обидно, Код.

Наверное, но...

— Ты расскажешь мне, как я сюда попала и кто раздел меня?

Он поднял руки защищаясь.

— Это твой мальчик, не я. Если хочешь залепить кому-нибудь пощечину, то я указываю на Ника. Это он принес тебя сюда.

Это все запутало еще больше.

— Он рассказал, что случилось?

— Только, что на вас напали, и тебя ранили. И что ему нужно безопасное место для тебя, пока ты не поправишься. Мы оба решили, что отнести тебя к нему будет большой ошибкой. Если он так сделает, мама запрет его дома до пенсии, кроме того, она захочет узнать, как тебя закололи, и почему вы оба не в больнице.

Правда. Во всех отношениях.

И ничто из этого не развеяло ее страхов. Она должна была быть мертва. Как он спас ее?

Ни одна из возможностей не радовала ее. Все они заканчивались вредом для Ника.

— Где он сейчас?

Калеб посмотрел на часы.

— Час назад был в «Убежище». Через пару минут должен пойти в школу с мамой на собрание учителей и родителей, — он опустил руку и сузил глаза. — Ты своими настойчивыми расспросами заставляешь меня нервничать. Что ты знаешь, чего не знаю я?

— Нойр предложил ему сделку. Нам нужно узнать, принял ли он ее.

Калеб побелел, как лист бумаги, а затем выругался.

— Когда я его увидел, он показался мне обычным Ником. Но теперь и я тоже волнуюсь. Этот парень находит еще больше неприятностей...

Она не могла с этим не согласиться. Как и Баббу с Марком, нельзя было оставлять Ника одного на пять минут, без того, чтобы он во что-нибудь не влез. Или что-нибудь не попыталось его съесть. В любом случае, прикрывать ему спину, было работой без перерывов.

Она выдохнула.

— Сколько я отсутствовала?

— Почти четыре дня.

Она сморщилась от этого. Четыре дня? Правда?

— Ты серьезно?

— А зачем мне об этом шутить?

— Не знаю, ты даева. Некоторые из вас весьма странные.

— Напомню тебе в следующий раз, когда тебе понадобится кто-нибудь, чтобы спасти твою жалкую задницу.

Она проигнорировала его угрозу. Он придет, когда она позовет. В этом случае он был весьма зависим.

— Так что я пропустила?

— Самое главное. Сегодня занятия отменили, и нет, — добавил он быстро, — Ради этого я ничего не поджигал. Все из-за дурацкого сайта, который мы все еще пытаемся вычислить. Хозяин заставил людей кидаться друг на друга, как животных. Вчера в классной комнате произошло восемь драк. Поэтому Хед организовал собрание факультетов, студентов и родителей, пытаясь сыграть на родительских страхах, чтобы вычислить виновных... и поэтому я очень рад, что я не гот или эмо.

Она не поняла это странное дополнение.

— Почему?

Она издал звук отвращения.

— Как ты думаешь, на кого они нацелились? Хед, считает, что это один из странных, депрессивных детей, потому что они изгой и отбросы.

Ну конечно он так считал.

— Он вообще о своих студентах ничего не знает, да?

— Неа. Даже если ты купишь ему одного, не думаю, что он разберется. Но учитывая его поведение, я бы хотел представить ему Ашерона, и наблюдать, как у него разорвется мозг.

Она издала короткий смешок. Это точно вышвырнет все его закоренелые стереотипы в окошко.

— Дай мне пару минут одеться. Потом нам надо найти Ника.

* * *

Ник раздраженно вздохнул, пока они сидели рядом с офисом и ждали, что секретарь сделает копию его личного дела для мамы. Он думал, что женщина пошла делать копию через Европу.

Ему только застрять здесь не хватало...

Но по крайней мере приедет Кириан, чтобы забрать его. После нападения на него, ни Кириан, ни его мама не позволяет ему даже за порог шагнуть после наступления темноты.

Ему не терпелось уйти, он встал и начал мерить шагами небольшой участок в середине комнаты ожидания. Ему хотелось накричать на секретаря за медлительность, но он знал, что его мама не будет к этому терпима.

«Каждый заслуживает твоего уважения, Ник. Особенно те, кто выполняют для тебя работу и облегчают твою жизнь. Да хранит их за это господь».

Да у нее напрочь отшибало чувство юмора, когда дело касалось нетерпения с работниками.

— Эй, да это же Ник! Ник!

Он обернулся и увидел в коридоре Джилл и ее брата, и еще двух взрослых, которые казались знакомыми. Они выглядели слишком старо, чтобы быть родителями Джилл и Джо, так что он предположил, что это их спонсоры.

Джилл побежала, чтобы обнять его.

Как неудобно. Зачем некоторые девчонки делают так? Ему не очень нравилось, когда к нему прикасались. Если только это не была Коди.

Это же...было навязчиво.

«Помогите».

Она сжала его руку и потащила к двери.

— Ник, познакомься с моими спонсорами, — она им улыбнулась. — Об этом Нике я вам рассказывала, с фамилией, как у вас.

— А, — мужчина протянул Нику руку. Он казался вежливым. Его седые волосы вероятно в молодости были каштановыми. Он был одет в свитер и брюки, и излучал ауру старого богатства из Гарден Дистрикт или Кеннер. Как и его акцент с произношением.

— Приятно встретить еще одного Готье. Я знаю, что Джилл о тебе большого мнения. Ник то, Ник это, все время.

Захихикав, Джилл стала красной, как и ее блузка.

— Большинство людей большого мнения о моем Ники...папа. Он хороший ребенок. Отличный ученик. Он здесь на полной стипендии. Был одним из лучших игроков в футбол, пока не заработал травму. И он уже работает, копит на колледж. Кроме того, он занимается благотворительностью. Каждое утро, он рано встает и идет в магазин кукол Лизы, чтобы убраться на ее дорожке и террасе, пока она не придет на работу, затем идет в школу. Он с нее за это даже денег не берет.

Ник не был уверен, что ошеломило его больше. Мама, хвастающаяся им, или то, что он стоял напротив своих дедушки и бабушки.

Не удивительно, что они показались знакомыми. Вероятно, он запомнил их, когда видел прошлый раз в торговом центре.

И теперь, он видел, как сильно его мать похожа на свою.

Встав со стула, его мама заняла позицию за ним.

— Ник, познакомься с дедушкой и бабушкой. Ты всегда о них спрашивал. Ну вот и они.

Челюсть Джилл отпала, глаза у Джо стали огромными.

— Вы же сказали, что у вас нет детей, Мистер Готье?

Его дедушка и бабушка выглядели так, словно проглотили мускусную дыню. Они точно не были рады, что Джилл упомянула это.

Мистер Готье посмотрел вниз на Ника.

— Я слышал, что он сжульничал, чтобы поступить сюда.

Его мать презрительно посмотрела на своего отца.

— Это завистники так говорят. Они заставили его пройти тест дважды, потому что были поражены его первым экзаменом. И оба раза он набрал одинаковое количество баллов в двух совершенно разных тестах. Сто процентов. Он решил все, включая бонусные задания. За сто тридцать лет работы этой школы, мой Ники первый, кто получил превосходную оценку. Его приглашают в самые лучшие школы Лиги Плюща[24].

Ух ты, его мама никогда ни чем не хвасталась. Она презирала это. Считала, что надо следить за своими мыслями и действиями, и пуще всего надо следить за своим языком. Она следовала этому, как следовала Золотому правилу нравственности[25], или как старалась быть «достойной матерью», и.т.п.

И Миссис Готье решила вести себя мерзко.

— Ты все еще работаешь в том курятнике, продаешь себя за деньги?

Его мама скривила губы.

— Я никогда не делала этого.

— А мне иначе говорили.

— Тогда тебе соврали, и нет, я не работаю там. Я менеджер дневной смены в ресторане.

Уже больше года.

— И ты ждешь, что я поверю в это? — ее отец посмотрел на Ника с усмешкой. — Не более чем в то, что ты сказала о нем. Господи, да посмотрите же на него. В скольких драках он побывал?

Его мать открыла рот, чтобы ответить, но прежде чем успела, в офис пришел Кириан, чтобы забрать его на работу. Одетый в черный костюм Армани, черную рубашку с черно-белым галстуком, он выглядел настоящим бизнесменом и принцем, которым когда-то был. Его светлые волосы были идеально причесаны, и если Ник не ошибся, то на ногах его были легкие туфли за две тысячи долларов.

И в кои-то веки на нем не было солнцезащитных очков в помещении.

Он вежливо остановился напротив них.

— Чирайз, моя крошка, я рано?

Она улыбнулась ему.

— Нет... Кириан, — ей точно пришлось заставить себя произнести его имя, ведь обычно она настойчиво назвала его Мистер Хантер. — Как раз вовремя.

Он улыбнулся в ответ.

— Ник, мне пришлось отдать Bentley и Aston Martin в мастерскую на замену масла. Боюсь, я на сегодня остался с двухместным Lamborghini. Но я не хочу, чтобы ты шел домой один после того ужасного ограбления, так что через несколько минут за тобой заедет Эш на своем Ягуаре. Ты не против?

Ник обалдел еще больше.

Кириан никогда не хвастался машинами. В этот момент, он был готов расцеловать босса за его чтение мыслей.

— Конечно, — Ник улыбнулся. — Он уже пообещал мне, что даст его поводить.

— Эй привет, Кириан, Чирайз... Ник, как ты сынок? — отец Мадуга доктор Сент Джеймс зашел в офис и заботливо положил руку на плечо Ника. — Мадуг рассказал мне, что произошло. Бедняга. И как раз по дороге к Мисс Лизе, которой ты хотел помочь закрыть магазин. Ее сердце разрывается.

— Да, сэр, чувствую себя ужасно из-за этого. Я ей говорю, что это не ее вина. Но она не слушает.

— Да, Лиза воспринимает это близко, — доктор Сент Джеймс подпрыгнул и полез в карман. — Работа, как всегда. Мне лучше ответить. Береги себя. Увидимся позже.

— Спокойной ночи, — ответил Ник.

Его дед нахмурился.

— Откуда ты знаешь сына доктора Сент Джеймса?

Ник пожал плечами.

— Стали друзьями, когда я занимался с ним, — вроде как правда. Но если он скажет им, что они стали близки благодаря игре, контролирующей разум и превращающей людей в зомби, которую Мадуг принес в школу, это может кончиться плохо.

— Занимался? С Мадугом? — спросил его дед недоверчиво, словно сомневался, что Ник может читать, не говоря уже о помощи кому-нибудь. — Но Мадуг же гений.

— В информатике и науках. Он провалил Английский и Социальные науки.

Ага, они точно не хотели иметь ничего общего ни с ним, ни с его мамой. Это было ясно написано на их лицах, и отражалось в глазах.

— Пошли, Джилл и Джо, нам пора.

Мама не произнесла ни слова, пока они не ушли, затем она повернулась и обняла Кириана.

— Большое вам спасибо за это, Мистер Хантер. Вы лучший.

Кириан убрал ее руки.

— Без проблем. Я живу, чтобы помогать.

И вы сегодня это и сделали. Больше спасибо, — она потрепала волосы Ника. — Аккуратнее, увидимся позже.

— Да, мадам.

Как только секретарь выдала ей бумаги, они вышли к месту напротив школы, где Кириан припарковал машину.

Ник притормозил, увидев припаркованную полицейскую машину и офицера, который показывал фотографию его одноклассникам. Полиция у школы всегда была плохим знаком.

Когда они подошли к Стоуну, он указал на Ника.

— Вон он!

Ник похолодел. Что за фигня происходит?

Полицейские направились прямо к нему. Самый высокий сузил глаза.

— Ты Николас Готье?

— Ага.

— Тогда мы за вами.

Ник нервно рассмеялся.

— Не думаю.

— Ну, а мы да.

— Нет, — сказала его мама резко. — Мой сын никуда не идет.

— Нет мадам, идет. У нас ордер на его арест.

— Ха, что? — спросил он одновременно с мамой.

— Изнасилование и ограбление.

Глава 14

Лицо его матери, когда коп схватил его и швырнул на капот полицейской машины на глазах всей школы, будет преследовать его всю жизнь. Ник сморщился, когда копы грубо обыскали его, а затем сковали руки за спиной. Когда его обезвредили, самый большой офицер схватил его за волосы и рванул от машины.

— Мама, я не делал этого. Не делал. Богом клянусь!

— Все они так говорят, — коп посмотрел на коллегу. — Разве не было бы отлично, если хотя бы раз они признались и облегчили нам работу?

В глазах его матери блеснули слезы. Он видел, что она хотела поверить ему, но все же сомнения там...

Как она вообще может думать, что он сделал что-то подобное? Даже на наносекунду предположить. Она была с ним пятнадцать лет. Как она может не знать его?

Он изо всех сил старался не смотреть на одноклассников или ухмыляющихся членов школьного совета, которые не сомневались в его виновности.

От одной мысли об этом ему было плохо.

Единственным, кто не считал его виновным был Кириан.

— Не волнуйся, Ник, я вытащу тебя оттуда, как только тебя зарегистрируют.

Зарегистрируют. Это слово ошеломило его так, что он примерно с минуту думал, что его стошнит.

— Удачи, — сказал офицер поменьше издевательским тоном. — После всего, что у нас есть на него, он никуда до тюрьмы не выберется.

Да что у них может на него быть? Он ничего не сделал. Он только вчера из больницы выписался.

И когда они сажали его на заднее сиденье, к его маме подбежал Калеб. Он нахмурился, когда она сказала ему, что случилось.

Калеб сморщился и пнул передний бампер полицейской машины.

— Эй! — рявкнул коп поменьше. — И что ты вытворяешь?

— Что? — ответил Калеб. — Я не могу потрогать твою машину?

И пнул снова.

— Парень, ты в тюрьму хочешь? — спросил офицер повыше.

— За что? — Калеб пнул переднее крыло. — У нас свободная страна.

— Нет, когда ты занимаешься вандализмом над государственной собственностью.

Калеб приподнял идеальную бровь.

— Государственной собственностью? Эту машину купили на мои налоги. Разве тогда она не моя собственность?

— Ну все, мелкий хулиган, — коп пошел к Калебу.

Калеб ухмыльнулся.

— Да ну? И что ты мне предъявишь?

— Вандализм.

Калеб закатил глаза, а затем закричал одноклассникам.

— Смотрите, как насилие захватило систему правосудия. На помощь! Меня притесняют!

— Тащи свой зад в машину! — прорычал коп, его Новоорлеанский акцент стал очень различим.

Они посадили Калеба с другой стороны.

Ник уставился на него раскрыв рот.

— Что ты делаешь?

Калеб предупреждающе посмотрел на копов, которые сообщали об аресте.

— Куда ты, туда и я, Готье. Ты ни за что не пойдешь в тюрьму без прикрытия. Ты скоро поймешь, почему Адариан живет в тюрьме.

Ник не был уверен, что думает по этому поводу, кроме того, что его отец был убийцей.

— Ты о чем?

Копы открыли двери и залезли внутрь.

«Есть некоторые вещи, которые не поддаются объяснению, ну вроде...тебя. Как то, ты повредился умом, когда делал то, чтобы спасти Коди, или как то, что фильтр на сушилке стиральной машины становится того же цвета, что и твой потерянный носок,» — он отвечал прямо в голове Ника. — «Малачай в тюрьме — это как раз одна из тех необъяснимых вещей».

Калеб переключил внимание на полицию.

— Так за что меня там задержали?

Они не ответили Калебу. Вместо этого большой коп раздраженно вздохнул.

— Больше всего ненавижу языкастых детей.

Калеб откинулся на сиденье.

— Так кто самый опасный, из всех вами арестованных?

— Ты что делаешь? — Ник раскрыл рот от удивления.

На лице Калеба появилась дьявольская ухмылка.

— Есть вещи, которые ты просто не можешь не сделать. Это одно из важных правил для меня, — вроде как злить драчунов.

«Тебя точно выдерут».

Калеб хмуро посмотрел на него.

— Выдерут?

Отшлепают так сильно, что ты забудешь все, что знал, ну и.т.д, разве ты не знаешь выде...выдерут.

Калеб закатил глаза.

Ник больше ничего не сказал, сидел и пытался понять, почему они решили, что он изнасиловал кого-то, хотя он считал это самым отвратительным преступлением. Кто обвинил его?

И почему?

Когда они подъехали к тюрьме, их грубо вытащили из машины, и потащили в здание.

Как только они вошли в дверь, Ник увидел знакомое лицо, но он не был уверен, что с этим делать.

Вирджил Вард, адвокат в суде. И в случае Вирджила, если назвать его адвокатом-кровососом, то это выражение приобретало совершенно иное значение, ведь тот был вампиром. Его темные волосы были короткими и немного растрепанными. Они были убраны с лица, и он выглядел ненамного старше Ника или Калеба, ... ну или хотя бы Ника. Но остальным Вирджил казался гораздо старше. Остальные видели Вирджила тридцатилетним. Он был одет в костюм в полоску, сшитый на заказ, пару туфель Феррагамо, темно-фиолетовую рубашку, и галстук с темно-серым, фиолетовым и черными цветами, с миниатюрными черепами кроликов и скрещенными костями.

— Джентльмены, — сказал он, кивнув офицерам, сопровождавшим их. — Это мои клиенты. Надеюсь, вы о них позаботитесь.

Большой офицер раздраженно заворчал.

— Следовало догадаться... думаю, ты хочешь, чтобы я поместил их в особо охраняемую секцию.

— Это было бы предусмотрительно.

Теперь заворчал другой офицер.

— Они же не начнут пожирать друг друга или нас?

Вирджил рассмеялся.

— Но они же не зомби. Но у одного из них особая диета, если вам так интересно.

Большой офицер заворчал.

Вирджил подмигнул Нику, затем передал ему мысли.

«Не волнуйся, парень. Знаю, что ты здесь первый раз. Но мы уже привыкли работать с нашими особыми заключенными».

«Особыми? Я у мамы не дурачок».

«Повезло. Потому что я точно иногда таким бываю».

Не очень —то успокаивали такие слова из уст твоего адвоката.

Они прошли мимо опасных на вид членов уличных банд, один из самых больших дернулся в его сторону с рычанием, словно собирался напасть на него. В этот момент Ника

пронзил электрический заряд. Из тех, что приводят все чувства в полную готовность, и сердце начинает стучать в веселом предвкушении. Неожиданно Ник стал видеть и слышать с шокирующей четкостью. И вместо того, чтобы защититься, он рванул к члену банды, желая почувствовать его кровь.

Глаза мужчины расширились и он отступил.

Ник против своей воли пытался вырваться из хватки полицейского, чтобы вернуться к нему.

Калев одернул его.

— Смотри на меня, Ник.

Несколько мгновений он не мог понять, что сказал Калев.

— Ник! – закричал он.

И это, наконец, пробилось сквозь его затуманенное сознание.

— Ч-ч-что?

— Помнишь, что я сказал о твоём отце?

Ага... Ник это тоже чувствовал. Находиться вокруг людей, охваченных ненавистью, гневом и жестокостью, это как быть заводной игрушкой с пружиной на взводе. Он был полностью заряжен энергией, и чувствовал себя как никогда живым. Это была жирная пища.

Он посмотрел на Калеба.

— Ты чувствуешь то же... — он не знал, как назвать это.

— Мурашки. Не так, как ты. Эти маленькие приятели для таких, как ты.

И он был прав. Он отлично понял, почему его отец оставался в тюрьме. Это было как дышать свежим ветром и принимать солнечные ванны. Плохая аналогия, потому что только идиот станет дышать запахом пота, мочи и рвотных масс, которые пропитали здание, но лучше примера он придумать не мог.

Копы затормозили в комнате, специально зарезервированной для клиентов Вирджилла. Их грубо обыскали, сделали отпечатки пальцев и сфотографировали. Если честно, Нику хотелось расплакаться от воспоминаний о том старом аресте, когда он был еще ребенком. Хотя тогда они привезли его в участок на машине, но не зарегистрировали его. Это было так унижительно. Он посмотрел на Калеба и почувствовал вину. Единственной причиной по которой тот был здесь, это он.

Да хранит господь Калеба за его преданность.

Ник сморщился, когда посмотрел вниз на светло-оранжевый костюм, который они заставили его одеть. Черт, да они даже его шнурки конфисковали.

— Прости, Кал. Я не хотел тебя сюда втягивать.

Он пожал плечами.

— Поверь мне, это не самая плохая и унижительная вещь, через которую мне пришлось пройти. И раз уж мы здесь, то молись, чтобы это было самым худшим, случившимся с тобой.

Мысль понятна. И все же это причиняло боль. Конечно он не всегда был прекрасным человеком и делал некоторые нехорошие вещи, но он никогда и не думал, что его арестуют по-настоящему, с обвинениями в тяжком преступлении, с угрозой заключения, если его посчитают виновным. Это обычно случалось с такими, как его отец, или с отребьем, с которым он водился.

А теперь это произошло и с ним.

Их проводили в камеру. К счастью, та была пустой. Копы завели их внутрь, затем заставили их просунуть руки за решетку, чтобы снять наручники. Как только ушли копы,

пришел Вирджил, чтобы поговорить с ними.

— Изнасилование и ограбление, да?

— Я этого не делал.

Вирджил на это утверждение ничего не ответил.

— Они утверждают, что ты подозреваемый.

— Но это ложь. Я ничего не делал.

Калеб оперся на решетку.

— Когда появилось заявление о преступлении?

Вирджил достал КПК и открыл файл.

— Ограбление произошло вчера в ювелирном магазине как раз перед полуночью, ты забрал наличку и простое ожерелье. А изнасилование было около 3 утра. Где ты был в это время?

— Дома, в кровати.

Вирджил записал.

— Есть свидетели?

— Нет, я был в кровати один.

— Бедняга. И не только по этой причине. Без того, кто подтвердит твое местонахождение... и с их фотографиями – доказательствами... — Вирджил скривился. — Посмотри мне в глаза, парень.

Ник так и поступил.

Через минуту, Вирджил моргнул, и снова что-то записал.

— Ладно, ты говоришь правду. Кстати, Ник, у тебя самая ненормальная жизнь. Или ты попытаешься из этого выбраться или умрешь. Для тебя середины нет. Тебе наверное стоит над этим поработать.

Как верно.

— Как ты думаешь, что они с ним сделают? – спросил Калеб.

— Хотел бы я знать ответ, но... Будет зависеть от судьи. Мы можем привлечь его мать, чтобы та подтвердила, что он был дома. Однако, обвинитель может сказать, что дети сбегают из дома, а родители даже не знают этого. В школьном личном деле Ник, есть записи о проявлениях насилия.

— Я защищал себя!

— Там причин не указано, — сказал Вирджил холодно, — Только факты о том, что ты много раз попадал в неприятности из-за драк в школе. Тебя даже недавно госпитализировали из-за драки.

— Я не дрался!

Вирджил приподнял бровь.

— Согласно твоей записи, ты думаешь, что судья или жюри купятся на то, что ты лежал на земле, пока кто-то избивал тебя, и не дрался в ответ?

Ник сморщился. Еще одно весомое замечание. Но...это же не правда.

— Тебе следовало написать заявление об ограблении, — выдохнул Вирджил.

Ник проворчал.

— Я не хотел навлечь беду на парня.

— Не одно хорошее дело не остается безнаказанным. И из-за этого, ты возможно проведешь остаток жизни в тюрьме. Молодец.

Ник отказывался верить в это. Этого не должно было случиться. Не должно.

— Я думал, что законы существуют для того, чтобы защищать правду?

Вирджил расхохотался.

— Прекрати смотреть «Закон и Порядок», парень, суду плевать на правду. Важно то, что ты можешь доказать. Ты виновен, пока не доказано обратное. У меня чемоданчик набит судебными исками Нового Орлеана, и пачка толще, чем телефонная книга, и мне нужно прикрыть несколько. Так что пока ты мне не докажешь, что я арестовал не того, ты пойдешь в тюрьму, приятель, и я прикрою по крайней мере одно.

Живот Ника сжался. Его растили с верой в иное. Но если кто и знал, как работает судебная система, то это был Вирджил.

— Я просто хочу домой.

Вирджил мило улыбнулся.

— Знаю, Ник, — он посмотрел на часы. Дай-ка мне выбить тебе право выйти под залог сегодня. Но если я не смогу, и тебе что-то понадобится в дневное время, то дам тебе визитку моего партнера. Его зовут Уильям Лоуренс, и он самый лучший адвокат здесь, после меня, конечно, — он достал визитку и протянул Нику.

Ник нахмурился, читая ее.

— Это Билл Лоуренс, ассистент адвоката.

— Вот дерьмо, не та карточка. Прости. Не знаю, почему она все еще в моем кармане. Билл — старший сын моего партнера, и когда он учился на юридическом, то проходил у нас практику в качестве ассистента. Теперь он один из наших младших партнеров, — он протянул Нику нужную визитку. — Можешь позвонить Биллу, но лучше связаться со мной или Уильямом.

— Ладно, — Ник засунул карточку в карман. — Кстати, кто позвал тебя?

— Кириан Хантер позвонил Уильяму, а тот мне. Будь благодарен. Без этого, тебя бы протащили через общие процедуры, которые идут гораздо медленнее, и они посадили бы тебя в общую камеру с невероятно забавными людьми.

— Поверь мне, я благодарен. Хотя я здесь и с кое-кем нежелательным, — он взглянул на Калеба.

Кaleb издал болезненный звук.

— В следующий раз, Готье, пойдешь один.

Вирджил снова посмотрел на часы.

— Ладно, вы двое немного посидите здесь спокойно, а я посмотрю, смогу ли я сотворить для вас чудо, — его взгляд переместился на Калеба. — Пинать полицейскую машину? Правда?

Калеб пожал плечами.

— Машина меня обидела. Она стояла на моем месте. Что мне оставалось делать?

— Убедиться, что свидетелей нет, высосать кровь полицейских и взорвать машину.

Калеб рассмеялся.

— Враждебность. Обожаю. Мы могли бы стать друзьями, — он посмотрел на Ника. — И поэтому, мне нужно было сделать что-нибудь, чтобы меня заперли с этим сопляком, и я не хотел делать что-нибудь серьезное, ведь все же хочу выйти отсюда рано или поздно.

Вирджил убрал КПК в карман.

— Увидимся скоро, — он собрался уходить, но остановился. — Я же тебя знаю, так? — спросил он Ника.

— Где-то год назад ты нам помог. Мы тогда были с Баббой и Марком.

Во взгляде появилось узнавание, а затем его глаза расширились от неподдельного интереса. Он указал на Ника, но смотрел на Калеба.

— Он твой Ник.

Кaleb отсалютовал ему.

— Да тебя так медленно сегодня доходит, Вирдж. Ты парочку кружечек пива выпил?

— Недавно поел и... нам точно нужно вытаскивать его отсюда, — он практически выбежал из комнаты.

Ник изучающее уставился на Калеба.

— И что ты мне не рассказал?

— Чем дольше ты находишься в месте с концентрированной злобой, и если честно, это выгребная яма со злобой, тем сильнее она просачивается в тебя. Это как ручей, который переходит в реку. Чем больше ты рядом, тем больше он питает демона внутри тебя. И тем вероятнее, ты станешь истинным Малачай.

Он станет монстром, который почти напал на Коди.

— Поэтому мой отец напал на мою мать?

— Ты о чем?

Ник не ответил. Вместо этого он замолчал, воспоминания наполнили его, и он пытался их обдумать.

— Я думаю, что мой отец любит мою мать.

Калеб нахмурился.

— Это чушь. Малачай не способны на любовь.

Ник нахмурился.

— Но я то способен.

— А ты еще не полностью им стал. Ты всего лишь эмбрион.

Не настолько, как думал Калеб. Но Ник сейчас не собирался с этим спорить.

Или говорить кому-нибудь о совершенной сделке.

— Я не согласен. Ты не видел его лицо, когда она орала на него. Ему было больно. И этого не случилось бы, если б ему было все равно, — это первая вещь, которую он выучил в начальной школе. Когда кто-то оскорбляет или орет на тебя, а у тебя к ним нет чувств, то это тебя злит. Ты хочешь навредить им. Но когда ты кого-то любишь и они нападают, боль такая же сильная, как и злость.

Калеб затих, обдумывая это.

— Знаешь, а это многое о тебе объясняет. И многое об Адариане.

— Ты о чем?

Калеб присел на койку, под решетчатым окном.

— Обычно Малачай рождается у родителей, ненавидящих его. Ненавидят оба и мать, и отец. Отец, потому что знает, если дитя будет жить, он умрет, большинство Малачай, включая Адариана, убивают детей, как только узнают о них.

— То есть, у меня были братья?

— Ага, и он убил их всех. Кроме тебя...и я никогда не понимал этого. Тебя он хотел защитить. А матери ненавидят то, как эти дети были зачаты и их самих. Но опять же, твоя мать относится к тебе иначе. И если ты говоришь правду, то ты Малачай зачатый в любви и заботе. А это, мой друг, еще никогда не случалось.

— И значит, я могу любить?

Взгляд Калеба сфокусировался, будто он обдумывал это.

— Это что-то да значит. Не уверен, что, но...

У Ника появилась надежда. Может он сможет побороть свое будущее и найти способ спасти их всех.

Желая найти ответы, Ник присел на другую койку, поближе к двери.

— Ну так как ты спас Коди?

Ник скривился от вопроса, затем ответил уклончиво.

— Нашел помощь для нее.

— И это...

— Кое-кто, кто помог ей.

Калев низко зарычал.

— Я не хочу играть с тобой в игры.

Но это была не игра, а серьезное дело. Ник заключил соглашение, которое не стоило бы заключать. Даже Амброуз вышел из себя, когда узнал об этом.

— Что ты сделал? – прорычал Амброуз ему в лицо.

— То, что должен был.

Амброуз скривил рот.

— Ты такой тупой. Знал же, что следовало тебя убить.

Ник фыркнул.

— Ух ты, это задело меня за живое. Приятно слышать, что я сам себе желал смерти. Я тебя тоже люблю.

Амброуз покачал головой.

— Ты не понимаешь. Я уже совершал твою ошибку... правда в более взрослом возрасте, но точно такую же. Я связался с врагом, и из этого ничего хорошего не получилось.

— Но мы же меняем будущее. Так? А может, я уже что-то исправил.

Амброуз перестал наматывать круги по комнате Ника.

— Вот это-то и опасно. Есть вещи, которые происходят в независимости от наших действий.

— Например?

— Ты встретил Кириана и работаешь на него. Не важно, что я делал, это всегда происходит. Я не могу это остановить. Я лишь могу поменять события, к которым это ведет, и время, когда это случается. Момент встречи с ним, однако, выбит в камне. Но... — Амброуз зажмурился, словно размышляя над чем-то. Но когда заговорил, его голос был очень звучным. — А может ты нашел ответы для нас.

— О чем ты?

— Почему ты спас Коди?

Ник сжал губы, словно пытаясь удержать слова. В конце концов, это не важно. Так или иначе, Амброуз узнает правду.

— Я люблю ее.

Амброуз усмехнулся.

— Любишь? Да ты даже значение этого слова не знаешь.

— А вот и знаю. Не смей мне говорить иначе.

Амброуз покачал головой.

— Ты слишком молод, чтобы понимать это.

— Нет, я знаю, что чувствую, и знаю, что это по-настоящему. Я умру за нее.

— Тогда ты еще тупее, чем... — Амброуз остановился, окидывая взглядом комнату. Он

сократил расстояние между ними и улыбался улыбкой, от которой кровь Ника застыла. — Тебе предназначено стать Темным Охотником. И это тоже не изменить. До настоящего момента, катализатор всегда была смерть нашей мамы. Но...

Ник не был уверен, что ему нравилось, как это звучит.

— Но что?

— Если ты любишь другую женщину, женщину о существовании которой я раньше не знал, то может тогда умрет она.

Боль захлестнула его.

— Нет! Ты ошибаешься.

— Подумай об этом! — Амброуз крепко сжал его. — Ты прав, парень. Ты возможно нашел ответ, который я искал все эти годы. Должно быть так. Ты любишь Коди достаточно, чтобы умереть за нее. И ее смерть становится причиной тебе стать Темным Охотником.

Это не то, что он хотел услышать. Хотя Амброузу похоже нравилась эта мысль, но ему от нее было плохо.

— Я не позволю ей умереть, не позволю.

Гнев окрасил глаза Амброуза красным.

— Послушай меня, кретин. Кого тебе лучше похоронить? Маму или девушку? Потому что говорю тебе, одна из них умрет ужасно.

— Я не позволю это.

— У тебя нет выбора, — Амброуз буквально выплюнул эти холодные слова.

Теперь Ник увидел правду в предсказании Амброуза. Пытаясь сохранить жизнь Коди он уже все испортил.

Сильно.

Когда он посмотрел на стекло окна, появились картинки.

На одной он увидел маму в кресле в доме, которого раньше не было. Ее безжизненные глаза были открыты, словно она звала кого-нибудь разбудить ее.

На другой, он увидел взрослую Коди. Одета в подвенечное платье, она лежала на его руках, покрытая кровью. Своей кровью.

Это воображение, ничего больше.

Но внутри себя он знал правду. Это два возможных варианта его будущего. Как и сказал Амброуз. Одна из них умрет.

Оно возможно спас Коди не на совсем, лишь отсрочил ее смерть. Амброуз говорил о смене времени событий. Он мог изменить время, когда что-то случалось, но не вещи, которым суждено произойти.

Вместо того, чтобы спасти Коди, он вероятно купил ей лишь немного времени. Это лучше, чем ничего.

Или нет? Если бы он позволил ей умереть, то его жизнь не была бы такой сложной. Он бы никогда не заключил сделку, которая возможно означает смерть для него.

Чем больше он размышлял об этом, тем сильнее ненавидел Рок или Амброуза, или то, что создало его будущее. Не справедливо увидеть то, что грядет, и не иметь возможности изменить все. Это самая жестокая пытка. Чем сильнее укоренялась в нем злость, тем жарче становилось его тело.

— Ник? — в голосе Калеба была нотка паники. — Что происходит в твоей голове?

Сидя на койке в их камере, Ник потерял способность понимать Калеба. Все что он мог слышать, видеть и чувствовать — лишь свои собственные страдания. Все накатило на него,

пока он не начал задыхаться. Не важно, что он делал, все становилось только хуже.

Это убивало любимых людей.

Тьма снова поглотила его, но в этот раз внутри, а не снаружи тела. И было так больно, словно его душу секут и разрывают на части.

Он стоял на выступе и смотрел вниз на местность, пугающую его.

Это была его жизнь и он уже ее разрушил. В пятнадцать лет все было кончено. Урон нанесен так глубоко, что уже не восстановить ее.

— Ник!

Его боль утроилась, он игнорировал Калеба. И в самый болезненный момент, все стало совершенно ясно.

Существовал лишь единственный способ остановить боль. Это было на крайний случай, но...

Если сработает, все прекратиться.

«Не делай это, — это уничтожит его мать.

«Она все равно умрет. Или Коди».

В своей голове он услышал прелестный голос Коди.

«Мы все принимаем собственные решения».

Пришло время и для него. Если тьма хочет его, может забирать.

При одном условии.

Ответ был здесь все время. Это...это дерьмо сегодня закончится. Он постарается убедиться в этом.

— Ник! — Калеб тряс его, пытаясь заставить услышать его голос. Но он не мог пробиться сквозь то, что уже вонзило в него свои клыки.

Хуже того, Калеб уже видел реальное появление сил Малачай. Кожа Ника меняла естественный человеческий оттенок, на демонический окрас. Глаза — голубой цвет на оранжевый и красный...

Если Калеб не остановит его, если не найдет способ достучаться до Ника, прежде чем демон поглотит его, они все умрут.

Глава 15

«Ты и правда хочешь умереть?»

Этот вопрос завис в голове Ника, будто насмехаясь над ним. В своих фантазиях он увидел свое будущее. Следующие два года он будет посмешищем школы. Все видели, как его арестовали.

Все.

Даже его дедушка с бабушкой.

Ужас на лице его матери... Сомнение в ее глазах.

И что ожидало его? Еще больше потерь. Потеря матери или Коди. И других, чьи имена Амброуз отказывался называть. Как он может продолжать жить, если ценой тому их жизнь?

Если он умрет, то тогда не будет причины для их смертей. Это все остановит. Остановит. Они будут свободны. Его отец больше не будет пытаться его убить.

Боль, которая жила в нем с момента рождения закончится.

«Я так устал от всего».

И это была правда. В свои пятнадцать он чувствовал себя истерзанным стариком. Жизнь

была такой тяжелой. Иногда, казалось, что единственным смыслом во всем было определить насколько тяжело та сможет ударить по нему. В какую пучину погрузит. Чаще всего она нещадно раздавала ему пощечины. И ради чего?

Почему все должно так быть? Зачем людям нужно быть такими злыми без видимой причины? Зачем им нападать? Чтобы принизить кого-нибудь?

«Покончи с этим. Уж это ты в своей жизни можешь контролировать».

Неожиданно рядом с ним появился Грим. Он был одет в длинную черную робу, его лицо почти полностью скрывал капюшон. В руках он держал нож, похожий на военный KA-BAR. Беззвучно он протянул его Нику.

Один порез.

Момент последней боли.

И все будет кончено. Больше не будет больно.

Когда Ник потянулся за ножом, то почувствовал присутствие кого-то еще рядом.

— Не делай этого, Ник. Ты не такой, — Коди. Звук ее сладкого, нежного голоса дотронулся до мест в его душе, которые он не очень понимал. Она накрыла его руку своей, а затем переплела с ним пальцы. Они были такими нежными и скользили по его коже.

— Закрой глаза, — прошептала она ему на ухо.

Он подчинился не задавая вопросов. Его голова кружилась, в ней быстро менялись картинки. Он не знал, на что смотрел. Пока Коди не поцеловала его.

Затем она отстранилась и прижала руку к его щеке. А затем заговорила на языке, который он раньше не слышал.

Но все же он отлично понимал ее слова.

— Враг, что хочет нам навредить, внутри нас, Ник. Он со всей страстью ненавидит нас, и он делает нас слабее, озвучивая оскорбления, от которых нам не сбежать. Не важно, что мы пытаемся сделать и делаем. Когда мы остаемся одни, эти пытки не прекращаются. И особенно ночью, когда мы пытаемся уснуть, а рядом никого нет, — любовь в ее глазах опалила его, она потерла большим пальцем его щеку. — Но наш разум возвращается и прогоняет это безумие прочь. И мы не те, кем представляет нас этот голос. Мы сильнее этого, и наш темный, уродливый преследователь это знает. Я думаю, именно поэтому он нас так ненавидит. Потому что знает, что мы можем сразить его в одиночку. Мы можем отправить его в самые темные уголки души, коим он и принадлежит. Может закопать там глубоко, чтобы не слышать эти голоса которые мучают нас и причиняют боль. Он не контролирует нас, и мы не обязаны его слушать.

Она улыбнулась, глядя вверх на него.

— Никто не защищен от темного преследователя. Мы все имеем раны, которые никогда не исцелятся. Они так глубоки и заливают нашу душу реками крови с невыносимой агонией. То, что мы испортили не возможно исправить. Но это не правда. У нас есть наша жизнь, Ник. И за каждый день ее благословим. Плохие времена дают нам урок о нас и о других. Не более того, они показывают нам, насколько мы сильны. Мы переживаем то, что уничтожает слабых и каждый день одерживаем победу над преследователем. Мы с тобой именно такие. Мы не овцы, которых ведут на убой. Мы бойцы, и в сердце наших темных сражений мы не сдадимся и не отступим. Мы погрозим кулаком небу и прокричим: «Ну пока, что у тебя есть. Потому что я приложу все усилия и выиграю, не важно, чего мне это будет стоить. Ты можешь сбить меня с ног, но я все равно не остановлюсь. Я встану, и тогда твоя кровь польется фонтаном.»

Он хотел в это верить. Правда.

— Я так устал, Коди, — выдохнул он. — А это накатывается и накатывается. Все, что я делаю, все не так. Все, к чему прикасаюсь, становится дерьмом, и я до смерти устал от обвинений в том, что я не делал.

— Это преследователь говорит, а не ты. Я знаю моего Ника. Мой Ник сильный.

Его боль усилилась, он облизал губы.

— Если я останусь жив, ты или мама умрете. В чем смысл?

— В чем смысл? — спросила она недоверчиво. — Смысл во вкусе и ценности каждого момента, каждого дыхания. Они прекрасны, потому что ограничены. То, что есть в изобилии не имеет значения. Это выкидывают, даже не задумываясь. Но счастье, победа и жизнь священны, потому что они мимолетны и скупотмерянны.

— А боль никогда не кончается, — кстати, говоря об изобилии. Она обрушивалась так быстро, что он был погребен под ней.

— Это не правда и ты это знаешь. Боль гораздо короче других эмоций. Да, она с нами какое-то время, но в конце концов она уходит. Всегда. Ты помнишь, что ты сказал Брайнне, когда не дал ей убить себя?

— Что я ношу безвкусные рубашки?

Улыбнувшись, она покачала головой.

— А остальное?

— Не совсем.

— Ты сказал: «Я знаю, что тебе больно. Поверь мне, я знаю, как ты себя чувствуешь, когда такое ощущение, что твои зубы вогнали в твою глотку так глубоко, что ты кашляешь остатками чувства собственного достоинства. И в желудке появляется дурное чувство, что ты этого больше не вынесешь. Что жизнь чертовски тяжела и не станет лучше. Что ты гуляешь по канату и пытаешься удержаться на нем вцепившись пальцами ног, потому что страховочной сети нет, а ты буквально в одном чихе, чтобы размазаться по полу. Но ты не одна. Не одна. Куча людей переживают за тебя. Людей, которые любят тебя, и если с тобой что-то случится, они этого не вынесут».

— Люди, которые умрут, если я останусь жить, — напомнил ей Ник.

— И ты думаешь, что мы не будем опустошены, если потеряем тебя?

Нет, об этом он совсем не подумал.

— У всего есть другая сторона, Ник. Две перспективы. Воспоминания о событиях двух людей вовсе не одинаковы. Они изменяются под влиянием наших глубоких эмоций, и в нашем мозгу они окрашивают каждое входящее воспоминание. Сколько раз ты спорил с кем-то о прошлых событиях, когда они заявляли, что случилась одна вещь, но ты это помнишь не так?

Все время.

— Но...

Она закрыла ему рот ладонью, не давая говорить.

— Ты знаешь, что такое суицид?

— Ага, смерть.

Она покачала головой.

— Это акт крайнего эгоизма. Да, твоя смерть будет болезненна для живых. Потеря кого-то выжигает так глубоко, что боль не прекратится никогда. Время это не лечит, лишь немного притупляет. Поверь мне, я знаю. В отличие от тебя я теряла любимых. И я горюю

каждый день своей жизни, что не смогла удержать их. Что не слышу их голосов и не вижу лиц. Я бы все отдала — свою душу, жизнь, чтобы просто обнять их еще раз и сказать, что люблю их. И сказать, как скучаю. Но опять же, наше время вместе так ограничено и быстротечно, что учит нас ценить каждую подаренную нам улыбку. И тому, как переживать смерти, скажу я тебе. Я люблю их слишком сильно, чтобы заставить их испытать то, что я испытала, потеряв их. Я уж лучше первая с ними попрощаюсь, чем они будут жить годы, испытывая горе по мне, какое испытала я. Как ты думаешь, что сделает твоя мама, если с тобой что-то случится?

— Она последует за мной в могилу, — сколько раз она говорила ему это?

«Если с тобой что-то случится, им придется рыть две могилы. Я не смогу жить, потеряв тебя».

— Я похоронила всех любимых, Ник. Пожалуйста, не будь таким жестоким, не заставляй хоронить и тебя, — в ее глазах блестели слезы. — Я не смогу снова, Ник. Не смогу. И я уж лучше отдам жизнь за тебя, чем позволю потерять тебе свою ради меня.

Он накрыл ее руки своими и наслаждался ее прикосновением и словами, что проросли в его сердце.

Никогда сжала его руки сильнее.

— Если сомневаешься в сказанном мной, спроси доктора Бердетт зачем она приехала в Новый Орлеан. Почему она приезжает сюда каждый год в это время.

Он нахмурился.

— Почему?

— Послезавтра годовщина смерти жены и сына Баббы. А вчера была годовщина смерти его лучшего друга. Доктор Бердетт здесь, потому что даже после стольких лет опасается, что Бабба убьет себя от боли потери их троих.

— Когда они умерли?

— Его жена и сын двенадцать лет назад, когда сыну было всего лишь два года.

Сердце Ника заболело, когда он понял, что сын Баббы мог бы ходить в одну школу с ним. Они были почти одного возраста.

Коди кивнула, прочитав его мысли.

— Поэтому Бабба взял заботу о тебе, когда вы встретились. У его сына были темные волосы и голубые глаза.

Как у него.

— И именно поэтому они такие близкие друзья с Марком.

Ник нахмурился.

— Не понимаю.

— Старший брат Марка был лучшим другом Баббы. В колледже, они ходили на вечеринки, как и другие люди их возраста. Они выиграли чемпионат по боулингу и хотели отметить. Бабба выпил слишком много, и брат Марка вел его грузовик в ту ночь. По дороге в общежитие, по неизвестной причине, они поехали по встречной и перевернулись. Баббу выкинуло с пассажирского сиденья, а брата Марка придавило грузовиком. Если бы Бабба не был пьян и не потерял бы сознание, то смог бы помочь другу, прежде чем он умер. Вместо этого брат Марка истек кровью, прежде чем люди в другой машине заметили их, и позвонили властям. Бабба себя так и не простил.

Это объясняет странный характер Баббы. Бедный. Ник знал Баббу все время, но он и понятия не имел об этом.

— Именно поэтому он не пошел в профессиональный спорт?

— Частично. А еще он не хотел растить сына в подобной жизни. Ведь он уже потерял лучшего друга, так что не хотел ни секунды терять с сыном и женой. Он хотел работу, чтобы иметь возможность приходить домой по ночам.

И он все равно потерял их. Это было не правильно.

— Видишь как трагедии связывают и изменяют нас? Бабба не провел бы столько времени с женой и сыном, если бы не потерял лучшего друга.

Ник видел и ему это не нравилось.

— И он бы не организовал курсы по самозащите, если бы его жена не умерла.

Коди кивнула.

— Люди не муравьишки снующие вокруг куска хлеба. Любая жизнь, не важно, насколько она изолирована, затрагивает сотни других. И только мы можем решить позитивны или негативны эти микросвязи. Но чтобы мы не решили, это отразится на том, кто с этим связан. Одно слово может придать кому-то сил в нужный момент, или лишить их полностью. Простая улыбка может сделать плохой момент хорошим. И одна вспышка гнева или слово может заставить кого-то соскользнуть с края и привести к разрушению.

Она точно была права. Одно прикосновение ее руки могло успокоить его, как ничто другое. Но в его голове все еще были громкие и четкие голоса, говорящие о том, как он бесполезен. Насколько уродлив. Как всем будет лучше без него.

— А ты и правда слышала самоуничижительную мелодию в своей голове? – спросил он ее.

— Ник, клянусь, все мы слышали. Помнишь своего друга Ашерона?

— Ага.

— Ты когда-нибудь видел его без темных очков?

Так вот она о чем...

— Нет, не видел.

— Эш в своих глазах видит себя таким виноватым, что никому не показывает их. Вообще. Даже самым близким. Даже если они видят их, то он смотрит в пол. А ты видел размер моей задницы? Если она станет еще больше, то ей придется присвоить собственный почтовый код. И не заставляй меня начинать говорить о том, какие у меня тонкие и прилизанные волосы. А еще о том, что я не умею произносить по буквам. Я иногда чувствую себя такой глупой, хотя и могу призывать силы из разных измерений. Это не важно для моего внутреннего чудовища, которое каждый день моей жизни оскорбляет меня.

Ник посмотрел на нее подозрительно.

— Думаю, ты все это выдумала. Потому что, девочка, я не вижу на твоём теле ни грамма жира. Конечно я не видел твою попу не покрытую одеждой. Может, если ты мне покажешь, то мы сможем обсудить тело...

Она сморщила нос.

— Ты ужасен.

Так и было, но в самый худший момент его жизни она заставила его улыбаться. По крайней мере, пока его мысли не переметнулись с нее на хрупкую зону. На то, что привело его в эту тюрьму.

— Как ты научилась игнорировать голоса? Они не замолкают в моей голове.

— Перебей их музыкой или логикой. Ну да, я возможно не очень умна. Или красива. Но это еще не все во мне. Я важна для людей. Не для всех, а для тех, кто важен мне, и только

они имеют значение в этом мире. А остальных в самую темную яму.

Он наклонился и прижался своим лбом к ее, чтобы иметь возможность смотреть ей в глаза.

— Я люблю тебя, Коди. И я слышал все, что ты сказала. Но не думаю, что я достаточно силен, чтобы жить без тебя.

— А что ты думаешь, я чувствую к тебе?

Если это была правда, то она права. Как он может оставить ее агонизировать и горевать, если убьет себя?

Она наклонила его голову, пока не соприкоснулась с его губами и не поцеловала, и пока не утих водоворот его чувств. Ее прикосновения успокоили его, и он снова почувствовал себя самим собой.

Но с этим чувством пришло понимание того, что она уходит.

— Коди! – позвал он потянувшись за ней. Но она уже ушла.

Неожиданно, его закинуло в собственное тело. Открыв глаза, он обнаружил себя вместе с Калевом в камере предварительного заключения.

Калев выдохнул с облегчением.

— Слава вселенной, она до тебя достучалась.

Ник нахмурился.

— Ты о чем?

Калев горько рассмеялся.

— Ты только что почувствовал на себе то, что как я уже говорил, невозможно объяснить. Как только Малачай попадает в среду, подобную этой, он чувствует необходимость в жестокости. В прошлом, когда случалось подобное, Малачай нападал на других. Ты же, друг мой, ушел в себя, вместо того, чтобы выплеснуть все.

— И что это значит?

— И ты стал разрушать себя.

Ник не мог понять страха в глазах Калева.

— Разве так не лучше?

— Как посмотреть.

Ника начали раздражать нечеткие ответы Калева.

— На что?

— Не захотелось ли тебе, чтобы ты или твой отец поработили человечество.

Отлично. Именно это он и хотел услышать.

— Знаешь, я начинаю думать, что это единственный выбор в жизни любого человека – это выбор между плохим или худшим.

— Ты прав, чаще всего так и случается.

Ник замолчал, когда пришли трое полицейских.

— Мы выпускаем вас обоих под залог.

Было видно, что Калев рад.

— Отлично, Вирджил.

Ник тоже был весьма этому доволен, пока не заметил в полицейских кое-что. Это была лишь оболочка, но он разглядел это и его силы забили тревогу.

— Калев, назад.

— Почему?

Используя прием, который показал ему Торн, Ник создал файербол. Его ладонь

засветилась, когда шар размером с теннисный мячик появился на его ладони.

— Они самозванцы.

Когда Калеб шагнул назад, один из них выбросил красную цепь, которая обвилась вокруг горла Калеба, и удержала его на месте.

Ник запустил фаейрбол в грудь демона. Он загорелся, а двое остальных кинулись к Нику.

Калеб поймал одного, прежде чем тот добрался до Ника и сломал ему шею. Тот, что напал на Ника ударил со всего размаху. Ник пригнулся и вернул демону удар в челюсть. Взрыв потряс его камеру, и тот развалился. В камере появился такой кашмарный запах, что Ник перестал дышать.

— Кто они? — спросил Ник.

— Те, кто не должен быть здесь.

— Как так?

Калеб твердо посмотрел на него.

— Это кровавые демоны, — сказал он так, словно Ник должен был о них знать.

Ага. Звучит нормально.

— Это разве не Вирджил такой?

— Черт, Ник, борись со своей книгофобией.

Ник скривился.

— Когда мы перестали общаться на одном языке?

— Это значит, что ты боишься книг, не считая манги, и обычно ведешь себя, словно они кусаются.

— Не укусы пугают меня, а скука. Кроме того, мне нравятся книги с картинками. Журнал манги Shōnen бывает весьма пикантным, но мама не конфискует его и не наказывает за чтение. В отличие от других изданий с женщинами, из-за которых она ворчит по три недели, говоря, что женщины не должны так выглядеть, и какое неуважение к ней приносить их в дом.

Калеб зарычал.

— А иногда бывает, что ты ведешь себя, как взрослый, и я забываю, что ты обычная мелочь.

Он снова яростно зарычал, а затем продолжил.

— Когда-то вампиры были людьми. Хотя люди называют их демонами, демоны это совсем другая форма жизни. Я никогда не был человеком, спасибо создателю за это, как и у них никогда не было крови демонов. Кровавые демоны так называются, потому что были созданы от крови высших демонов во служение им.

Это звучало даже не пугающе, а интересно. Точно может когда-нибудь пригодиться.

— А у меня будет такая сила?

— Если я не убью тебя, пока ты не повзрослеешь, то да.

Ник решил оставаться подальше от меню Калеба.

— Прекрасно. И что? Они клоны?

— Нет. Вовсе нет. Их посылают отнять что-нибудь у цели и вернуть хозяевам, так чтобы те обрели контроль над своей целью.

Ник похолодел.

— Думаешь, мой отец посылает их.

— Нет. У Адариана есть твоя кровь. Кроме того — это не его стиль. Он никогда не

прибегает к хитростям. Кто-то другой послал их.

Но кто?

— Так кто же знает о тебе и обо мне?

— Не знаю, Ник. Нам нужно вытащить тебя отсюда, пока ты снова не сорвался. Кроме того, мы тут оба как на ладони, — Калев замер, когда его посетила какая-то мысль. — Я знаю, что ты мне не расскажешь, потому что знаешь, что это было неправильно, и что я тебя за это убью, но ты не думаешь, что тот с кем ты заключил сделку, послал их за тобой?

Ник пару секунд обдумывал это.

— Нет.

— Есть вариант, что ты поделишься своими мыслями?

— У них уже есть кое-что мое. Им не нужно посылать демонов за частичкой меня.

Калев сжал зубы, выдвинув вперед челюсть. Было более чем очевидно, что он был очень не рад сделке Ника.

И Калев даже не знал, что это... Пока.

— Что ты им отдал?

— Не свою душу, — сказал Ник, зная, что это первое, о чем беспокоится Калев. — Не волнуйся.

— Я должен знать. Если нас атакуют...

— Не атакуют.

Калев выругался.

— Во что ты нас втянул?

Прежде чем он успел ответить, вернулся Вирджил с полицейским.

— Вы оба мне должны. Я только что оказал невероятную услугу, чтобы быстро вытащить вас отсюда.

— Мы не забудем, — уверил его Калев.

Но после того, как они сменили одежду, и их вывел мужчина самого подлого вида из всех, что видел Ник, тот уже не был уверен, что хочет быть в долгу. Вирджил должно быть отказался от чего-то крупного, чтобы заставить этого парня сотрудничать. Он не знал от чего и не хотел знать.

Женщина-обвинитель сердито указала на Ника.

— Это было жестокое изнасилование, Ваша честь, и обвиняемый часто прибегал к насилию в своей жизни. Посмотрите на синяки на его лице. Очевидно, это была очередная жестокая схватка с кем-то. Кроме того его отец...

— Возражаю, Ваша Честь, — прервал то, что она собиралась сказать Вирджил. — К делу не относится.

Она уставилась на него и поправила очки на носу.

— К делу относится семейная история насилия.

— Обвиняют не его отца, — парировал Вирджил. — И если только у вас нет генетической экспертизы, доказывающей, что это передалось, то к делу это не относится.

Она ошетичилась.

— Психологи говорят.

— У вас есть психолог, который может это протестировать? — спросил Вирджил.

— Пока нет.

— Тогда я стою на своем — объективности.

Наконец заговорил судья.

— Защита права, адвокат. Осуждают не отца обвиняемого. Продолжайте.

Она тяжело вздохнула.

— Ладно. Я считаю его потенциально опасным и думаю, что его нужно держать под охраной, пока его дело не будет решено.

Судья посмотрел на Вирджила.

— Что вы скажете, защита?

— Он ребенок, Ваша честь. Посмотрите на него. Он отличный студент.

— Коим был и Тед Банди, — вставила обвинитель.

Судья бросил на нее взгляд.

— Адвокат, достаточно, — он посмотрел назад на Вирджила. — Где ваши свидетели?

Они встали. Ник обернулся и увидел Лизу, Маму Ло Пелтье, Кириана, Мистера Пелтье и Мистера Аддамс, доктора Бердетт и отца Мадуга доктора Сент Джеймса. Его мама, Ашерон Роза, Коди и Меньяра стояли рядом с Кирианом, а Бабба с Марком рядом с доктором Бердетт. При виде них все внутри Ника съежилось. Хотя он и был благодарен, за то, что они постояли за него, но его унижало то, что все знали об этом.

Но опять же, кто не знал? Его вроде как не в частном порядке арестовали.

Он сморщился, подумав о том, как ему посмотреть в лицо одноклассников и школьной администрации после всего. Не важно что, его навсегда заклеямили, как преступника.

Так вот как себя чувствовала Брайнна...

Вирджил прокашлялся.

— И это Ваша честь только первые семеро, которым я позвонил. Если вы дадите мне час, я вам еще дюжину приведу. Всех, кто хочет подтвердить отличный характер и высокие моральные качества Мистера Готье.

Судья учел это.

— Залог — миллион долларов, и я хочу, чтобы до суда он находился дома. Он может ходить в школу и на работу, но больше никуда. И ему нельзя оставаться одному.

— Хм, Ваша честь, — сказал Вирджил, а потом кашлянул, — Его работа у Мистера Хантера требует выполнение поручений по всему городу.

Тогда на него поставят электронный маячок и ему придется звонить каждый час, когда он будет находиться вне школы.

— Да, Ваша Честь. Спасибо.

Слушанье Калеба было гораздо проще. Судья отпустил его, взяв обещание, что тот больше не будет трогать полицейские машины.

Когда Ник пошел к матери, его желудок сжался. Она даже не посмотрела на него.

Кириан похлопал Ника по спине.

— Я уже дал Вирджилу деньги на твое освобождение.

Ник благодарно кивнул Кириану.

— Спасибо, за все.

— Без проблем.

Ашерон положил руку ему на плечо.

— Не волнуйся, Ник. Мы выясним правду.

Но это не изменит боль в глазах его матери.

Она не разговаривала с ним, пока везла домой. Он искал в голове что-то, что мог бы сказать, но ничего не приходило на ум.

Он потянулся к ее руке. Она убрала ее, избегая контакта. Злость и боль пронзили его в

самое сердце. Как она могла сомневаться в нем?

Прибыв домой, он пошел в свою комнату.

— Ник, я хочу чтобы ты оставил дверь открытой.

Он начал говорить «но мам», но понял, чем это кончится. Она оборвет его, как обычно. Так что он распахнул дверь и сел на кровать. И только тогда он понял, что мама обыскивала его комнату.

— Мам, где мой...

— Ты наказан, — в ее голосе слышалась нотка истерики. — Сиди и думай о... вещах.

Плохая идея, ведь все о чем он думал сейчас — это что ненавидит ее, за то, что она так поступает с ним, когда он не виновен.

И так он и сидел, размышляя, его ярость достигала все больших высот, пока он больше не мог этого выносить. Он вскочил на ноги и пошел в гостиную, где она смотрела телевизор.

— Что ты хочешь? — она по-прежнему не смотрела на него.

Разъяренный, он приложил руку к верхней губе.

— Я девственник, мам. Я только целовался с девушкой, и это была Никода. Я знаю, что ты не веришь мне, но можешь спросить ее. Она не врет.

«Как и я», — но ему она никогда не верила.

По ее лицу побежали слезы.

— Прости, Ники. Я знаю, что ты не виновен. Правда. Но мне было так тяжело находиться в здании суда, где все осуждали тебя и меня, — она начала рыдать.

Ник подошел и притянул ее к себе, и она заплакала ему в плечо.

— Ты не представляешь, какого быть самой популярной девочкой в школе, а затем... они так зло себя повели. Когда люди узнали, что я беременна, я пошла к лучшей подруге... Мы были друзьями со второго класса, а ее мать не пустила меня в дом. Она сказала, что Эйшли не может ассоциироваться с мусором.

Он почувствовал вину. Он никогда не хотел причинять ей боль.

— Прости, мама.

— Не надо, малыш. Ты того стоил. Правда. Я никогда не жалела о том, что ты есть у меня. Но это так тяжело. Я всегда спрашиваю себя, а правильно ли воспитываю тебя. Когда ты был маленьким, я часто сидела рядом с тобой, плакала и извинялась за то, что принесла тебя в этот жестокий мир. За то, что ращу тебя в бедности и не могу дать лучшую жизнь.

— Не плачь, мама. Пожалуйста. Мне плевать, что все, что я получал на рождество — пара чистых носок и жвачку. Плевать. Единственное, что важно, чтобы ты не жалела обо мне. Пожалуйста не смотри на меня, как на грязь.

Она обхватила его лицо руками.

— Я бы никогда так с тобой не поступила.

— Но ведь поступала и часто. Я видел.

Она покачала головой.

— Нет, Ник, я не это видела.

— Тогда почему ты не смотрела на меня в зале суда? Почему убрала руку в машине?

— Потому что чувствовала, будто подвела тебя, и ты винишь меня в аресте. Если бы я растила тебя иначе, люди не судили бы о тебе так быстро. Я знаю. Что это моя вина. Я предложила свидетельствовать за тебя, а адвокат сказал, что это не очень хорошая идея. Знаешь, как я себя почувствовала? Он с таким же успехом мог надеть на меня футболку с надписью «мусор».

— Мама, нет. Вирджил не такой. Он просто не хотел, чтобы на тебя набросилась обвинитель.

— Ну, а чувствовала я не это.

Ник смахнул слезы.

— Если ты не ненавидишь меня, то почему я наказан и не могу закрыть дверь?

— У тебя четверка по химии, помнишь? Я тебе в школе сказала, что ты за это наказан.

О да, а он и забыл.

— А дверь?

— Когда я смотрю телевизор в этой комнате, то становится очень жарко, а ты хочешь закрыть дверь. А ты о чем подумал?

— Я думал, что ты меня считаешь дерьмом.

Она посмотрела на него.

— Черт возьми, Ник, я знаю, что ты не дерьмо. И я видела как ты ведешь себя с Коди и другими девочками. Ты краснеешь каждый раз, когда Коди прикасается к твоей руке, и светишься, как рождественская елка. Чаще всего ты боишься прикоснуться к ней. Будто она тебя до смерти пугает.

Он сморщился.

— Это так очевидно?

— Да.

Когда уже закончатся унижения?

Она смахнула слезы.

— Не могу поверить, что ты так меня понял.

— И я тоже, — сказал он. — Разве я когда-нибудь что-то делал, чтобы показать, что затаил на тебя обиду?

— Вовсе нет. Но я то на себя ее держу.

Он хмуро посмотрел на нее.

— Ну тогда держи ее при себе. Не позволяй себе срываться на мне.

Она дотронулась рукой до его щеки.

— Я люблю тебя, малыш. И прости, что тебе через все это пришлось пройти.

А как ему жаль.

Затем, к его удивлению она протянула ему пульт.

— Думаю, хватит с тебя сегодня наказаний. Сиди и смотри телевизор со мной.

Невероятно обрадованный, что не верно понял ее действия, Ник переключал каналы, пока она не забрала пульт назад.

— То как ты смотришь телевизор, сводит меня с ума. Выбери уже что-нибудь.

— У меня подростковый синдром недостатка внимания припудренный мужским тестостероном, мам. Чего ты ожидала?

Она зарычала и вернулась на свое девчачье шоу. Ник попытался не скривиться.

Но все закончилось через несколько минут, когда раздался звонок. Так как они смотрели телевизор, мама не стала вставать, чтобы ответить. Вместо этого, она доверилась автоответчику.

— Это директор Хед из Св.Ричардса. Звоню сказать, что Николас был немедленно исключен из школы. Не могли бы вы переслать по почте книги, которые он должен вернуть нам. В свою очередь мы упакуем его личные вещи, и доставим вам в квартиру. Спасибо.

Лицо его мамы стало ярко-красным.

— Да как он смеет!

Ник не ответил. Он был слишком занят тем, что его разрывало на части. Хотя чего он ожидал? Хед считал его насильником и грабителем. Он просто защищал учеников от монстра...

«Ну, по крайней мере не придется встречаться с Хедом или еще кем со школы».

— Можно мне позвонить Коди и Калебу?

Она засомневалась, но затем кивнула.

— Но это еще не конец. Завтра я поговорю с твоим адвокатом, чтобы узнать, что мы можем сделать.

— Хм, его не часто увидишь днем. Поэтому он и работает в ночном суде, так что если захочешь поговорить, звони ему до рассвета.

Она задумалась, затем кивнула.

— Интересно. Сделаю сейчас. Не волнуйся, малыш. Мы вернем тебя в школу.

«Не надо мне одолжений».

Мысль о том, чтобы вернуться в школу сейчас не казалась ему привлекательной.

«Моя жизнь разваливается».

Он чувствовал себя дерьмом, пока не посмотрел на мать, разговаривающую по телефону, и попытался представить весь ужас, через который она прошла в его возрасте.

Да, школа по сравнению с этим ерунда. Вот когда тебя выкидывают из дома, это гораздо хуже. Даже сейчас, родители оскорбляли ее.

— Эй, ма?

Она вернулась, оставив сообщение Вирджили, и села рядом с ним.

— Что, Страшилка?

— Я так горжусь тобой. Спасибо, что не отказалась от меня.

Она хмуро на него посмотрела.

— Малыш, почему ты так к этому прицепился. Будто часть тебя ждет, что я вышвырну тебя.

Потому что часть его этого и ждала. Это был его самый худший страх.

— Я знаю, чего тебе стоило оставить меня. Правда. И чем старше становлюсь, тем яснее понимаю. Когда ты была в моем возрасте, я уже ходил.

Она улыбнулась.

— О, я помню, каким красивым ты был. У тебя волос не было. Ты был маленьким, лысеньким соплячком, и я подумывала, что мне придется прикупить тебе паричок, — она игриво потрепала его волосы.

Он засмеялся.

Она прижалась к нему.

— Не волнуйся, Страшилка. Все наладиться. Всегда так происходит. Каким-то образом, даже в последнюю секунду, бог приходит к нам.

И ее вера была непоколебима. Он был немного более изменчив. Но его мать всегда твердо верила. Он ей завидовал из-за этого. Удивительно, учитывая все, что она пережила.

Закрыв глаза, Ник слушал телек и пытался расслабиться.

И когда он отключился от физического мира, то услышал голоса.

«Берегись. Берегись. Берегись. Как будто вокруг него эхом звучал голос рептилии».

Берегись чего?

Друг моего врага — мой враг.

Ну ладно, и что это значит? Но ответа на его вопрос не было.

Странно. Типично, но странно.

И когда он начал засыпать, он четко все почувствовал. Что-то искало. Щелкало зубами. Скользило.

И оно было здесь.

*— Теодор Роберт «Тед» Банди (англ. Theodore Robert «Ted» Bundy) (24 ноября 1946 года — 24 января 1989 года) — американский серийный убийца, насильник, похититель людей и некрофил, действовавший в 1970-е годы. Его жертвами становились молодые девушки и девочки. Точное число его жертв неизвестно. Незадолго до своей казни он признался в 30 убийствах в период между 1974-м и 1978-м годом, однако настоящее количество его жертв может быть гораздо больше (более 100 человек).

Глава 16

Ник не мог скинуть чувство, что его преследуют. Но об этом говорило лишь его нутро. Ни Коди, ни Калев не ощущали этого, и значит считали, что у него крыша поехала.

Не в первый раз его принимали за чокнутого. Но все же...

— Давай ты сосредоточишься, Ник?

Он заморгал от звука голоса Эша.

— Прости, у меня просто какое-то странное, неприятное ощущение.

— Веришь или нет, это могут быть электромагнитные волны от твоего ножного браслета.

Отлично. Этого только не хватало. Возможно, тот еще и вызовет когда-нибудь рак на его левой ноге. В качестве дополнения.

— Ник...

Неожиданно у машины сработали тормоза.

— Эй, — огрызнулся он на Эша. — Знаешь, а я собирался остановиться.

— Когда? Когда проедешь на красный?

— Возможно.

Эш покачал головой. Когда свет сменился на зеленый, Ник нажал на газ и выбрал правую дорогу, ведущую к дому Кириана. Последние две недели, пока мама Ника боролась с директором, а Ник ожидал заседания суда, Эш, чтобы подбодрить его, позволял везти его на работу и с нее. Особенно, учитывая то, что для Ника это была единственная возможность покинуть дом.

Из-за этого Ник сходил с ума. Он не мог представить, какого это застрять в тюрьме, если его жизнь в квартире и без того была весьма убогой.

— Эш? — позвал он, подъезжая к дому Кириана. — Ты видел видео, которые есть у копов про меня?

— Ага.

Вирджил показал его Нику два дня назад.

— Он выглядит точно, как я.

— Знаю.

Ник заглушил машину.

— Я не знаю подлог ли это или еще что. Но ты не можешь себе представить, как

ужасает мысль, что есть кто-то, выглядящий точно как ты. И если он что-то сделает, то обвинят тебя.

— Ага, и не представляю, — его голос был наполнен сарказмом.

— И что это было? — спросил Ник Эша, когда тот выбрался из машины.

Эш не ответил, пока Ник не обошел машину и не протянул ему ключи.

— Умеешь хранить секреты?

— Я и "Тапперуэр"[26]. Мы держим крепко. Ничто не выберется наружу. А что?

Эш засунул руки в карманы его мотоциклетной куртки с черепом и скрещенными костями, перечеркнутыми красным крестом на спине.

— Когда я был человеком, у меня был близнец.

Ник раскрыл рот.

— Да ну. Seriously?

Эш легонько кивнул.

— Должно быть это впечатляло. Двое тебя, да еще и с твоим ростом вместе? Ух ты.

— Это не было так весело, как ты думаешь. Я и упомянул это, чтобы дать тебе понять, что я знаю, что ты чувствуешь. И я ненавижу это.

— Ага, но ты же любил своего брата?

Эш не ответил и стал подниматься по лестнице, ведущей к центральной двери. И этот поступок сказал Нику все. Кем бы ни был его брат, но видимо они не очень ладили. Печально, правда. Он всегда размышлял, а какого это иметь брата или сестру. Его мама была самым близким из знакомых ему.

Ник шел, перешагивая ступени. Он как раз дошел до крыльца, когда Роза открыла ему дверь. Хотя ей было сорок, но она все еще была невероятно красива. Ее темные волосы падали на плечи, и она была одета в розовый топ и джинсы.

— Привет, Роза, — сказал Ник, улыбаясь ей.

Она улыбнулась в ответ, так же тепло, как улыбалась его мать.

— [27]Привет, сынок. Как дела?

— Спасибо, хорошо. А у тебя?

— Очень хорошо, — она закрыла за ним дверь. — Ник, твой испанский стал лучше, скоро мы совсем не будем говорить по-английски.

При виде Ашерона, ее улыбка стала шире.

— А как ты, Ашерон?

— Хорошо. Кириан в офисе?

— Да.

Эш ушел по украшенной узорами лестнице.

— Итак, Ник, есть хочешь?

Он засомневался.

— погоди, ты употребила новое слово, — память щелкнула. — Пицца. Нет, есть! Хочу ли я есть. Точно. А что есть?

Она рассмеялась.

— Надеюсь, твоя жена будет хорошо готовить. Иначе, сынок, думаю, твой брак будет коротким.

— Так и мама говорит, — когда они приблизились к кухне, он уловил запах пищи. — О, неужели! Это...

— Да, курица по-охотничьи, твоя любимая.

— Только когда ты готовишь, — его рот уже наполнился слюной. Никто не готовил лучше, чем Роза.

— Я положу тебе, пока ты выносишь мусор.

— Да, мадам, — но он притормозил у сковороды, чтобы принюхаться. Господи, да он готов жить лишь ради таких дней...

Заставив себя уйти, он достал мусорный пакет и пошел к черному входу, где стояли контейнеры.

Когда он забрасывал пакет в контейнер, услышал щелчок. Вначале, он не обратил на это внимание. Пока по спине не пробежал холодок, и в своей голове он увидел картину атаки на него.

Покачав головой, он убедил себя не быть параноиком, и вдруг что-то швырнуло его на землю.

— Ты, мелкий уродец! — мужчина ударил его бейсбольной битой по руке.

Ник выругался, почувствовав треск кости под ударом. Он начал крутиться, чтобы сбежать. Но мужчина нанес еще три сильных удара, а затем начал пинать его. Ник пытался отползти к дому, на него настигал удар за ударом, пинок за пинком.

«Я умру...»

Он знал это, он даже защитить себя не мог.

Но неожиданно, кто-то схватил и оттащил нападавшего от Ника.

Кириан встал на колени рядом с ним.

— Ник, ты меня слышишь?

— Этот мелкий ублюдок изнасиловал мою дочь! Надеюсь, он умер!

— Роза, звони в скорую! Срочно! — Кириан снял куртку и обернул ей Ника. — Оставайся со мной, Ник. Пожалуйста, не заставляй меня говорить твоей матери, что ты умер. Она меня убьет.

Ник не мог ответить. Ему было так холодно, что зубы стучали. Он слышал, как рядом с ним Ашерон докладывает о нападении полиции по телефону.

Плача и молясь, Роза упала на колени рядом с Кирианом и прижала свои четки к руке Ника.

— Как вы можете защищать это отребье? Да что с вами, люди?

— Он этого не делал, — прорычал Ашерон мужчине в лицо. — Ты только что оскорбил невинного мальчика.

— Думаете я не знаю этого сопляка? Я видел его в школе. Он много лет ходил на уроки с моей дочерью. Надеюсь они посадят его до конца жизни.

Ник наконец смог повернуть голову, чтобы рассмотреть его.

Мистер Квателлбаум, отец Дины. Его голова трещала от боли, но он пытался сфокусироваться. Ему нужно было это обдумать. Дина была близкой подругой Брайнны. Тихая и застенчивая, она редко разговаривала с людьми. Он даже не мог вспомнить когда видел ее в последний раз.

Зазвучали сирены, приближаясь.

«Не теряй сознание...» — Ник цеплялся за эту мысль. Он не хотел снова вернуться в Нижний Мир. Не сейчас.

Кириан ушел, чтобы открыть ворота полиции и скорой.

Ник пытался вернуть Розе четки. Это был подарок ее отца на крещение, а он умер от сердечного приступа, почти сразу, как дал ей их. Она считала это самым ценным для себя.

— Нет, сынок. Держи их и Бог присмотрит за тобой. Вернешь позже.

Когда медики начали работать с ним, Ник услышал смех. Низкий, ин исходил от эфира. Вначале, он решил, что сошел с ума.

Пока полиция не сковала наручниками отца Дины. Когда полиция повела его к главной части дома, Ник увидел, как демон отделился от тела Мистера Квателлбаума.

Это был знакомый ему демон.

Где он видел его? Он должен был вспомнить, но боль делала это невозможным. Он старался держаться в сознании, а голоса кричали все громче.

Он видел одноклассников, читающих небылицы и ужасную правду, опубликованную о всех них в интернете. Уже несколько недель Брайнну и других девочек оскорбляли и обвиняли во всевозможных пороках. Драки не прекращались, даже на школьных собраниях.

Трексиян...

Этого демона он видел.

Медик надел кислородную маску на его лицо. Ник мысленно пытался позвать Калеба или Коди, чтобы дать им знать о своих подозрениях и о том, что случилось. Но прежде чем смог, потерял сознание.

* * *

Грим вздохнул, наблюдая как Ника помещают в скорую. Разочарованный, он убрал стеклянный шар и встретился взглядом с Бейном.

— Он снова выскользнул из твоих клешней, да? — сухо поинтересовался Бейн.

— Ну конечно. Я еще подобного не видел. Он хуже кошки.

Бейн посмотрел на стеклянный шар.

— Но он все еще в опасности. Он может подцепить какую-нибудь гадкую инфекцию в больнице. Может, какой-нибудь вирус, поедающий плоть?

— Не дразни меня, Бейн. Хотел бы я, — он не мог убить Ника. Идиотская сделка.

Все, что он мог сделать — бить по самолюбию Ника и испытывать его, пока тот не убьет себя. Но Ник был сильнее, чем выглядел. Вот поэтому они не могли позволить ему повзрослеть. И с Адарианом то проблем хватало.

Амбросиус...

Тот может стать самым опасным из всех когда-либо рожденных Малачай...

И Бейн был прав. Рано или поздно, Грим найдет нужного человека, чтобы воздействовать. И тогда от Ника останутся лишь плохие воспоминания.

По лицу медленно расплылась улыбка, когда в его голове созрел новый план. И теперь он точно знал, как покончить с Ником.

— Я знаю этот взгляд. Что собираешься делать? — спросил Бейн.

— Я принесу нам сердце Малчай.

Глава 17

Ник открыл глаза, ожидая снова увидеть себя в Нижнем Мире.

Вместо этого, он оказался в храме с золотой крышей, и нарисованными на нем сценами из жизни леса: оленями и прочими животными. Солнечный свет отражался от белых колонн.

«Я умер?»

— Нет, не умер, — голос был наполнен густым акцентом, так хорошо знакомым ему. Греческим.

Он повернул голову, чтобы увидеть фигуру в белом одеянии с оголенным плечом. Ее ярко рыжие волосы падали на спину крупными кудрями. Ее кожа была безупречна, как и положено коже богини.

— Артемида, что я тут делаю?

— Мы же заключили сделку, так?

— Да.

— Ну тогда я не могу тебе позволить драться с Торном или Нойром, так?

Он думал, что нет.

— Почему я так слаб?

— Это от лекарств, которые они дали тебе. Они действуют на тебя даже в этой реальности.

Кто бы знал? Ник попытался сесть, но все бесполезно.

— Расслабься, пока не очнешься в человеческой реальности.

Ник кивнул и закрыл глаза. Он снова видел себя, умоляющего Артемиду излечить Коди. Тогда он не был уверен, что сработает. Но помимо того, что Артемида была богиней охоты, она еще и была лекарем и защитником женщин и детей. По крайней мере ему так говорил Кириан.

На случай, если Даймон или еще кто-нибудь попытается его съесть, когда Кириан не сможет помочь, тот дал Нику кольцо с символом Артемиды. И тогда Кириан показал Нику, как призывать богиню. В начале их отношений, Ник считал его сумасшедшим. Но за прошедший год он узнал, что сумасшествие — это вовсе не то, чем кажется. И вместо того, чтобы продать кольцо Кириана, он его на всякий случай сохранил.

Ник хотел отдать Артемиде свою душу. Вместо этого она взяла у него лишь кровь. Но она заставила его поклясться о неразглашении. Он никому не мог сказать, что видел ее.

— Почему ты согласилась помочь Коди? — спросил он.

Артемида пожала плечами.

— Она воин. Женщина-охотник. У меня всегда была слабость к таким.

Ник собрался подправить ее неправильное выражение, но остановил себя. Не очень умно поправлять богиню.

— Но я все еще не понимаю.

— Не тебе понимать. Теперь отдохни. Скоро у тебя будет новая битва и тебе нужны все твои силы.

Он попытался спросить ее о битве, но он для этого был слишком слаб. Против своей воли он уснул.

* * *

Когда Ник наконец пришел в себя, то снова обнаружил себя в реанимации. Наверное, им бы стоило для него зарезервировать комнату, или завести карточку постоянного клиента, или что-то подобное. Что за черт? Почему бы не назвать зал в его честь, раз уж только им занимается половина персонала.

Кириан и его мама были здесь вместе с Ашероном и Коди.

Его мама впилась в него взглядом.

— Ты пытаешься свести меня в могилу пораньше?

— Вовсе нет.

— Ты везунчик, — сказал Кириан. — У тебя сломана рука, но все остальное в порядке.

— Слаба богу у тебя твердая голова, — добавил Ашерон. — Если честно, я и не думал, что ты выживешь после того, что я видел. Этот человек явно пришел по твою душу.

И все же, Нику было жаль мужчину. Хотя он и не уважал насилие, но понимал его мотивы.

— Как Мистер Квоттербаум?

Кириан вздохнул.

— Его арестовали за избиение.

— Ему повезло, что я до него не добралась, — прорычала его мать.

— Ага, — согласился Кириан. — Выяснилось, что он следил за тобой последние несколько дней, ожидая, когда ты останешься один, чтобы напасть.

Значит Нику не привиделось. Кто-то и правда искал его. Ник искал что-то паранормальное, а это был человек...

Ник замер от воспоминания о том, что он видел, пока не потерял сознание. Квоттербаум не был один. Он повернул голову, чтобы встретиться взглядом с Коди.

«Здесь замешан Трексиан,» — передал он ей свою мысль.

Ее глаза расширились.

«Уверен?»

Он кивнул.

«Я думаю, он стоит за всем этим».

Трексиане были очень близки к богиням Атлантиды Эша. Они жили беспорядками.

«Тогда все становится ясно».

И единственный, кто мог найти Трексиана — одна из его жертв. Чем старше жертва, тем легче отследить. У Ника появилась отличная идея, кто был первой жертвой.

«Ха, Калеб! Я читаю!» — все это он помнил с последней консультации с гримуаром.

Он переключил свое внимание назад к Коди.

«Мне нужно, чтобы ты привела Брайнну».

Одна из бровей Коди выстрелила вверх, а в глазах появился маленький зеленый монстрик.

— Прости, что?

Все выжидающе посмотрели на нее.

Коди густо покраснела.

— Извините. Не собиралась произносить это вслух.

Когда они перестали смотреть на нее, она уставилась на него.

— Брайнна?

«Бьюсь об заклад, что она была первоначальной целью, и хотя я считаю, что и я был одной из них, так как я не совсем человек, но не уверен, что моя очная ставка с демоном получится».

«Ладно, это разумно. Ты избежал собачьей будки. Пока».

Господи, ему не нравилось, как развивался сценарий. Это было холодное, ледяное место. Хотя он мог отправиться в будку со скоростью ниндзя, но вот выбраться оттуда было не так легко. Давайте назовем это почти смертельным опытом.

Когда ушла Коди, он провел следующие полчаса, споря с мамой о том, что ему не надо

оставаться на ночь под наблюдением. Но именно Ашерон убедил ее.

— Мы будем следить за ним, Чирайз, и я уверен, что дома ему будет комфортнее.

Когда она согласилась с Эшем, ему казалось, что они вечность добираются домой из госпиталя.

Его мама читала ему лекции всю дорогу. Ух ты... жаль, что нравоучения никогда не были Олимпийским видом спорта. Его мама легко бы взяла золото.

— Не могу поверить, что на тебя снова напали. Ему стоит радоваться, что полиция забрала его. Если я когда нибудь его увижу...

— Мам, дыши. Он всего лишь сделал то, чем ты сейчас угрожаешь. Он думает, что я изнасиловал его дочь. Но нам обоим повезло, что у него не твой темперамент и не было оружия, в противном случае я бы умер.

Она протянула руку и сжала его сломанную руку.

Ник вскрикнул.

— Теперь? Именно теперь ты хочешь подержать меня за руку? Клянусь, мам, тебя не поймешь.

Она закатила глаза, затем припарковалась напротив их дома.

Ник вышел и стал ждать ее.

— Ты вернешься на работу?

«Пожалуйста, пожалуйста, иди на работу...»

— Я этого не планировала.

Конечно нет. Это бы так облегчило его жизнь.

«Пожалуйста, иди на работу, со мной все будет хорошо».

— Но знаешь, Ники, ты неплохо выглядишь. Я думаю, что пойду туда.

Это были его силы? Неужели одна из них нормально заработала?

Она протянула ему свои ключи.

— Ты же можешь сам зайти?

— Ага. Пойдешь пешком?

— Как обычно.

Тогда он решил проверить свои силы, чтобы узнать сработали ли они или это было странное везенье.

«Возьми машину. Она может понадобиться».

Его мама остановилась на полпути, затем повернулась.

— Но знаешь, она может понадобиться, и учитывая, что случилось с тобой... Ага, я лучше поеду на работу.

Ник раскрыл рот от удивления – наконец-то его способность сработала. И вовсе не плохая!

— Давай, впусти тебя.

Он подождал, пока она открыла дверь и ушла, затем призвал Калеба и Коди. К счастью, Коди поговорила с Брайнной о его плане, а затем ей пришлось объяснить все Калебу.

— Уверен, что видел Трексиана? – спросил Кaleb. – Ты был на середине очередного почти смертельного приключения. Химия мозга может вызывать странные видения при таком стрессе.

— Уверен, Кaleb. Так как я был на домашнем аресте, то воспользовался твоим советом и поборол свою библиофобию. Я сделал тонны исследований.

Кaleb казался шокированным и впечатленным.

— Правда?

— Ага, знаешь в интернете есть какая угодно информация.

Калеб обменялся раздраженной усмешкой с Коди. Он может заставить делать других то, что не хочется ему, как никто другой. Впечатляет. Раздражает, но впечатляет.

— Так каков план? – спросила Коди.

— Я собираюсь забрать Брайнну, и нанесем визит Трексиану.

Или Ник надолго загремит в тюрьму...

* * *

Брайнна протестовала снаружи дома Дины Квоттербаум.

— Я ее знаю почти всю свою жизнь. Ты точно ошибаешься на счет нее. Она этого не делала.

Он отказывался ее слушать.

— Тогда извинимся. Но не думаю, что ошибаюсь. Я знаю, что я прав. Подумай о некоторых вещах, написанных на сайте. И о том, что создатель чувствует себя невидимкой.

Брайнна нахмурилась.

— Все чувствуют себя невидимками иногда. Дина от остальных не отличается. Поверь мне, она и мухи не обидит. Ни меня, ни кого либо еще.

— Брайн, если я ошибаюсь, мы извинимся и пойдем домой. Но если я прав...

Все это закончится.

— Ладно. Тогда иди. Опозорься, я буду рядом.

Коди остановила их.

— Возможно это не очень хорошая идея, ведь мы не знаем, соврала ли она про изнасилование или нет. Если на нее и вправду напали, и она об этом не врет, вид Ника расстроит ее. Как мы знаем, нападающий выглядел точно, как он.

Она была права. Очень.

— Ник, спрячься в кустах, а я все выясню, — Брайнна пошла по дорожке.

Надеясь на лучшее, Ник спрятался во дворе Дины. Он едва успел нырнуть в кусты окружавшие крыльцо, как Брайнна постучала.

Никто не ответил.

Брайнна посмотрела на него.

— Может она не дома.

Ник был уверен в обратном. Он мог чувствовать людей в домах. Кроме того, он чувствовал глубокую грусть и ненависть, что питала демона внутри него.

— Попробуй снова.

Она попробовала.

Через несколько секунд дверь медленно открылась. Дина была одета в бесформенные спортивные штаны и серую толстовку большого размера. Волосы были заплетены в косички, и было очевидно, что она плакала. Ее глаза были воспалены, а нос покраснел. Шмыгая, она хмуро смотрела на Брайнну.

— Что ты тут делаешь? – разве можно вложить столько ненависти в простые слова?

— Тебя несколько дней не было в школе, и ты не отвечала на звонки. Я волновалась.

— Все нормально. Оставь меня в покое, ладно? – она начала закрывать дверь.

Брайнна остановила ее.

— Почему ты плакала?

— Я не плакала.

Ну точно.

— Тогда у тебя сильная аллергия. Ты обращалась к доктору?

Если бы взгляд мог испепелять, то Брайнна бы уже была пылью на крыльце.

— Почему бы тебе не вернуться к своей совершенной маленькой жизни и не оставить меня в покое? Я не питомец из твоего школьного проекта.

Брайнна нахмурилась.

— Ты о чем?

Дина скривила губы.

— Ты такая сука, Брайнна. Уходи.

Брайнна отказывалась.

— Никуда я не пойду. Мы друзья. И я не понимаю эту неприязнь. Что с тобой случилось?

— Хочешь знать? Правда?

Брайнна была поражена.

— Конечно.

Дина фыркнула.

— Кого ты пригласила в свой дурацкий комитет? А?

Брайнна напряженно пыталась вспомнить.

— Ты такая нелепая, — прорычала Дина. — Ладно, помогу вспомнить. Кого ты не пригласила, хотя следовало бы?

Брайнна нахмурилась еще сильнее.

— Ну... у Кейси была практика чирлидеров, так что я не позвала ее.

Дина скривилась, а затем попыталась захлопнуть дверь перед лицом Брайнны.

Брайнна снова перехватила ее. И ее глаза неожиданно засветились пониманием, о чем говорила Дина.

— Тебя? Ты злишься, потому что я не пригласила тебя?

— Конечно, я злюсь на тебя. Это была пощечина на глазах у всех.

— Каким образом?

— Мы же вроде были друзьями, помнишь? Все это знали, кроме тебя. Я ждала и ждала, что ты позовешь меня, но ты не стала, так? Нет. Я не достаточно хороша, чтобы быть в группе Брайнны Аддамс. Ты даже не потрудились записать номер автобуса, под который швырнула меня, так? Нет. Потому что тебе плевать. Все всегда крутятся вокруг тебя. Ты ни о ком другом не печешься.

Брайнна заставила себя закрыть рот и уставилась на Дину.

— Ты остатки разума потеряла? Правда? Ты о чем вообще думаешь? Я не пригласила тебя, потому что ты жутко ненавидишь танцы. Ты вечно жалуешься на них и на то, насколько они отстойны. Как ты лучше бы сгорела, чем выставила себя идиоткой на публике. Нет, погоди, погоди, ты сказала... «Это просто возможность озабоченным тинейджерам публично лапать девчонок и уходить с ними. Я вовсе не хочу быть одной из них,» — она изобразила пальцами кавычки, — Со мной происходят гадкие вещи, когда я хорошо одета. Да я и не хочу обжиматься с другими девочками. Если я захочу отдать дань уважения Сапфо[28], я напишу ей поэму». Разве не такую тираду ты выдала?

Дина занервничала еще больше, ее кожа стала покрываться пятнами. Глаза стали

стеклянными.

Не хорошо.

Испугавшись за Дину, Ник прыгнул на крыльцо. Когда он добрался до нее, Дина рванула к Брайнне и задела его сломанную руку. Боль разрывала. Он изо всех сил сжал кулак, но даже это не помогло. Десять секунд он боялся, что потеряет сознание.

Но затем случилось нечто странное. Он почувствовал, как его силы подзаряжаются, как было в тюрьме. Словно он резко активизировался.

Зубы Дины удлинились. Ее глаза стали белыми, она рычала и шипела, пытаясь убить их.

Откуда-то изнутри Ника пришли воспоминания от его отца и других Малачай.

Он схватил Дину здоровой рукой и оттащил от Брайнны. А затем он заговорил голосом Малачай на их родном языке.

— Ты не имеешь права завладеть этой девочкой. Отпусти ее.

Демон протестовал.

— Она пригласила меня. Она хотела меня.

— И ты ее использовал против меня. Ты представляешь, что я сделаю с демоном, выступившим против меня?

Демон подобострастно захныкал.

— Прости меня, Хозяин, но помни, я помог тебе стать сильнее. Ты научился от меня.

Ник сжал сильнее.

— Есть методы обучения и получше, — своими силами и словами, которым научил его Ксенон, когда они боролись с тренером, Ник заставил чудовище покинуть Дину.

И как только демон покинул ее, она потеряла сознание на его руках. Ник положил ее на крыльцо у ног Брайнны.

— Следи за ней.

С расширившимися глазами, Брайнна кивнула.

Ник последовал за Трексианом, чтобы не дать тому запрыгнуть в чье-то тело. Но вместо того, чтобы скрыться, тот перешел в атаку. С громким воплем, он бросился на него.

Коди замерла, когда увидела, что Трексиан схватил Ника. Она сделала к ним шаг, но Калев перехватил ее.

— Что ты делаешь? Он должен научиться защищать себя. Мы не можем каждый раз вмешиваться и помогать ему.

Коди не хотела слушать.

— Но...

— Никаких но, Коди. Если ты хочешь, чтобы он жил и боролся, то он должен делать это сам.

Проще сказать, чем сделать.

— Ему больно.

— И он от этого становится сильнее. Смотри.

Она так и сделала, и он был прав. Так как Малачай был рожден от тьмы, именно негативные эмоции подпитывали его.

Но она по-прежнему морщилась каждый раз, когда демон наносил удар. Он прыгнул и попытался сбить Ника с ног. Но вместо того, чтобы упасть на крыльцо, Ник развернул тело, и не смотря на сломанную руку, приземлился на ноги.

Трексиан попытался укунить его. Он поймал его одной рукой и отшвырнул.

Ник чувствовал, что его хватка слабеет. Хотя он и держал демона под контролем, но

чувствовал, что быстро его терял и не знал почему.

— Ты не Малачай, — прорычал тот, дразня. — У тебя нет всех сил. Ты ничто. Бесплезный плевок на дороге. Мусор.

Последние слова, вместо того, чтобы лишить его равновесия и заставить почувствовать себя ничтожным человеком, как это было раньше, укрепили и разозлили его. Впервые в жизни он понял, что это не правда.

Ник Готье не был мусором. И он полностью понял, как шелковая речь и влияние могут разрушать.

Он улыбнулся Трексиану.

— Малыш, я не мусор. Мусор — то, что ты выкидываешь. Мои люди меня берегут.

И вместе с этим его силы возросли и заработали.

Трексин закричал, когда Ник, наконец, вернул его в тьму, в которой он родился.

К сожалению, вместе с ним ушла и злость Ника. И вместе с ней вся сила. В одно мгновение он стоял, в другое...

Ох...

Он ударился лицом о перила крыльца. О да, ему точно надо над этим поработать. Не совсем хорошо вначале надирать зад, а затем кататься по земле, как сдутый шарик.

Коди подбежала к нему.

— Ник? Ник?

— Я в порядке...ну, в порядке — это я слегка преувеличил. Могу сказать, что дышу. Вроде, — потому что дышать сейчас было очень больно. — И я бы хотел принять что-нибудь от боли.

Но к сожалению, он больше не может это делать. Когда он теряет контроль над сознанием, происходят плохие вещи, и ему вовсе не нужно было, чтобы обезбаливающее вырубил его.

Коди осторожно перевернула его и положила его голову себе на колени.

— Бедный малыш, ты выглядишь так, словно тебе надрали зад.

А она выглядела невероятно прекрасной.

Когда Калев повторно убедился, что демон ушел, и поднялся на крыльцо, Дина застонала, все еще лежа у ног Брайнны. Прижав руку к голове, она заморгала.

— Брайнна? — спросила она недоверчиво. — Что ты тут делаешь?

Брайнна нахмурилась.

— Ты не помнишь?

Дина нахмурилась. Затем резко вдохнула.

— Медальон! — она сорвала его с шеи и швырнула в кусты.

Они все уставились на нее, словно ею опять овладел демон.

— Что это было? — спросила Брайнна.

— Зло! Я купила его в магазине Св.Анны, потому что мне было очень плохо. Мужчина сказал, что это поможет мне почувствовать себя лучше.

Калев облизал губы.

— Когда ты купила его?

Дина заморгала.

— Вчера, после школы. Брайн и Шон разговаривали о том, что собираются делать для танцев и кого хотят видеть в комитете, — она села и уставилась на Брайнну. — Я ждала, что одна из вас пригласит меня, но вы этого не сделали! Вместо этого вы пригласили ботаника,

мусор и...

Ее голос утих, когда она поняла, что мусор был на ее крыльце.

— Ч-ч-что ты тут делаешь?

Ник хотел встать в позу крутого парня. К сожалению для его эго, тело не слушалось его.

— Спасая твой зад, но знаешь, я думаю следовало тебя бросить.

— Дина, — сказала Брайнна громким голосом. — Это было не вчера. Это было неделек назад.

— Нет, вчера.

Телефон Ника зазвонил. И конечно, он был в кармане под сломанной рукой. Он пытался достать его, но не мог.

— Хм, кто-нибудь, помогите.

Калев отступил.

— А, черта с два я буду ковыряться в кармане штанов другого парня. Забудь. Это работа твоей девушки.

Засмеявшись, Коди полезла за ним. Целую минуту Ник вообще не чувствовал боли. Он чувствовал, как ее рука скользит по его бедру. О да, ему это нравилось. Избиение битой этого стоило.

Она достала телефон и ответила.

— Это Мадуг, — она протянула его.

— Эй, что случилось? — спросил он.

— Мы с Марком, наконец взломали сайт. Это было странно. Вначале код был, как живая вселенная. Все, что мы пытались, не выходило. Я никогда подобного не видел. Но несколько минут назад — БАМ. Он открылся. Все разрешилось.

Потому что пару минут назад Ник изгнал демона.

— Дай угадаю, сайт принадлежит Дине Квоттербаум?

— Почти, — Мадуг, казалось, был впечатлен. — Ее отцу. Откуда ты знаешь?

Ник посмотрел на Коди.

— Просто догадался. Скажи спасибо Марку, и, Мадуг...

— Ага!

— Отличная работа, приятель. Ты лучший.

— Без проблем, поболтаем позже.

Ник повесил трубку, и положил телефон в карман, в который мог забраться.

— Это был Мадуг.

Калев скрестил руки на груди.

— Мы слышали.

Ник медленно сел, чтобы встретиться взглядом с Брайнной.

— Мы выяснили, кто опубликовал твои фото, и кто владел ужасным сайтом о наших одноклассниках.

Лицо Дины побледнело.

— Откуда ты знаешь о моем домене?

— Это была ты! — завопила Брайнна. — Ты сделал эти фото меня...меня...

Паника на лице Дины сказала, что эта жестокость была порождением ее собственной зависти и злобы, а не демона.

— Зачем так поступать? — кричала Брайнна.

— Это была шутка.

Брайнна скривила рот.

— Никто не смеялся.

— Ой, пожалуйста... ты и все твои богатенькие дружки с идеальной жизнью Рокфеллера... вы заслужили, чтобы вас сбросили с ваших высоких лошадей.

Брайнна скривила лицо.

— Моя жизнь не совершенна, Дина. К твоему сведению, мои родители разводятся и делят нас, детей, как столовое серебро. Единственный человек в этом мире, которого я люблю, любит другую. Я завалила математику. Я завалила тест по чтению уже четыре раза. Мой маленький брат — монстр, а мои родители не воспитывают его. И я единственная Аддамс в девяти поколениях, которая не умеет готовить. Поверь мне, в моей жизни нет ничего совершенного. Но я не нападаю подло на других. Я читала твои мерзкие посты. Это ты считаешь себя выше нас. Но в конце концов тебя злят не наши деньги, одежда и популярность. Просто ты завидуешь, что не смотря на наши несовершенные жизни, мы изо всех сил стараемся не опуститься на колени и остаемся счастливыми. Не смотря на все, мы не нападаем на других людей и смеемся только над смешными вещами. И сестренка, нет ничего достойного в смехе над жестокостью. Вот этому ты всегда завидовала. И это делает нас лучше, чем ты. Мы сострадающие, а не подлые, корыстные, мерзкие гарпии, сеющие несчастье повсюду.

— Ты идиотка. Ты ничего не знаешь.

Брайнна собралась дать ей пощечину, но Коди перехватила ее руку.

— Она этого не стоит.

— О поверь мне, стоит.

Ник покачал головой.

— Оставь ее Брайн. Какой самый лучший реванш в мире? Дать ей встретиться с людьми, на которых она нападала в школе. Люди, как они, считают себя в безопасности дома, анонимно атакуют людей, которые даже не вредили им по интернету. И хотя анонимность дает им ощущение безопасности, интернет — место, где тебя могут вычислить. IP уникально для каждого пользователя, и история посещений тоже сохраняется. Тебя можно найти. И даже, если человек на которого ты нападала не знает этого, все не важно. Судьба тебя найдет, а она весьма жестока с теми, до кого доберется. Никто не сбежит из ее хватки, — он посмотрел на Дину. — Мне жаль, что ты втянула себя в это. И я рад, что я не ты.

Брайнна гордо задрала подбородок и посмотрел на Дину вниз.

— Не могу поверить, что чуть не убила себя из-за такой, как ты. О чем я думала? Но знаешь, что? Я узнала, кто мои друзья, — она посмотрела на Ника, Коди и Калеба. — Узнала, кто нет. Как говорит моя мама — иногда нужно прогнать змей из своего сада. Хорошей тебе жизни, Дина. Но этого не будет, пока ты не выучишь, что если у других есть то, чего нет у тебя, это не значит, что они забрали твое. Никогда, — и с этими словами, она сошла с крыльца.

Ник изобразил перед Диной жест Йоды.

— Да прибудет с тобой сила.

Они сошли на дорожку с крыльца Дины. Ник обхватил рукой плечи Коди.

— Так как ты ее заставишь извиниться перед всеми?

Ник коварно усмехнулся.

— Доверься мне. А теперь, пожалуйста, — простонал он, — Отвези меня домой, пока я не упал. Мне больно. Очень-очень больно. Боль размером с Малачай.

Коди закусил нижнюю губу, изучая его.

— Ну, я доставлю тебя туда. А когда мы прибудем, я поцелую тебя везде, где бо-бо.

Да, она обладала большими силами, чем он. Потому что последние четыре слова полностью стерли всю боль.

Эпилог

— И снова, я хочу перед всеми извиниться, за то, что опубликовала на сайте и за ложь о моих товарищах. Мне так жаль. Это было неправильно и трусливо, и я так больше не буду.

Ник смотрел на Коди, пока Дина заканчивала извиняться по громкоговорителю. К сожалению, Дина отправится в тюрьму, как только закончит это. Но от этого он не чувствовал удовлетворения. Это было слишком грустно, чтобы праздновать.

То, что началось как злобная шутка, против тех, кто не желал ей зла, привело ее к заключению. Да, она могла винить за это Трексиана или Брайнну, что и делала Дина.

Но в конце концов это именно она освободила демона из ожерелья и позволила завладеть ей.

Ник был даже благодарен, что она продолжала врать об изнасиловании, и когда полиция настояла на экспертизе, выяснилось, что она такая же девственница, как и он.

Но все же, победителей не было. Как часто говорила его мама, в битве никто не остается невредим. Все участники кровоточат. И даже после этой драмы, люди все еще вели себя подло по отношению к другим. Все еще дразнили Ника из-за ареста, и лжи, которую наговорила Дина.

Некоторые вещи никогда не меняются. Но хотя он и был Малачай, но все же надеялся, что люди выучат урок и изменятся.

Прозвенел звонок.

Калев бежал в трех шагах впереди них, а Коди держала его за руку и шла с ним. Одета в обтягивающий кремовый свитер, она была чудесна. И что главное, на ней была цепочка с розовым сердечком, которое он подарил ей, когда все обвинения были сняты. Это был праздничный дар, раз уж она завладела его сердцем, то это было напоминанием ей, что ее жизнь для него дороже собственной.

Хотя это было против правил, Ник быстро поцеловал ее перед тем как войти в класс, и прямоком наткнулся на смерть.

В прямом смысле.

Грим был их учителем химии на замену. Это была плохой идеей.

— Ты собираешься взорвать школу? – спросил Ник.

Грим фыркнул.

— Мне не так везет. Веришь или нет, я этим занимаюсь забавы ради.

Ага, в это невозможно было поверить... если только в лаборатории не разразится массовая резня.

Ник прокашлялся.

— Ну тогда я сяду. Мне придется это пережить. Так?

— Не бойся, Готье. Я тебе не угроза.

Его посетило неприятное ощущение.

— Ты о чем?

— Английский. Не. Твой. Родной. Язык? – Грим отдельно произносил слова, и выделял

каждый звук.

Ник ненавидел, когда он делал это.

— Ой, глупенький я, — продолжил Грим. — Я забыл, что твой родной язык — Идиотский. Ладно, произнесу тебе по буквам. Не мне приказано убить тебя.

От этой новости он похолодел.

— Но кому-то приказано?

Грим кивнул.

Инстинктивно, Ник перевел взгляд на Калеба.

Грим усмехнулся.

— Нет, он предан.

— Тогда, кто?

— Ты точно знаешь. Такую не пропустишь. У нее на шее розовое сердечко.

Продолжение следует...

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

[1] Сумеречная зона (The Twilight Zone) — американский телевизионный сериал, созданный Родом Стерлингом. Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой. Популярный как у зрителей, так и среди критиков, этот сериал открыл многим американцам серьезную научную фантастику и абстрактные идеи как через телевидение, так и через большое разнообразие литературы Сумеречной зоны.

[2] Пончартрэйн (англ. Lake Pontchartrain; фр. Lac Pontchartrain) — озеро в США на юго-востоке штата Луизиана. Крупнейшее озеро в штате, второе по величине среди соленых озёр США, одиннадцатое по площади среди всех озёр в стране.

[3] При ОКР у больного непроизвольно появляются навязчивые, мешающие или пугающие мысли (так называемые obsessions). Он постоянно и безуспешно пытается избавиться от вызванной мыслями тревоги с помощью столь же навязчивых и утомительных действий (компульсий). Иногда отдельно выделяется обсессивное (преимущественно навязчивые мысли — F42.0) и отдельно компульсивное (преимущественно навязчивые действия — F42.1) расстройства

[4] Герой «Звездных Войн».

[5] в данном монологе Ник сильно мешает французский с английским и говорит просторечным языком.

[6] Ричард Ли Петти (англ. Richard Lee Petty, род. 2 июля 1937, Левел Кросс, Северная Каролина) — известный американский гонщик, семикратный чемпион серии NASCAR.

[7] Теодор Сьюз Гейзель (Доктор Сьюз (англ. Dr. Seuss); 2 марта 1904, Спрингфилд (Массачусетс), США — 24 сентября 1991, Ла-Хойя) — американский детский писатель и мультипликатор.

[8] Марди Гра (фр. Mardi gras, буквально — «жирный вторник») — вторник перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней» (аналог русской Всеядной недели). Известен шумными гуляниями и карнавалом.

[9] *разновидность конфет.*

[10] орех.

[11] Джин Симмонс (англ. Gene Simmons, имя при рождении — Хаим Виц) (25 августа 1949, Тират-Кармель, Израиль) — американский бас-гитарист, вокалист, актёр и предприниматель. Наиболее известен как один из основателей группы Kiss, выступающий под сценическим псевдонимом The Demon, пускающая изо рта искусственную кровь, дыша огнём и высывающая язык.

[12] марка бейсбольной биты.

[13] По имени св. Витта, от которого ждали исцеления больные во время эпидемии плясового бешенства в Средние века

[14] «Могучие рейнджеры» (0003008091008091807180англ. Power Rangers) — американский телесериал в жанре токусацу, созданный компанией «Saban» в 1993 году на основе 00000818японского сериала «Super Sentai Show».

[15] Иáред (Ерэд бен Маалал'эль) — старший сын Малелеила, отец Еноха. Родился в 460 г. от сотворения мира (3300 г. до н. э.), умер в возрасте 962 лет, в 1422 г. от сотворения мира (2338 г. до н. э.). Это второй максимальный по продолжительности срок жизни библейского патриарха. Согласно Книге Бытие больше прожил лишь внук Иаред Мафусаил.

[16] Эрта Китт (англ. Eartha Mae Kitt; 17 января 1927 — 25 декабря 2008) — американская певица и актриса; звезда кабаре, прославившаяся своим «мурлыкающим» вокалом и соответствующим имиджем (за что получила прозвище «sex kitten»).

[17] Sex Pistols (МФА: [sɛks 'pɪst(ə)lz]) — британская музыкальная группа, образованная в 1975 году в Лондоне и исполняющая панк-рок. Коллектив стал олицетворением субкультуры панка, а его участники — инициаторами так называемой «панк-революции» в Великобритании.

[18] переделанная фраза «оставь надежду всяк сюда входящий».

[19] thorn -шип, колючка

[20] bane – бич, проклятие, страдания, мор.

[21] Кевлár (англ. Kevlar) — торговая марка пара-арамидного (полипарафенилен-терефталамид) волокна, выпускаемого фирмой DuPont. Кевлар обладает высокой прочностью (в пять раз прочнее стали, предел прочности $\sigma_0 = 3620$ МПа).

[22] средство для отравы насекомых.

[23] San Diego Comic-Con International, также известный как Comic-Con — международный ежегодный фестиваль, проходящий в городе Сан-Диего с 1970 года. Фестиваль был основан Шелом Дорфом, Ричардом Альфом, Кеном Крюгером и Майком Тоури. Фестиваль проходит летом в течение четырёх дней с четверга по воскресенье. В среду вечером происходит предварительный показ для специалистов, участников выставки и некоторых посетителей, которые заплатили за все четыре дня.

[24] Лига плюща (англ. The Ivy League) — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах.

[25] «Золотое правило нравственности» — общее этическое правило, которое можно сформулировать как «Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «не делайте другим того, чего не хотите себе».

[26] Товарный знак разнообразных пластиковых контейнеров для хранения пищевых продуктов и других кухонных аксессуаров производства компании "Тапперуэр корпорейшн".

[27] прим. Разговор ведется на испанском

[28] Сапфó (тж. Сафó, Сáфо[1], Сафо Митиленская; аттич. др.-греч. Σαπφώ (произносится — /sap:^hɔ:/), эолийск. др.-греч. Ψάπφω (произносится — /psap:^hɔ:/); около 630 года до н. э., о-в Лесбос — 572/570 до н. э.) — древнегреческая поэтесса, представительница монодической мелики (песенной лирики). Современники называли её «страстной».